

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 19. № 4

2020

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 19. No. 4

2020

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020

Том 19. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2020

Volume 19. No. 4

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2020. Vol. 19. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Macerata, Italia);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editor, Proofreader *I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, Yu.V. Chemeteva*

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing Aug. 20, 2020.

Date of publication Dec. 25, 2020. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 16.1. Published pages 17.3.

Number of copies 500 (1st dublicate 1–50).

Order 173. «C» 24.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020. Т. 19. № 4

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Пряхорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Мачерата, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редактор, корректор *И.В. Сметанина*

Редакторы английских текстов:

О.С. Волкова, Ю.В. Чеметева

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 20.08 2020 г.

Дата выхода в свет 25.12 2020 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,1.

Уч.-изд. л. 17,3. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–50).

Заказ 173. «С» 24.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://1.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://1.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Николаева Н.Г., Ермошин А.В., Кузовенкова А.И.</i> Казанское Евангелие XIV века в кругу генетически близких апракосов	5
<i>Брысина Е.В., Супрун В.И.</i> Названия кукушки и кукушонка в русском народном лингвосознании ...	16
<i>Осипова К.В.</i> О некоторых названиях браги и самогона в севернорусских говорах	29
<i>Ерофеева Т.И., Шустова С.В.</i> Лексическое просторечие в речи носителей литературного языка Пермского региона	42
<i>Давыдова М.Л.</i> Формирование и нормализация юридической терминологии в сфере цифровых технологий	52

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

<i>Хилханова Э.В.</i> Новые тенденции по отношению к многоязычию и миноритарным языкам в глобальном масштабе	64
<i>Араева Л.А., Ли С.И.</i> Когнитивное моделирование языковой картины мира коренных народов Сибири (на материале фрейма «грибы»)	76
<i>Нефёдова Л.А., Краснопеьева Е.С.</i> Англо-русские гибридные образования в тексте перевода: о межъязыковой интерференции в контексте переводческих норм	86
<i>Иванова М.А.</i> Концепт <i>Freundschaft</i> (Дружба) в виртуальной коммуникации	99

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Потапова Н.А., Шчукина Д.А.</i> Русские поговорки и механизмы человеческого мышления (выражение обобщенного значения)	109
<i>Петрова А.А., Сытина Н.А., Александрова Е.С.</i> Социолингвистический мониторинг частотности употребления слов молодежного социолекта [На англ. яз.]	120
<i>Ускова О.А., Ле Тхи Фьонг Линь.</i> Национальные стереотипы коммуникативного поведения в условиях виртуальной бизнес-коммуникации [На англ. яз.] ...	133

ДИСКУССИИ

<i>Сергодеев И.В.</i> Неопределенность единиц поэтического текста в свете теории интертекстуальности	145
<i>Ширинкина М.А.</i> Информационный тип документов исполнительной власти: проблемы выделения и описания	157

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

<i>Nikolaeva N.G., Yermoshin A.V., Kuzovenkova A.I.</i> The Kazan Gospel of the 14 th Century in the Circle of Genetically Close Lectionaries	5
<i>Brygina E.V., Suprun V.I.</i> Names of Cuckoo and Cuckoo Chick in Russian Folk Linguistics	16
<i>Osipova K.V.</i> On Some Names of Braga and Moonshine in Northern Russian Dialects	29
<i>Erofeeva T.I., Shustova S.V.</i> Lexical Vernacular in the Speech of Literary Language Users Residing in Perm Region	42
<i>Davydova M.L.</i> Formation and Normalization of Legal Terminology in the Field of Digital Technologies	52

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

<i>Khilkhanova E.V.</i> New Trends in Multilingualism and Minority Languages on a Global Scale	64
<i>Araeva L.A., Li S.I.</i> Linguistic World View of the Indigenous Peoples of Siberia: Cognitive Modelling (Exemplified by Frame “Mushrooms”)	76
<i>Nefedova L.A., Krasnopeyeva E.S.</i> English-Russian Hybrid Words in Translated Text: On Linguistic Interference and Norms of Translation	86
<i>Ivanova M.A.</i> Concept “ <i>Freundschaft</i> ” (“Friendship”) in Virtual Communication	99

MATERIALS AND REPORTS

<i>Potapova N.A., Shchukina D.A.</i> Russian Proverbs and the Mechanisms of Human Thinking (The Expression of Generalized Value)	109
<i>Petrova A.A., Sytina N.A., Aleksandrova E.S.</i> Sociolinguistic Monitoring of Word Usage Frequency of Youth Sociolect	120
<i>Uskova O.A., Le Thi Phuong Linh.</i> National Stereotypes of Communicative Behavior in Virtual Business Communication	133

DISCUSSIONS

<i>Sergodeev I.V.</i> Nondefiniteness of Poetic Text Units in View of Intertextuality Theory	145
<i>Shirinkina M.A.</i> Information Documents of Executives: Problems of Identification and Description	157

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.1>

UDC 811.161.1'04:81'42
LBC 81.411.2-03

Submitted: 28.11.2019
Accepted: 28.04.2020

THE KAZAN GOSPEL OF THE 14th CENTURY IN THE CIRCLE OF GENETICALLY CLOSE LECTIONARIES¹

Nataliya G. Nikolaeva

Kazan State Medical University, Kazan, Russia

Anton V. Yermoshin

Kazan State Medical University, Kazan, Russia

Anna I. Kuzovenkova

Military Training Scientific Center of the Navy, Navy Kuznetsov Naval Academy, Saint Petersburg, Russia

Abstract. This article summarizes the earlier research aimed to determine the scope of closely related lectionaries for the Kazan Gospel of the 14th century. For this purpose, the methodology of linguistic, textual, and structural markers selection was applied. At the first stage, a comparison was made on a number of similar manuscripts regarding the most striking deviations from the standard text invariant in the Kazan Gospel (that is, language markers, which are errors, typos, text gaps and inserts, rare lexical variations, grammatical nuances, etc.). Then we compared more voluminous text fragments representing selected readings of the annual circle of varying degrees of significance (textual markers). Based on these comparisons, a group of textually similar manuscripts was studied from the point of view of their lectionary structure (according to structural markers). As a result, the hypothesis about the affinity of the Kazan manuscript with the full lectionaries of the State Historical Museum collection (the Synodal collection, no. 65), and of the Russian National Library collection (the Pogodins collection, no. 17), was confirmed. This result helped to determine more accurately the place of creation of the Kazan Gospel (probably Kirillo-Belozersky monastery), as well as to analyze the reasons for the discrepancies between the three manuscripts. The data obtained made it possible to single out a group of manuscripts belonging to one tradition within the framework of textology of Slavic lectionaries of the Mstislav type, which may be useful for their further research.

Key words: Kazan Gospel, long lectionary, Old Russian language, lexicon, textology, liturgical readings.

Citation. Nikolaeva N.G., Yermoshin A.V., Kuzovenkova A.I. The Kazan Gospel of the 14th Century in the Circle of Genetically Close Lectionaries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 5-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.1>

**КАЗАНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ XIV ВЕКА
В КРУГУ ГЕНЕТИЧЕСКИ БЛИЗКИХ АПРАКОСОВ¹****Наталья Геннадьевна Николаева**

Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия

Антон Владимирович Ермошин

Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия

Анна Игоревна КузовенковаВоенный учебно-научный центр Военно-Морского Флота «Военно-морская академия им. Н.Г. Кузнецова»,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Настоящая статья подводит итог начатому ранее исследованию по определению круга близкородственных апракосов для Казанского Евангелия XIV века. С этой целью была применена методика отбора так называемых маркеров: языковых, текстовых и структурных. На первом этапе проводилось сопоставление по ряду сходных рукописей в отношении наиболее ярких отклонений от стандартного текстового инварианта в Казанском апракосе (языковых маркеров: ошибок, описок, текстовых пропусков и вставок, редких лексических вариантов, грамматических нюансов). На втором этапе сравнивались более объемные текстовые фрагменты, представляющие избранные чтения годового круга разной степени значимости (текстовые маркеры). На основании этих сопоставлений был выделен круг близких в текстовом отношении рукописей, которые подверглись изучению с точки зрения их лекционной структуры (по структурным маркерам). В результате нашла свое подтверждение гипотеза о близком родстве Казанского манускрипта с полными апракосами из собраний Государственного исторического музея (Синод. 65) и Российской национальной библиотеки (Погод. 17). Это помогло точнее определить место создания Казанского апракоса (возможно, Кирилло-Белозерский монастырь), а также проанализировать причины расхождений между тремя рукописями. Полученные данные позволили установить круг рукописей, принадлежащих одной традиции в рамках текстологии славянских апракосов Мстиславова типа, что может быть полезным для их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Казанское Евангелие, полный апракос, древнерусский язык, лексика, текстология, богослужебные чтения.

Цитирование. Николаева Н. Г., Ермошин А. В., Кузовенкова А. И. Казанское Евангелие XIV века в кругу генетически близких апракосов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 5–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.1>

Введение

Исследуя рукопись Евангелия-апракоса, хранящегося в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (№ 2072; далее – КЕ), мы не ставили в качестве первоочередной задачи проследить его текстологическую историю: КЕ – лишь один из многих рукописных апракосов, создание которого по ряду палеографических и фонетических признаков следует отнести ко второй половине XIV в. [Кузовенкова, 2017; Николаев, 2003], найти его антиграф представляется маловероятным. Однако текст КЕ со-

держит нестандартные чтения, яркие ошибки различного генезиса и типа, структурные особенности. Выявление похожих чтений в других апракосах приблизило бы нас к очерчиванию круга генетически близкородственных рукописей и позволило бы на основании сходств выделить группу апракосов среди всех лекционных евангелий Мстиславова типа согласно классификации Л.П. Жуковской (см., например: [Жуковская, 1968, с. 252–272]).

В начале работы над проектом мы определили апракосы, которые могут иметь с КЕ генеалогическую близость, и выдвинули гипотезу о двух списках, входящих в наиболее узкий круг родственных памятников [Никола-

ева, 2017]. Речь идет о списках из собраний Государственного исторического музея (Синод. 65) и Российской национальной библиотеки (Погод. 17). Вплотную мы подошли к решению этого вопроса в одной из наших предыдущих работ, в которой были собраны наиболее значимые лексико-текстологические маркеры КЕ и опробована методика их применения при сравнении рукописей [Николаева, Ермошин, 2018].

В настоящей статье мы представляем результаты сопоставления КЕ с рукописями Синод. 65 и Погод. 17. Согласно выдвинутой ранее гипотезе последние входят в узкий круг генетически родственных древнерусских апракосов.

Евангелие-апракос из Синодального собрания А.В. Горский и К.И. Невоструев определяют как список «Кириллова монастыря» (в описи рукопись имеет № 29). В кратком представлении рукописного памятника они отмечают несколько характерных словоупотреблений [Горский, Невоструев, 1855, с. 258–259], совпадающих с таковыми в КЕ. Е. Гранстрем в еще более скупом описании списка № 17 из Погодинского собрания не дает сведений о месте его создания, но отмечает, что, судя по поздней записи в рукописи, она хранилась у старообрядцев на Выге [Гранстрем, 1953, с. 45–46], то есть в соседнем с Вологодским краем регионе. Это не исключает ее появления также в скриптории Кирилло-Белозерского монастыря. Оба списка датируются исследователями XIV в., как и КЕ.

Методы исследования

При изучении евангелий-апракосов важны не только языковая и текстовая специфика, но и принцип лекционарной структуры: определение типа апракоса (полный, краткий или воскресный), системы счета недель и нумерации дней внутри них в различных циклах (пасхальном, Матфеевом, «нового лета», великопостном), особенностей месяцесловной части. В связи с этим мы выделили 3 типа маркеров и использовали их при сравнении названных рукописей.

Первый тип составили языковые маркеры, основной фонд которых формируют лексические особенности. Таковых мы выделили 50. В их состав входят:

1) явные ошибки, порожденные диктантом или самодиктантом, например: Мф. 8:32 **авьѣ оустреми са все стадо побредше** в море и истопоша в водахъ (КЕ, 23г) – ср.: ... **по врьгоу** въ морѣ (Мст.², 38г);

2) использование лексических вариантов, например: Мф. 5:39 но аще кто оударитъ та **по лицу ѡбрати ему дргуоѣ** (КЕ, 13в) – ср.: нз аще кзто та оудари въ **десночю ланитоу**, обрати емуоу и **дрвгою** (Мст., 29б); Мф. 7:16 ѡ волчець **ягоди** (КЕ, 14г) – ср.: отъ волчыца **смокзви** (Мст., 30г);

3) разные переводческие решения в отношении не одной лексической единицы, а синтагмы, например: М. 1:33 и вѣ весь **народъ** собрав са на **послушаниѣ** (КЕ, 39в) – ср.: и вѣ весь **градъ** съвралъ са **къ дврьмъ** (Мст., 55б); М. 6:54 ишедшо **ѣс** ис корабла. и авьѣ познаша и **мужи мѣста того**. и претекоша все ѡкругзнеѣ мѣсто то (КЕ, 49а) – ср.: ... **мужи земля генисаретьскы** (Мст., 64б);

4) грамматические неточности и нюансы, например: Мф. 5:5 **яко тѣ наследать на землю** (КЕ, 12б-в) – ср.: **яко ти наследать землю** (Мст., 28б); Мф. 6:24 **нѣкии же равъ** можетъ двѣма гнѣа работати. **ѣдиного възлюбви** а дргуаго възненавидитъ (КЕ, 18б) – ср.: **никзии же равъ** можетъ двѣма господинома работати. или **ѣдиного възненавидитъ** а дргуааго **възлюбитъ** (Мст., 34а);

5) графико-фонетические особенности, например: Мф. 22:17-21 **достоино ли ѣсть дати кинесъ кѣсаревѣ**. или ни. <...> **кии ѣсть ѡбразъ** си-и писаниѣ. **глше ѣму кисаревъ**. тогда гла **имъ ѡдадите оубо ѣже ѣсть кесаревъ** и то **кесарю**. а **ѣсть бииѣ** то **бви** (КЕ, 42б) – ср.: **достоино ли ѣсть дати кинесъ кесаревѣ**. или ни. <...> **чии ѣсть ѡбразъ** и писаниѣ. **глша ѣмъ кесаревъ**. тзгда глагола **имъ**. **отздадите оубо ѣже ѣ кесарево кесарю**. и **ѣже ѣсть бжине** то **богоч** (Мст., 57г–58а);

6) текстовые вставки, например: Л. 24:43 и **примъ** предъ ними **ѣдъ прочеѣ дасть имъ** (КЕ, 6г) – ср.: и **примъ** прѣдъ ними **ѣтъ** (Мст., 21г);

7) текстовые замены разной этиологии, например: Ин. 7:50 гла к **нимъ** **никодимъ** **пришедзи** **нощю к пилатчу** (КЕ, 11в) – ср.: гла **никодимъ** кз **нимъ** **пришедзи к нѣмоу** **нощю** (Мст., 26в); Мф. 18:1 **кто оубо боли ѣсть** **въ цркѣ бии** (КЕ, 35в) – ср.: **кто оубо боли ѣсть** **въ црѣтѣ нѣсьнѣмъ** (Мст., 50б).

Второй тип маркера был подсказан нам методикой С.Ю. Темчина, которая состоит в сплошном сравнении по рукописям одного выбранного текстового фрагмента [Темчин, 1998]. Мы сравнили такие богослужебные чтения, как зачала на литургиях Пятидесятницы и Воздвижения Креста Господня, чтение в понедельник через неделю после Дня Святого Духа и 12-е Страстное Евангелие, а также надписание зачала на литургии Светлого вторника (частая ошибка в апракосах, надписывающих его именем Иоанна вместо Луки). Эта подборка позволила сопоставить фрагменты из пасхального цикла (общего для полных и кратких апракосов), исключительно полноапракосных чтений будних дней после Пятидесятницы, великопостного и месящесловного циклов чтений.

Третьим типом маркеров стали лекционные характеристики апракоса, которые варьируются во всем корпусе списков и дают основания к выделению различных групп апракосов внутри одного их типа и класса [Жуковская, 1968, с. 226–238]. В качестве маркеров рассматриваются: система нумерации будних дней в неделях после Пятидесятницы и неделях «нового лета»; наличие или отсутствие чтений между 16-м воскресеньем по Пятидесятнице и понедельником «нового лета» (варианты: чтений нет, чтения есть лишь для 17-й субботы и 17-го воскресенья, чтения есть на все 7 дней); распределение чтений по субботам Великого поста (в частности, случаи «перестановки» субботних зачал по сравнению с современным порядком чтений, совпадающим со многими древнерусскими евангелиями, но отличающимся от ряда южнославянских апракосов); система чтений в дни Страстной седмицы (наличие одного или двух суточных чтений с понедельника по четверг, указание для чтения соответствующего евангельского отрывка на том или ином суточном богослужении); наличие дополнительных разделов между окончанием синаксарной части (литургия Великой субботы) и началом месящеслова; особенности подбора памятей святых в месящеслове (в частности, наличие русских по происхождению праздников).

Результаты и обсуждение

I. В результате сопоставления 3 рукописей по **языковым маркерам** мы получили следующие показатели. В списке Погод. 17 обнаруживается 39 полных совпадений из 50, еще 5 – частичных. В 3 случаях соответствующие фрагменты отсутствуют в сравниваемой рукописи (или дописаны гораздо позже), поэтому данное действие невозможно, и только в 3 фрагментах наблюдается полное расхождение с текстом КЕ.

Итак, частичные совпадения касаются фонетико-орфографических различий: в М. 7:11 аще рѣть ѣлвкъ ѡцю или мѣри **кѹрва**· но ѣжѣ ѣеть дѣрѣ (КЕ, 49г) – ср.: в Погод. 17 **корва**·но (62б); в М. 14:68 **ни видѣти ни свидѣти** что глѣши (КЕ, 98а) – ср.: в Погод. 17 **ни вѣдѣти ни свѣдѣти** что глѣши (111в). Мы не учитывали те случаи, когда в рукописях представлены разные графемы, имеющие, очевидно, одинаковую фонематическую значимость: «е широкое» и «е йотированное» (например, житьѣ и житьѣ), «о широкое» и «омега» (например, ѡцю и оцю) и т. п. Гораздо важнее тот факт, что манера их начертания имеет большое сходство, даже в деталях. Так, оба писца используют особую графему – «широкое о», рисуя внутри овала характерную змейку или крест.

Еще два частичных совпадения являются таковыми из-за ошибок писца КЕ, допущенных по невнимательности при переписывании (во втором случае возможно и непонимание смысла переписываемого). Ср.: Л. 22:35 **кѣгда** послахъ взѣ безъ **владица** и бес-пирѣи и безъ сапогъ. кѣда чѣго лишении вѣисте (КЕ, 121в-г) – кѣгда послахъ взѣ безъ **влагалица** и безъ пирѣи и безъ сапогъ. кѣда чѣго лишении вѣисте (Погод. 17, 134в), несколькими строчками ниже слово **влагалица** в КЕ написано правильно; М. 6:56 да **не** подолгѣ ризѣ ѣго прикоснѣт сѧ (КЕ, 49а) – да **поне** подолгѣ ризѣ ѣго прикоснѣт сѧ (Погод. 17, 61в).

Частичное сходство связано и с ошибочным пониманием слова в КЕ, хотя в остальном КЕ и Погод. 17 в этом фрагменте совпадают. Это свидетельствует о том, что смысл фрагмента в целом ускользал от писца: М. 15:7 бѣ же **нарочитѣи** варѣва съ своими **свѣтилникѣи** свѣзанѣ. иже в **персидѣ** оубо створиша (КЕ, 98в); бѣ же **нарочитѣи** варѣва

съ своими **свѣтници** свѣзанъ. иже в **персидѣ** **оубо** створиша (Погод. 17, 112а) – ср.: **бѣ** же **нарицаемъзи** варѣва съ своими **свѣтънникъзи** свѣзанъ. иже въ **пресърдни** **оубо** сътвориша (Мст., 116а). Копиист, работавший над списком Погод. 17, правильно передает слово со значением ‘сообщники’ (свѣтници), но не распознает слова, обозначающего ‘бунт, мятеж’, и заменяет его непонятным **персидѣ**. Кроме того, слова **оубо** ‘убийство’ не увидел тут ни один из переписчиков, так что даже в Мст. вместо **оубо** читаем **оубо** (116а).

Полное расхождение между КЕ и Погод. 17 наблюдается в следующих 3 из 50 выбранных фрагментов:

1) в Погод. 17 (35в) нет лишнего предлога в чтении Мф. 5:5 **яко тѣ наследѣть на землю** (КЕ, 126-в);

2) в М. 15:22 в КЕ Голгофа ошибочно названа **краинне** место (134г) – Погод. 17 представляет верный вариант: **краиневон** мѣсто (147б);

3) в Ин. 2:7 переписчик КЕ использует редкий уже для той эпохи прием контактного употребления лексических дублетов: и **гла** имъ **почерпѣте нзинѣ** и **принесѣте старѣшинѣ** **пирю** **архитриклиню** (155г). Копиист Погод. 17 к дублированию не прибегает: и **гла** имъ **почерпѣте нзинѣ** и **принесѣте** **архитриклинови** (16б).

Список Синод. 65 имеет 8 несовпадений из 50. При этом только 1 – частичное, все остальные – полные. Частичное несовпадение касается фрагмента М. 7:11, уже упомянутого выше. Здесь мы наблюдаем сходство со списком Погод. 17: **аще речете члвкъ ѡцю или мтри** **корва**. **но** **іеже** **іесть** **даръ** (Синод. 65, 61б).

Среди полных несовпадений фигурируют уже знакомые нам 3 фрагмента. В 2 из них наблюдается сходство с Погод. 17: в Мф. 5:5 нет лишнего предлога – **яко тѣ наследѣть землю** (26г) и в Ин. 2:7 отсутствует лексическое дублирование – и **гла** имъ **почерпѣте нзинѣ** и **принесѣте** **архитриклинови** (6б). Третий фрагмент (М. 15:22) отличается и от КЕ, и от Погод. 17: Голгофа в нем названа **главно** мѣсто (144в).

Кроме того, чтение М. 15:7 в Синод. 65 передано полностью осмысленно: **бѣ** же **нарицаемъзи** варѣва съ своими **свѣтникъзи** свѣзанъ. иже во **пресѣдѣ** **оубо** створиша (112а).

То же касается чтения М. 6:56, в котором правильно употреблено слово **подолзкъ**: **да поне подолкю** **ризу** **него** **прикоснут** **са** (60г).

Другие лексемы (на месте слов **влаглище** и **пира** / **спира**) выбирает переписчик Синод. 65 и во фрагменте Л. 22:35, в чем расходится и с КЕ, и с Погод. 17: **егда послахъ** **взи** **вс-кровища** **везъ** **мѣха** и **везъ** **сапогъ**. **егда** **что** **лишении** **взисте** (131в).

В чтении М. 5:26 переписчик Синод. 65 не использует слово **житие**, ограничившись только словом **свое**: и много **пострадавъши**. **ѡ** **многъ** **врачевъ** **иждивше** **все** **свое**. и **ниединоа** **же** **ползъ** **вбрътше** (57г). Такой перевод точнее передает греческий текст, где достаточно было выражения **τὰ παρ' αὐτῆς πλῆντα**.

В М. 14:68 меняется грамматическое время глагола: **не виде** и **не свѣтъмъ** **что** **глѣши** (Синод. 65, 111в).

Сравнение по языковым маркерам показало, что, во-первых, часть расхождений связана с описками, допущенными писцом КЕ, и особенностями произношения; во-вторых, различия касаются в основном одних и тех же фрагментов; в-третьих, список Погод. 17 ближе к КЕ, чем апракос Синод. 65.

Диалектные фонетические и грамматические нюансы в рукописи Погод. 17 также указывают на северо-западный древнерусский ареал и вторую половину XIV века. К ним относятся:

1) смешение **ѣ** (е) и **и**, например, фрагмент из Мф. 22:17-21 **достойно** **ли** **іесть** **дати** **кинесъ** **кѣсаревѣ**. или **ни**. <...> **кий** **іесть** **ѡбразъ** **си-и** **писаниѣ**. **глаше** **іемю** **кисаревъ**. **тогда** **гла** **имъ** **ѡдадите** **оубо** **іеже** **іесть** **кесаревъ** **и** **то** **кесарю**. **а** **іесть** **бѣиѣ** **то** **бѣи** (КЕ, 42б) полностью идентичен фрагменту в Погод. 17 (54г–55а);

2) формы глагола будущего времени без **-тъ**, например: Мф. 6:24 **нѣкии** **же** **равъ** **можетъ** **двѣма** **гнѣм** **работати**. **іединого** **взлюбѣ** **а** **другаго** **взненавидѣти** (КЕ, 18б) – то же в Погод. 17 (41а);

3) расширение употребления перфектных форм, в том числе и бессвязочных, например: Мф. 5:28 **оуже** **прелюбъзи** **с** **нею** **створилъ**. **въ** **срци** **своѣмъ** (КЕ, 13а) – то же в Погод. 17 (36б); Ин. 11:44 **мнози** **же** **ѡ** **иудѣи** **пришли** **къ** **мрѣи** (КЕ, 110б) – то же в Погод. 17 (123б);

4) сохранение супина, например: Л. 6:18 иже придоша послушатъ ѿго. и ѿблѣтса ѿ недрѣхъ своихъ (КЕ, 58г) – идентично в Погод. 17 (70г); Мф. 28:8 текоста **взъвъститъ** оучникъ ѿго (КЕ, 141а) – то же в Погод. 17 (152б);

5) позднее развитие категории одушевленности, например: Л. 9:41 приди ми снъ твои (КЕ, 75б) – ср.: приведи ми снъ твои (Погод. 17, 86б); Мф. 23:24 цѣдаще комары а вельблуды пожирающе (КЕ, 115г) – ср.: цѣдащии комары а вельблуды пожирающе (Погод. 17, 129а).

Как и в рукописи КЕ, в Погод. 17 отмечаются ошибки в окончаниях глаголов, обусловленные возможной юсовой графикой южнославянского протографа: вѣдѣше же июда иже и предаша (Погод. 17, 143а), хожаше родителя ѿго (Погод. 17, 157в), хотя их в сравнении с КЕ меньше.

II. Сопоставление по **текстовым маркерам** показало практически полную идентичность текстов на литургии в праздник Пятидесятницы в 3 рассматриваемых рукописях, за исключением единственного грамматического различия: ѿ галелѣи прркъ не приходит (КЕ, 11в) – ѿ галелѣи прркъ не приходят (Погод. 17, 34г). Принципиально важно, что начинается отрывок именно со слов **Въ послѣдній днь велики праздникъ** (КЕ, 11а; Погод. 17, 34б), а не великаго праздника, как в современной редакции текста.

Дословное совпадение КЕ, Синод. 65 и Погод. 17 можно наблюдать и в выбранном будничном чтении Матфеева цикла (понедельник через неделю после Дня Святого Духа) с минимальными отличиями: в житница (КЕ, 14б) – в житницу (Погод. 17, 37б).

В 12-м Страстном Евангелии различия носят лексический характер: архирѣи и фарисѣи (КЕ, 137г) – архирѣи и старци (Погод. 17, 149б), оутвердиша гробъ. знаменаша камень (КЕ, 138а) – оутвердиша запечатлѣвше гробъ камень (Погод. 17, 149в), но в целом текст 3 рукописей совпадает.

Заметьте разница в чтении на литургии Воздвижения Креста Господня (Ин. 19:31): жидове же **понеже патокъ вѣ**. да не ѿстанутъ на крѣтъ телеса в субботу. **ѣлма же патокъ вѣаше**. вѣ во великъ днь тоа субботы (КЕ, 144а) – июдѣи же **понеже патокъ вѣ** да не ѿстанутъ телеса на крѣтъ в субботу вѣ во великъ днь тоа субботы (Синод. 65, 153г) – жидовѣ же

да не останутъ телеса на крѣтъ в субботу. вѣ во великъ днь тоа субботы (Погод. 17, 154г). И так, ни Синод. 65, ни Погод. 17 не содержат почти уникального двукратного употребления фразы «так как была пятница», приведенной почти подряд в КЕ в 2 разных текстовых редакциях – Синод. 65 употребляет ее однократно и верно, Погод. 17 вовсе пропускает. Примечательно, что такое же повторение есть в Юрьевском Евангелии 1119–1128 гг.: жидове же **имже паткъ вѣ**. да не останутъ на крѣтъ телеса въ субботу. **ѣлма же паткъ вѣаше**. вѣ во великъ днь тоа субботы (215а).

Сравнение надписания зачала вторника Светлой седмицы (ошибочно надписанного в КЕ именем Иоанна – по аналогии с другими зачалами пасхального цикла) показало следующее: в Синод. 65 оно исправлено черными чернилами на правильное «от Луки» (4а), что позволяет предположить первоначально также неверное надписание «от Иоанна». В Погод. 17 данное чтение расположено на бумаге, которой рукопись была реставрирована в XIX в., заголовок к нему не надписан, оставлена свободная строка (13а).

Таким образом, сплошное сравнение выбранных текстовых фрагментов позволило обнаружить практически полное совпадение 3 рассматриваемых списков, за исключением фрагмента на литургии Воздвижения, где КЕ следует другой, более древней редакции апракоса.

III. Существенную роль при сопоставлении рукописей КЕ, Синод. 65 и Погод. 17 играют и выделенные **структурные маркеры**. Как уже отмечалось, в качестве одного из них была избрана система счета дней в неделях после Пятидесятницы (Матфеев цикл). Здесь возможны 3 варианта:

1. Понедельник после Пятидесятницы называется «понедельник 50-й недели», далее следуют прочие дни «50-й недели» до пятницы, затем – «суббота 1-я», «неделя 1-я», после которых – понедельник – пятница «1-й недели», «суббота 2-я» и т. д. Нумерация дней, таким образом, идет от субботы до следующей пятницы.

2. Первый понедельник Матфеева цикла также называется «понедельник 50-й недели», далее следует «вторник 50-й недели», и так до субботы включительно, после чего – «неделя 1-я», «понедельник 1-й недели», и так до

следующей субботы. Здесь нумерация дней идет от воскресенья до субботы.

3. Первый Матфеев понедельник называется «понедельник 1-й недели», далее – вторник и прочие дни «1-й недели», завершающиеся «субботой 1-й недели» и «неделей 1-й», после которой следует «понедельник 2-й недели» и т. д. В данном варианте нумерация начинается с понедельника и заканчивается воскресеньем.

КЕ придерживается 1-го, относительно редкого среди славянских апракосов варианта. Гораздо чаще встречается 3-й вариант, в котором понедельник – пятница «2-й недели» соответствуют понедельнику – пятнице «1-й недели» по счету КЕ. Именно к этому варианту относятся Синод. 65 и Погод. 17, аналогичные между собой в данном отношении. С КЕ их здесь роднит лишь то, что первые будние дни Матфеева цикла именуется понедельником – пятницей «50-й недели», но после «субботы 1-й» и «недели 1-й» следуют понедельник – суббота «2-й недели» и собственно «неделя 2-я», то есть схема нумерации от понедельника к воскресенью.

Аналогичной схемы (понедельник – воскресенье) придерживаются Погод. 17 и Синод. 65 и в следующем цикле чтений (от Луки – недели «нового лета»), тогда как КЕ переходит к схеме воскресенье – суббота (иногда сбиваясь, но в целом выдерживая ее, как показано в [Ермошин, Кузьмин, 2017, с. 242]).

Итак, сравнение по маркеру нумерации дней недели в различных циклах выявило несходство КЕ с Погод. 17 и Синод. 65. Однако по следующему маркеру отмечено сходство между этими тремя рукописями: в них имеются чтения для будних дней между «16-й неделей» и «17-й субботой» Матфеева цикла. Далеко не все полные апракосы включают эти чтения. В ряде из них за «16-й неделей» от Матфея следует сразу «понедельник 1-й недели» от Луки, в других (как, например, в типо- и классообразующем Мст.) – есть чтения «17-й субботы» и «17-й недели», но перед ними после предыдущего воскресенья нет чтений для понедельника – пятницы (Мст., 66г–67б). Имеющиеся в КЕ чтения для понедельника – пятницы 16-й недели взяты из Евангелия от Марка и полностью совпадают с аналогичными чтениями понедельника – пятни-

цы 17-й недели в Погод. 17 и Синод. 65 (о разнице в нумерации см. выше). Все эти отрывки дублируют соответствующие чтения понедельника – пятницы 15-й недели «нового лета», причем каждое из них вписано на своем месте заново (хотя могла быть дана лишь отсылка к аналогичному началу); они приведены в апракосе не просто дважды, а в разных текстовых редакциях; во всех 3 рукописях вторник 16/17-й недели Матфеева цикла имеет начало М. 11:11-21, а вторник 15-й недели «нового лета» – М. 11:11-23 (то есть отрывок на 2 стиха больше).

Полное сходство между КЕ, Синод. 65 и Погод. 17 обнаруживается и в такой особенности структуры, как расположение месяцесловной части (чтения непереходящих праздников и памяти святых) непосредственно после синаксарной, завершающейся началом на литургии Великой субботы, тогда как в ряде апракосов между ними бывают помещены разделы, содержащие 11 воскресных утренних начал и/или так называемые «общие чтения» (для памяти святых по ликам: апостолов, святителей, преподобных и др.), а также чтения на различные случаи (за болящих, умерших, на освящение храма и т. п.).

Ряд структурных маркеров позволяет выявить сходство КЕ с одной из двух рассматриваемых рукописей и отличие от другой. Система великопостных чтений в Синод. 65 существенно отличается от КЕ.

1. Первым великопостным началом является не чтение на литургии 1-й субботы поста, а Евангелие «на понахиде» в пятницу 1-й недели (снабженное прокимном). Это исчезнувшая впоследствии служба «паннихис» в честь великомученика Феодора Тирона, память которого в 1-ю субботу Великого поста начинает праздноваться с вечерни пятницы. В более поздних уставах она была заменена молебном великомученику Феодору после пятничной вечерни (в соединении с литургией Преждеосвященных Даров). Отсутствие упоминания данной «понахиды» в большинстве древнерусских апракосов свидетельствует о достаточном раннем ее исчезновении из обихода (если она вообще имела распространение в Древней Руси, где не было такого разнообразия типиконов, как в Византии на рубеже I–II тысячелетий). Однако Синод. 65 содержит

это уникальное чтение, в то время как Погод. 17 и КЕ не упоминают о нем.

2. Порядок субботних великопостных чтений в Синод. 65 соответствует принятому в современной русской богослужбной практике порядку – идентичному большинству древнерусских апракосов (Евангелия Остромирово, Архангельское, Юрьевское, Мстиславово, Добрилово, Друцкое и др.). В то же время КЕ и Погод. 17 допускают здесь перестановку субботних чтений (в 3-ю субботу поста читается зачало, помещенное в большинстве древнерусских и современном богослужбном Евангелии в 4-ю субботу, в 4-ю субботу – зачало 5-й субботы, а в 5-ю – 3-й субботы поста). Такая схема характерна для ряда южнославянских и некоторых древнерусских апракосов, в том числе с чертами южнославянского происхождения (Саввина книга, Евангелия Мирославово, Врачанское и др.), равно как и для КЕ.

Оформление цикла чтений Страстной седмицы в Погод. 17 идентично КЕ: имеются чтения «на заутрени» Великих понедельника, вторника, среды и четверга – с той лишь разницей, что утреннее Евангелие Великого четверга в КЕ ошибочно надписано «на литургии» (при наличии далее правильного чтения «на литургии» в четверг), а в Погод. 17 оно озаглавлено верно; вторые чтения этих дней и чтение Великой пятницы указаны «на литургии». В Синод. 65 первые чтения указаны не «на заутрени», а «на 1-м часе» (суточное богослужение, следующее после утрени), что свидетельствует об особой уставной традиции, на которую ориентирован данный апракос; вторые чтения Страстных понедельника, вторника, среды и пятницы указаны «вечером» или «на вечерне». Понятно, что Преждеосвященные литургии этих дней служились в соединении с вечерней, поэтому указание «на вечерне» или «на литургии» можно характеризовать как равнозначные, но мы посчитали необходимым выделить данный маркер, поскольку одни апракосы последовательно используют первое надписание, а другие – второе. Кроме того, между Евангелием «на 1-м часе» и «на литургии» Великого четверга в Синод. 65 помещено чтение на чине умоения ног, что вместе с вышеупомянутой «понахидой» 1-й пятницы поста свидетельствует

о вероятном соборно-кафедральном происхождении данного апракоса.

Месяцесловные разделы древнерусских апракосов представляют особое поле для изучения ввиду их большой вариативности, обусловленной целым комплексом причин [Лосева, 2001]. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь преимущественное сходство месяцесловов КЕ и Погод. 17 при значительных отличиях от месяцеслова Синод. 65. Например, 2 сентября Синод. 65 содержит память мученика Маманта, тогда как КЕ и Погод. 17 помещают здесь память Константинопольских патриархов Иоанна Постника и Павла Нового; 11 октября Синод. 65 отмечает память апостола Филиппа диакона, отсутствующую в КЕ; 10–13 сентября КЕ и Погод. 17 указывают древнюю константинопольскую практику четырехдневного «поклонения древу Креста Господня», в то время как Синод. 65 упоминает о нем лишь под 13 сентября. Наконец, месяцеслов Синод. 65 содержит 24 июля память святых мучеников князей Бориса и Глеба, а месяцесловы КЕ и Погод. 17 не имеют русских по происхождению памятей святых (во всяком случае, в сохранившихся фрагментах обе рукописи имеют утраты листов именно в месяцесловной части).

Таким образом, в результате сопоставления рукописей по структурным маркерам выявлено, что в одних случаях есть как сходство, так и различие между КЕ, с одной стороны, и Погод. 17 и Синод. 65, с другой; в других случаях структура КЕ в значительной степени или полностью идентична Погод. 17 и заметно отличается от Синод. 65.

Выводы

Сравнение исследованных рукописей по 3 видам маркеров позволило прийти к следующим выводам.

1. По языковым и графико-орфографическим параметрам рукописи КЕ, Синод. 65 и Погод. 17 можно отнести к узкому кругу близкородственных памятников. Имеющиеся несовпадения между рукописями в основном обусловлены невнимательностью переписчика КЕ. Чаше расхождения отмечаются в чтениях, в которых используется заимствованная

лексика. При этом рукопись Погод. 17 ближе к КЕ, чем апракос Синод. 65.

2. По текстовым маркерам рассматриваемые списки практически полностью совпадают, за исключением фрагмента на литургии Воздвижения Креста Господня, где КЕ следует другой, более древней редакции.

3. Сопоставление структуры памятников подтверждает полученные выводы. Все 3 списка оказываются генетически близкими, но Синод. 65 заметно отличается от 2 других по порядку субботних великопостных чтений, надписаниям чтений Страстной седмицы и набору памятней в месяцесловной части.

4. В текстах рукописей КЕ и Погод. 17 наблюдаются рефлексии гипотетического южнославянского антиграфа: это некоторые языковые черты (например, ошибки в окончаниях глаголов, обусловленные возможной юсовой графикой протографа / антиграфа) и особенности лекционной структуры (перестановка чтений на субботних литургиях Великого поста, более характерная для южнославянской традиции).

5. Северо-западные фонетические и грамматические диалектные черты, объединяющие 3 исследованных памятника, при их общем большом сходстве позволяют предположить, что они произошли из одного скриптория, каким мог быть Кирилло-Белозерский монастырь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Казанское Евангелие-апракос XIV века: лингво-историческое исследование», поддержанного фондом РФФИ (№ 17-34-00019-ОГН19).

The article is prepared within the framework of the research project “Kazan Evangeliary of the 14th Century: A Linguo-Historical Research”, funded by Russian Foundation for Basic Research (no. 17-34-00019-OGN19).

² Для сравнения приводятся соответствующие фрагменты из Апракоса Мстислава Великого как типобразующего текста, представляющего, как правило, более распространенный (или не содержащий ошибки) вариант перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горский А. В., Невоструев К. И., 1855. Описание славянских рукописей Московской Синодальной

библиотеки. Отдел первый: Священное Писание. М. : Синод. тип. 357 с.

Гранстрем Е. Э., 1953. Описание русских и славянских пергаменных рукописей: рукописи русские, болгарские, молдавляхийские, сербские / под ред. Д. С. Лихачева. Л. : Гос. публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. 129 с.

Ермошин А. В., Кузьмин С. И., 2017. Структура Казанского Евангелия XIV века: к проблеме типологизации средневековых славянских апракосов // Культура и цивилизация. Т. 7, № 6А. С. 234–247.

Жуковская Л. П., 1968. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности : Язык и текстология : сб. ст. / под ред. В. В. Виноградова. М. : Наука. С. 196–332.

Кузовенкова А. И., 2017. Палеография и графика Казанского Евангелия XIV века // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : VI Бодуэновские чтения (Казань, 18–21 октября 2017 г.) : междунар. конф. : тр. и материалы. В 2 т. Т. 1. Казань : Изд-во Казан. ун-та. С. 165–168.

Лосева О. В., 2001. Русские месяцесловы XI–XIV веков / под ред. Л. В. Милова. М. : Памятники исторической мысли. 420 с.

Николаев Г. А., 2003. Казанское Евангелие-апракос XIV века // II Международные Бодуэновские чтения : Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.). В 2 т. Т. 2 : тр. и материалы. Казань : Казан. гос. ун-т. С. 94–96.

Николаева Н. Г., 2017. К вопросу о генетических текстовых связях Казанского Евангелия // Классические языки в постклассический период: сб. ст. / ред.-сост. И. А. Рассохина. Казань : Бриг. С. 124–135.

Николаева Н. Г., Ермошин А. В., 2018. Лексико-текстологические особенности Казанского Евангелия XIV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 4. С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.2>.

Темчин С. Ю., 1998. Текстологическая семья Мстиславова Евангелия : новые данные о группировке древнерусских списков полного апракоса // Slavistica Vilnensis. № 47 (2). Р. 133–233.

ИСТОЧНИКИ

КЕ – Евангелие-апракос // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета. № 2072. 159 л.

Мст. – Апракос Мстислава Великого / изд. подгот. Л. П. Жуковская [и др.]. М.: Наука, 1983. 527 с.
Погод. 17 – Евангелие-апракос // Российская национальная библиотека. Собр. Погодина. № 17. 169 л.
Синод. 65 – Евангелие-апракос // Государственный исторический музей. Синод. собр. № 65. 170 л.
Юрьевское Евангелие – Евангелие-апракос // Государственный исторический музей. Синод. собр. № 1003. 231 л.

REFERENCES

- Gorskiy A.V., Nevostruev K.I., 1855. *Opisanie slavyanskikh rukopisey Moskovskoy Sinodalnoy biblioteki. Otdel pervyy: Svyashchennoe Pisanie* [Description of Slavonic Manuscripts of the Moscow Synod Library. Part One: Holy Scriptures]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya. 357 p.
- Granstrom E.E., 1953. *Opisanie russkikh i slavyanskikh pergamentnykh rukopisey: rukopisi russkie, bolgarskie, moldovlakhyskie, serbskie* [Description of Russian and Slavic Parchment Manuscripts: Russian, Bulgarian, Moldavlachian, Serbian Manuscripts]. Leningrad, Gosudarstvennaya publichnaya biblioteka im. M.E. Saltykova-Shchedrina. 129 p.
- Ermoshin A.V., Kuzmin S.I., 2017. Struktura Kazanskogo Evangeliya XIV veka: k probleme tipologizatsii srednevekovykh slavyanskikh aprakosov [The Structure of Kazan Gospel of the 14th Century: To the Problem of Mediaeval Slavonic Evangeliaries Typology]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], vol. 7, no. 6A, pp. 234-247.
- Zhukovskaya L.P., 1968. Tipologiya rukopisey drevnerusskogo polnogo aprakosa XI–XIV vv. v svyazi s lingvisticheskim izucheniem ikh [Typology of Old Russian Long Lectionary Manuscripts of the 11th – 14th Centuries in the Context of Linguistic Study]. Vinogradov V.V., ed. *Pamyatniki drevnerusskoy pismennosti: Yazyk i tekstologiya: sb. st.* [Written Heritage of Old Russian Literature: Language and Textology. Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., pp. 196-332.
- Kuzovenkova A.I., 2017. Paleografiya i grafika Kazanskogo Evangeliya XIV veka [Paleography and Graphics of the Kazan Gospel of the 14th Century]. *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika: mezhdunar. konf.: VI Boduenovskie chteniya (Kazan, 18–21 oktyabrya 2017 g.): tr. i mater. V 2 t.* [J. Baudouin de Courtenay and Worldwide Linguistics International Conference. 6th Baudouin Readings (Kazan, October, 18–21, 2017). Proceedings. In 2 Vols]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta, vol. 1, pp. 165-168.
- Loseva O.V., 2001. *Russkie mesyatseslovy XI–XIV vekov* [Russian Menologies of the 11th–14th Centuries]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ. 420 p.
- Nikolaev G.A., 2003. Kazanskoe Evangelie-aprakos XIV veka [The Kazan Gospel of the 14th Century]. *II Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya: Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: traditsii i sovremennost (Kazan, 11–13 dekabrya 2003 g.). V 2 t. T. 2: tr. i materialy* [2nd International Baudouin Readings. Kazan Linguistic School: Traditions and Modernity (Kazan, December, 11–13, 2003). In 2 Vols. Vol. 2. Proceedings]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 94-96.
- Nikolaeva N.G., 2017. K voprosu o geneticheskikh tekstovykh svyazyakh Kazanskogo Evangeliya [To the Problem of Genealogical Textual Connections of the Kazan Gospel]. *Klassicheskie yazyki v postklassicheskiy period: sb. st.* [Classical Languages in the Post-Classical Period. Collection of Articles]. Kazan, Brig Publ., pp. 124-135.
- Nikolaeva N.G., Ermoshin A.V., 2018. Leksiko-tekstologicheskie osobennosti Kazanskogo Evangeliya XIV veka [Lexical and Textual Features of the Kazan Gospel of the 14th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 4, pp. 16-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.2>.
- Temchin S.Yu., 1998. Tekstologicheskaya semya Mstislavova Evangeliya: novye dannye o gruppirovke drevnerusskikh spiskov polnogo aprakosa [Textological Family of the Mstislav Gospel: New Data on Grouping of Long Lectionary Copies]. *Slavistica Vilnensis*, no. 47 (2), pp. 133-233.

SOURCES

- Евангелие-апракос [Gospel Aprakos]. *Otdel rukopisey i redkikh knig Nauchnoy biblioteki Kazanskogo federalnogo universiteta* [Department of Manuscripts and Rare Books of the Scientific Library of Kazan Federal University], no. 2072. 159 l.
- Zhukovskaya L.P. et al., eds. *Aprakos Mstislava Velikogo* [Aprakos of Mstislav the Great]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 527 p.

Evangelie-aprakos [Gospel Aprakos]. *Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka. Sobr. Pogodina* [Russian National Library. Pogodins Collection], no. 17. 169 l.

Evangelie-aprakos [Gospel Aprakos]. *Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. Sinod. sobr.* [State

Historical Museum. Synodal Collection], no. 65. 170 l.

Evangelie-aprakos [Gospel Aprakos]. *Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. Sinodalnoe sobranie* [State Historical Museum. Synodal Collection], no. 1003. 231 l.

Information About the Authors

Nataliya G. Nikolaeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Latin Language, Kazan State Medical University, Butlerova St, 49, 420012 Kazan, Russia, eulen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-9230>

Anton V. Yermoshin, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Department of Latin Language, Kazan State Medical University, Butlerova St, 49, 420012 Kazan, Russia, antoniy_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5843-5777>

Anna I. Kuzovenkova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Russian Language, Military Training Scientific Center of the Navy, Navy Kuznetsov Naval Academy, Ushakovskaya Emb., 17/1, 197045 Saint Petersburg, Russia, akuzovenkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-2469>

Информация об авторах

Наталия Геннадьевна Николаева, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой латинского языка, Казанский государственный медицинский университет, ул. Бутлерова, 49, 420012 г. Казань, Россия, eulen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-9230>

Антон Владимирович Ермошин, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры латинского языка, Казанский государственный медицинский университет, ул. Бутлерова, 49, 420012 г. Казань, Россия, antoniy_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5843-5777>

Анна Игоревна Кузовенкова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота «Военно-морская академия им. Н.Г. Кузнецова», Ушаковская наб., 17/1, 197045 г. Санкт-Петербург, Россия, akuzovenkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-2469>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.2>

UDC 811.161.1'282
LBC 81.411.2-003

Submitted: 05.12.2019
Accepted: 11.05.2020

NAMES OF CUCKOO AND CUCKOO CHICK IN RUSSIAN FOLK LINGUISTICS¹

Evgenia V. Brysina

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Vasily I. Suprun

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Abstract. The research is carried out in the context of ethnolinguistics, which is aimed at analyzing nominations of ecosystem objects as means of presenting relations between language and culture, and in particular, specificity in their perception by various ethnical and subethnical (dialect) groups. The authors rely on two suppositions: though flora and fauna are reflected diacritically in linguistic consciousness of various dialect communities due to physical, geographical, social environment, there exist some universal lexical and phraseological language means to describe every object of nature. The purpose of the article is to determine the regularities in nomination of the cuckoo as a significant linguocultural representative of fauna. The material for the study was the card file of the Linguistic Atlas of Russian folk dialects, stored at the Institute for linguistic research of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg). The research has shown that the nominations of the cuckoo and the cuckoo chick have special implications in the linguistic consciousness of the Russian people. These units have onomatopoeitic origin, they have undergone phonetic, derivational and semantic transformations in the Russian dialect continuum. Ornithonyms implement a binary semantic correlation, linking the sphere of living nature, to which they belong by denotative features, and the human character – the area where their development of connotative-contextual semantics leads, due to the specifics of the linguocreative thinking of the language personality.

Key words: linguistic consciousness, ethnolinguistics, linguistic culture, dialect, perception of the world, ornithonym.

Citation. Brysina E.V., Suprun V.I. Names of Cuckoo and Cuckoo Chick in Russian Folk Linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 16-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.2>

УДК 811.161.1'282
ББК 81.411.2-003

Дата поступления статьи: 05.12.2019
Дата принятия статьи: 11.05.2020

НАЗВАНИЯ КУКУШКИ И КУКУШОНКА В РУССКОМ НАРОДНОМ ЛИНГВОСОЗНАНИИ¹

Евгения Валентиновна Брысина

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Василий Иванович Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Исследование выполнено в русле этнолингвистики, которая при изучении отношений между языком и культурой, выявлении особенностей восприятия мира разными этническими и субэтническими (диалектными) группами обращена к номинированию носителями языка объектов окружающей экосистемы. Авторы опираются на положения о том, что мир флоры и фауны отражается в лингвосознании различ-

ных диалектных сообществ дифференцированно, в зависимости от физико-географических и социальных условий мест проживания человека, и что существуют универсальные лексико-семантические и фразеологические средства языка, относящиеся к тому или иному объекту природы. Цель данной статьи состоит в определении специфики номинативных процессов, связанных с называнием значимого в лингвокультурном плане представителя фауны – кукушки. Материалом для анализа послужила картотека Лингвистического атласа русских народных говоров, хранящаяся в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). Исследование показало, что наименования кукушки и кукушонка занимают особое место в лингвосознании русского народа. Эти единицы имеют ономастическое происхождение, они претерпели в русском диалектном континууме фонетические, деривационные и семантические преобразования. Орнитонимы реализуют бинарную семантическую корреляцию, связывая сферу живой природы, к которой они принадлежат по денотативным признакам, и сферу человеческого характера – область, куда приводит развитие их коннотативно-контекстуальной семантики, обусловленное спецификой лингвокреативного мышления языковой личности.

Ключевые слова: лингвосознание, этнолингвистика, лингвокультура, диалект, мировосприятие, орнитоним.

Цитирование. Брысина Е. В., Супрун В. И. Названия кукушки и кукушонка в русском народном лингвосознании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 16–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.2>

Введение

Исследование посвящено актуальной для современной этнолингвистики проблеме выявления содержания и формирования лингвосознания носителя народной речи. Цель данной работы – на обширном языковом материале показать особенности восприятия носителем русского языка кукушки как одного из ставших частью традиционной русской культуры объектов окружающей действительности.

Языковая личность обобщает в словах, словосочетаниях, предложениях и текстах свое восприятие мира и отношение к нему. Большое значение в жизни человека играет мир фауны. Наблюдения за поведением животных, особенностями их жизни, знания об утилитарной полезности и эстетическом восприятии внешнего облика объекта вербализуются в языке, и особенно в диалекте, многочисленными единицами, часто становясь основой для фольклорных произведений. В статье в этнолингвистическом аспекте рассматриваются языковые единицы, номинирующие кукушку и ее птенца.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужила картотека Лингвистического атласа русских народных говоров (далее – ЛАРНГ), хранящаяся в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

Сетку обследования атласа составляют около 1 070 пунктов на территории европейской части России. Программа атласа включает более 5 тысяч вопросов по макротемам «Природа», «Человек», «Растительный мир», «Материальная культура». В рамках темы «Природа» проводился сбор материала о номинациях животных в русском диалектном континууме, включая названия птиц. Две карты готовящегося к изданию тома ЛАРНГ, составление которых поручено авторам настоящей статьи, посвящены названиям кукушки и кукушонка. При обработке материала были использованы диалектные, этимологические, толковые словари русского языка и фольклорные тексты.

При разработке проблемы и реализации цели исследования применялись такие общенаучные методы, как обобщение, абстрагирование, формализация, анализ, синтез; основным лингвистическим методом стал дескриптивный, позволивший выявить исследуемые единицы языка и системные отношения, в которые они вступают. Изучались качественные свойства диалектных названий кукушки, определена количественная представленность лексем в народной речи. Историко-сравнительный метод использовался для определения диахронических преобразований орнитонимов, элементы сопоставительного метода – при выявлении ономастической природы названий кукушки в разных языках.

Результаты и обсуждение

В лингвогенезе разных этносов *кукушка* отразилась яркой оноματοпоэтической номинацией. В самых отдаленных по родству и даже в неродственных языках (если не учитывать моноцентрическую теорию глоттогенеза) кукушку именуют словами, указывающими на ее крик: рус. *кукушка*, болг. *кукувица*, серб. *кукавица*, чеш., словац. *kukačka*, польск. *kukulka*, хорв., словен. *kukavica*, нем., люксем. *Kuckuck*, англ. *cuckoo*, нидерл., африкаанс *koekoek*, дат. *gøg*, норв. *gjøk*, швед. *gök*, *gökur*, идиш *קוקו* [куку], фр. *coucou*, исп. *cuculillo*, ит. *cuculo*, порт., галисийск. *ciso*, рум. *cuc*, каталан. *cucut*, греч. *κοῦκος*, алб. *eqqes*, валлийск. *gog*, венг. *kakukk*, фин. *käki*, эстон. *kägi*, удмурт. *кыкы*, горно-мар. *куку*, груз. *კუკუ* [кугули], баск. *kuku*, турец. *guguklu*, башк. *кәжүк*, татар. *күкә*, *кәжүк*, узбек. *қоқон*, иврит *קוקו* [коко], вьет. *cússi*, бенг. (কাকি [кокил], маратхи कौकिल [кокила], гуджарати કોકી [коал], тамильск. *குகில்* [коел], телугу *కొకె* [кокеле], кит. 咕咕 [гугу], тагальск. *kuku*, япон. *カッコウ* [каккоу] и др. Это звукоподражание используется и в научном латинском термине *Cuculus*. Вероятно, нет в мире другого оноματοпоэтического слова, столь совпадающего в обозначении какого-либо предмета или явления.

Менее яркую оноματοпоэтическую традицию именованья кукушки, также основанную на звукоподражательном эффекте, отражают рус. *зезуца*, укр. *зозуля*, белор. *зязюля*, чеш. *žežhule*, словац. *žežhulica*, польск. *gżegżółka*, латыш. *dzeguze*, лит. *gegutė*, др.-прус. *geguse*, которые восходят к звукоподражательному корню *-geg- с не до конца понятными фонетическими преобразованиями. М. Фасмер обнаруживает здесь дистантные ассимиляции (Фасмер, т. 2, с. 91–92). Л.А. Булаховский пишет: «Серьезные трудности представляет объяснение внешней формы слова» [Булаховский, 1948, с. 108]. Отметим, что в обоих случаях в инициальной позиции этимологического корня находятся заднеязычные звуки, которые, по наблюдениям Е.В. Тишиной, обладают звукоизобразительным признаком, «реализуя фоноизображение гортанного, резкого, громкого звука» [Тишина, 2010, с. 6], что, вероятно, отразило восприятие крика кукушки славянами и балтами.

Разнообразное фонетическое и деривационное оформление звукоподражательных номинаций кукушки обнаруживается в русских народных говорах. С точки зрения вокалического оформления корня лексемы распределяются на две группы: *кок-* и *кук-*. С корнем *кок-* зафиксировано 7 слов: *коковка*, *кокука*, *кокуля*, *кокуша*, *кокушка*, *кокушечка* и *кокушица*. Корень *кук-* отмечен в 20 дериватах, хотя, возможно, некоторые из них с единичным пунктом распространения могут отражать нечеткость или ошибочность записи: *кукикша*, *кукованя*, *куковка*, *куковятиня*, *кукувница*, *кукукалка*, *кукулка*, *кукуля*, *кукунья*, *кукуня*, *кукуха*, *кукуша*, *кукушечка*, *кукушиха*, *кукушица*, *кукушка*, *кукша*, *куникша*, *кушка*, *кушкушка*. Во втором слоге [о] обнаруживается всего в четырех случаях: *коковка*, *кокованя*, *куковка* и *коковятиня*. В остальных номинациях представлен звук [у], за исключением не очень ясной *кукикши* (*куникши*) и таких же загадочных *кукиши* и *кушки* в единичных употреблениях. В большинстве обследованных районов европейской части России используется лексема *кукушка* (74 % от 848 случаев употреблений названия с корнем *кук-* / *кок-*), 9 % приходится на *кукушу*, 8 % – на *кокушку*, по 2 % составили *кукушица* и *кукуля*, 1 % – *коковка*, по 0,5 % – *куковка*, *кукуня*, *кукуха*, 3,5 % распределились среди остальных 18 наименований. Носители русской лингвокультуры понимают происхождение этого наименования птицы: *Кукушкой называют, потому что она кричит ку-ку* (270)².

Вторая группа наименований, восходящих к этимону *gegŷza, существенно уступает по количеству районов фиксации, их всего 71. При этом слова можно распределить на две подгруппы: с начальным *зоз-/зез-/зуз-/заз-/яз-* (80 % от общего количества) и с *зег-/заг-/жег-* (19 %), наименование *загозуля* является контаминированной формой (1 %). Значительная часть единиц первой подгруппы прямо или косвенно отражает украинское или белорусское влияние, они записаны в восточнославянском этническом пограничье или в местах обитания носителей говоров с украинской языковой основой (Кубань, Старополье): *зазуля*, *зозуля*, *зозулька*, *зозюля*, *зозуля*, *зозуля*, *зозуля*, *зузуля*. Г.М. Левина отмечает, что в Псков-

ской и Смоленской областях на границе с Беларусью были зафиксированы названия кукушки *ззуля, зазуля, зезуля, зезуля, зозуля, зузуля, зюзюля, зезюлик* [Левина, 1975, с. 72]. Во второй подгруппе 4 названия образуют словообразовательное гнездо (*загоза, загоска, загостка, загошка*), особняком стоят *жегожка* и *зегзица*. Она обнаружила еще несколько наименований этого типа: *загозочка* (Смоленская область), *загозка* (река Свирь), *загонька* (Псковская и Новгородская области), *загожка, загоженька* (Олонек), *загощица, зогза* (Вологодская область) [Левина, 1975, с. 72]. У поэта Н.А. Клюева, уроженца Олонекской губернии, есть строки: *Белая берёзонька / Клони́тся к дождю... / Не кукуй, загозынька, / Про судьбу мою...* (Клюев). *Жегожка*, отмеченная в Кирсановском районе Тамбовской области, весьма напоминает западнославянские диалектные наименования кукушки. В СРНГ отмечается, что это слово известно также в Олонекской губернии.

О *зегзице* существуют обширная литература, прежде всего связанная с толкованием двух мест в «Слове о полку Игореве». Как свидетельствуют данные картотеки ЛАРНГ, этот орнитоним встречается на севере – в Сунском районе Кировской области и Суксунском районе Пермской области. Первоначально, с убедительными примерами из исторических документов («Палея» XIV в., «Мерило Праведное» XIV в., «Задонщина» конца XIV – начала XV в., «Вопросы святого Сильвестра и ответы преподобного Антония» XVI в.), это слово было истолковано как ‘кукушка’. Удаленные от нас на шесть-семь веков тексты содержат такое же гневное осуждение поведения кукушки, как это обнаруживаются и у современных диалектоносителей: *Зогзуля в чюжа гнѣзда яица своя мечеть* (Мерило Праведное); *Есть убо ина птица, нарицаема зегзуля, есть убо птица та злонрава суци, егда убо народить яица, то инѣхъ птиць [въ гнѣзда] яица своя износить изъ гнѣзда, сама же своему гнѣзду не хранитель есть, но инымъ птицамъ отроды своя премѣтаеть* (Палея Толковая).

Н.В. Шарлемань, опираясь на контекст, предположил, что «автор “Слова...” сравнил Ярославну с той птицей, которая издавна на Украине была эмблемой печали, то есть с

чайкой» [Шарлемань, 1948, с. 115]. Эту интерпретацию поддержал Н.А. Мещерский: «С точки зрения поэтического образа это значение слова *зегзица* значительно лучше мотивируется, чем общепринятое ранее (кукушка)» [Мещерский, 1995, с. 171].

В поэтических и прозаических переложениях «Слова о полку Игореве» на современный язык отражены разные интерпретации этого слова. В.А. Жуковский знал о том, что у слова *зегзица* есть значение ‘кукушка’, но почему-то при редактировании заменил его на *чечётку*: *Голос Ярославнин слышится, на заре одинокой чечёткою кличет: «Полечу, – говорит, – чечёткою (зачеркнуто кукушкою. – Е. Б., В. С.) по Дунаю* (Слово Ж., с. 36). Чечетка – это ‘небольшая птица семейства вьюрковых (обитает в тундре и в лесной части Евразии и Америки)’ (БТС, с. 1479).

Д.С. Лихачев придерживается версии о кукушке: *На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкою безвестною рано кукует. «Полечу, – говорит, – кукушкою по Дунаю»* (Лихачев, с. 211). Вслед за ним и Н.А. Заболоцкий говорит о кукушке: *Плачет, из Путивля долетая, / Голос Ярославны молодой: / Обернусь я, бедная, кукушкой* (Заболоцкий, с. 23). А.Ю. Чернов предложил новый взгляд на это слово, опираясь на обнаруженное Г.М. Левиной в воронежских говорах слово *зегзица* ‘иволга’, и дал такой перевод отрывка из плача Ярославны: *«По Дунаю поутру иволгою полечу»* (Слово Ч., с. 47). Между тем задолго до появления работ Г.М. Левиной, в 1886 г., это слово с тем же значением было отмечено в курских говорах, оно включено в СРНГ (вып. 11, с. 244). Материалы ЛАРНГ показывают, что у этого орнитонима в русских народных говорах имеется также значение ‘кукушка’. В последнем по времени переводе А.А. Бурькина, ученика Н.А. Мещерского, *зегзица* определяется как ‘чайка’: *На Дунае голос Ярославны слышится, чайкой-зегзицей неведомой рано утром голосит* [Бурькин, 2017, с. 306]. В этой же книге дается обзор различных интерпретаций этого орнитонима [Бурькин, 2017, с. 367].

В этой работе и во многих других дается ссылка на «Моление Даниила Заточника», однако И.И. Срезневский неслучайно не включил в свой словарь пример со словом *зогзи-*

ца, так как в изначальном тексте произведения эта лексема отсутствует: *Да не възненавидим буду миру со мноюю бесѣдою, Яко же бо птиця, частяще пѣсни своя, скоро възненавидима бываеть* (Заруб., с. 73) (см. также: [Соколова, 1993, с. 255]). Она попадает в одну из поздних версий – в так называемую вторую редакцию, существенно отличающуюся от первоначального текста: *Уподоблюся зогзицы, иже едину поеть песнь, того ради ненавидима бываеть* (Заруб., с. 107). Л.В. Соколова считает, что автор «Моления», основываясь на тексте «Слова», в то же время спорит с ним, пародирует его, высмеивает Даниила и его послание: «Таким образом, “Моление” является вторичным по отношению к “Слову” памятником. Это ответ на “Слово”, анти-“Слово”, пародия на него» [Соколова, 1993, с. 230]. О «скоморошьем балагурстве» автора «Слова» и «Моления» говорил и Д.С. Лихачев [Лихачев, 1987, с. 154–244]. Возможно, и простонародная *зогзица* попала в текст в пародийных, балагурных целях. При этом контекст XV в. не может быть однозначно истолкован в пользу значения ‘кукушка’: надоест своим однообразным пением может любая птица.

У *кукушонка* номинаций меньше, почти все они образованы от соответствующего названия кукушки с помощью суффикса *-онок/-ёнок-* с вариациями форм множественного числа: по древней модели *-ата(ы)/-ята(ы)* и с выравниванием парадигмы *-онки/-ёнки*. Дериваты с *заг-/зоз-* единичны: *загосята, зозулёнок / зозулята, зузуленя* (последнее явно украинского происхождения). Особняком стоят образования *зобзун* и *зобун*, всего по два употребления, причем на удалении друг от друга: первое в Чердынском районе Пермской области и Кирсановском районе Тамбовской области, второе – в Архангельском районе Башкирии и Дубровском районе Брянской области. Слово *зобзун* в переносном значении встречается также в беломорской старине «Михайло Игнатьевич (Данилович)», записанной 22 августа 1898 г. в селе Нижняя Зимняя Золотица на берегу Белого моря: *Отговорит-от князь Владимир таковы речи: / «Ты молодой зобзун, ты рано всё попархивашь; / Потеряшь ты свою буйну голову по-напрасному»* (Беломор., с. 334). Эти сло-

ва, вероятно, образованы от глагола *зобти* ‘есть’ (СРНГ, вып. 11, с. 325).

Остальные номинации образованы от корня *кок-/кук-*: от первого варианта всего 22 фиксации (*коковёнок, кокунёнок / кокунёнки, кокушонок / кокушата / кокушатки*), зато регулярная форма *кукушонок / кукушата(ы) / кукушонки* зафиксирована 876 раз (одна форма множественного числа – *кукушьята*). Другие формы малочисленны: по 9 районов – *куковёнок / куковята, куколёнок, кукошонок / кукошонки*, 7 районов – *кукунёнок / кукунята(ы)*, 6 районов – *кукурёнок / кукурята / кукурёнки, кукушенёнок / кукушенята / кукушенятки*. Отмечены также единичные употребления *куклёнок / кукляты / кукленята; куколёнок, куконёнок / куконята; кукошонок / кукошата; кукуёнок / кукуята, кукужата; кукулёнок / кукулята; кукунчик, кукучонок / кукучата; кукушатко / кукушата; кукушеня / кукушата / кукушенята; кухарёнок; кушкушонок / кушкушата; кушонок / кушата; кукушоночек; кукушочек*. Формы множественного числа некоторых наименований свидетельствуют о том, что здесь использовались другие формы единственного числа, но были вытеснены в лингвосознании диалектоносителей литературной формой: *кукушонок / кукушата, кукушонок / куковята, кукушонок / кукушенята, кукушонок, кукушнята*. Формы множественного числа оказываются более устойчивыми в диалектном лингвосознании.

Кукушка неизменно привлекает внимание диалектоносителей. Они подмечают, где живет птица, как она выглядит, чем питается, как относится к своим детям и пр. Скрытность кукушки, ее бросающиеся в глаза особенности жизни, звонкий голос послужили основой для рождения в народном лингвосознании целой системы поверий, предрассудков, воплощенных в фольклорных текстах умозаключений о реальном и мнимом в поведении этой птицы. Однако многое для жителей сел в жизни кукушки непонятно: *Кукуша – загадочная птица. Кукушку не видно среди кустов* (828). Связано это с тем, что кукушка – птица скрытная, но громкая: *Кукушки обычно сидят в листве, их не видно, но слышно* (336); *Кукушку увидеть трудно, она прячется в листве* (847). Даже

опытный орнитолог профессор Ленинградского университета А.С. Мальчевский отмечает: «До сих пор кукушка остается самой загадочной нашей птицей» [Мальчевский, 1987, с. 10].

Диалектоносители отмечают, что кукушка – лесная птица: *Кукушка – это птичка лесная* (332); *Кукушка – такая лесная птица* (436); *Кукушка – это лесная пташка* (467). Орнитолог отмечает: лес – родная стихия кукушки [Мальчевский, 1987, с. 32].

Главная черта в поведении кукушки заключается в том, что эта птица не вьет гнезда: *Кокушка – нахальная птица. Не вьет гнезда, не свивает гнёздышка* (59); *Птица, которая не вьет своего гнезда, – кукушка* (336); *У кокушки нет гнезда* (381); *Серенькая кукушка, та гнезда не вьет* (801). Поскольку у кукушки нет гнезда, она подкладывает свои яйца в чужие гнезда. Ученые называют такой характер поведения птиц гнездовым паразитизмом [Makatsch, 1949; Molnar, 1944]. Жители сел в разных местах России подмечают эти действия птицы и дают им отрицательную оценку: *Кукушки откладывает яйца в чужие гнёзда, те птички кормят их, а свои птенчики погибают, потому что кукушки прожорливы* (7); *Кукуля откладывает яйца в чужие гнёзда* (48); *Кокушка – нахальная птица. Не вьет гнезда, не свивает гнёздышка* (59); *Кукушка свои яйца в чужие гнёзда подкидывает* (94); *А они кукушки вредные птицы, кукушат своих бросают* (120); *Нахалка эта птица* (135); *Кукушка – нехорошая птица. Яна свои яйца в чужие гнёзда подкладывает* (168); *Кукушка снесёт своё яичко да не парит* (206); *Кукушиха – птица хитра, ленился птенчат высиживать, вот и разносит яйца по всем другим гнёздам* (207); *Плохая мать кукушка* (216); *Ах, эта кукушка, ведь самая грешная мать* (337); *Она свои яйца в чужие гнёзды кладёт, а потом летит по лесу и детей своих ищет* (383); *Кукушка птица-то красива, но плоха* (438); *Кукушка – плохая птица, детей своих подбрасывает* (433); *Кукушка – мать непутёва* (485); *Гадкая птица эта коковка* (597); *Кукушка – птица проклятая, она детей бросает* (898); *Так она ещё и хорошие яйца колет* (329). Иногда проявляется сочувствие к

птице: *Какая из кукушки мать, кукушат своих другим птицам подбрасывает. А что ж, гнезда она не вьет, где ей кукушат растить* (430); *Кукушка всё горемыкается. Яиц-то она не выводит, кукушка-то* (529); *Кукушка закуковала: то ли счастья ищет, то ли кукушонка своего. Кукушка потом кукушонка своего ищет. Летает кукушка, тоскует. Кукушка одна всё время кукует, ищет кого-то. Говорят: кукушка кукует, своего мужа ищет* (845а). Для обозначения подбрасывания кукушкой яиц в чужие гнезда используются различные глаголы: *кладёт, откладывает, подкладывает, подбрасывает, подкидывает, отложит яйца*. В записях народной речи встречается уточнение: *Кукушка сама яйца не высиживат. Она их подбрасывает в другие гнёзда махоньких птичек* (451); *Кукурята в чужом гнезде растут* (387).

Появилось народное объяснение причин такого поведения кукушки: *Кукушка в Троицу-то яйца снесла и куковала весь день. Бок и наказал её, што ни дома, ни детей у неё нет* (51).

В орнитологии птицы, на которых паразитируют кукушки, называются воспитателями. К ним относятся горихвостка-лысушка, белая трясогузка, зарянка (малиновка) и дроздовидная камышевка, выводящие половину кукушат [Мальчевский, 1987, с. 147]. Народ подтверждает эти наблюдения: *Кукушка подкладывает яйца дрозду малиновке, выводится кукушонок, кукушата. Малиновка кормит своих и кукушат* (681); *В гнезде малиновки ай видал кукушонка* (438), однако и расширяет список воспитателей: *Синица, филин, коршун кормят кукушонка, пока тот не научится летать, а сама кукушка не парит птенцов* (51); *Ворона высиживает воронят и кукушат* (59); *В гнёздышке дятлика вылупился кукушонок* (187); *Мать-кукушка своих птенцов другим птицам отдаёт. Вот и вырастает в семье дятла кукушонок* (381); *Зобзуна кормит грачица* (598); *Кукушка птенцов не выводит, выводят другие. Скобец выводит* (984); *Воробыи выкормили в своем гнезде кукушонка* (384); *У галки примач* (764); *Кукушонок в гнезде у ласточек был* (833). Кукушка может подбросить яйца и домашней птице: *Бабы баяли,*

што курица вывела кукушат (18); *У гусей кукушонок вывелся* (170). Ученые отмечают, что кукушки паразитируют на определенных видах птиц. Например, кукушка часто подбрасывает яйца в гнезда зарянки [Мальчевский, 1987, с. 29, 65].

Повсеместно распространено утверждение, что эта птица предсказывает, сколько лет человеку осталось прожить. Считается необходимым обратиться к кукушке с просьбой посчитать года, эти фразы повторяются почти дословно в разных частях России: *Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось* (45); *Кукуша, кукуша, сколько мне лет жить осталось* (84); *Кукушица предвещает, сколько нам жить осталось* (145); *В лесу и спросишь, бывало, кукушку: Сколько лет мне жить осталось* (189); *Если кукушка закукуе, то начнём считать, а сами думаем: «Кукуня, ну, ни останавливайся». Только бы не остановилась* (274); *Есть у нас поверье, что сколько лет кукушка прокукует, столько лет ты и жить будешь. Кукушка накуковала сто лет* (287); *Кокушка, кокушка, сколько мне жить осталось?* (302); *Птица кукушка года отщитывает, кому сколько. Кукушка кричит: «Ку-ку», а люди считают* (381); *Кукуля, сколько лет мне жить?* (438); *Кукушка, скажи, сколько я лет проживу* (950); *Кукушки птицы невзрачные, серые, но люди в лесу всегда считают, сколько раз она прокукует, верят в примету* (406). Носители русской лингвокультуры понимают, что это игра, поэтому добавляют: *Не верю я этим кукушкам* (389); *Кукушка – тот ещё пророк, да не верьте ей* (337); *Кукушка тебе скажет, сколько жить осталось, верить только не стоит* (592). Ученые-орнитологи насчитали максимальное количество фонаций кукушки – 360 [Мальчевский, 1987, с. 67].

В народе не отличают кукушку-самку от самца: *Кукушка и есть кукушка, хоть самец, хоть самка* (34); *Самку тоже кокушкой называли, не различали, где самец, где самка* (156); *И жена кукушки тоже кукушка* (288); *Самочка тоже кукушкой будет* (381); *Мы самку всё одно кукухой зовем, их ведь не отличишь* (401); *И самка, и самец – всё равно кукушка* (436); *Кукушка она и есть кукушка, што самка, што самец* (437);

Её так же и зовут, как ево, – кукушка (950). Однако некоторые жители сел дают отдельные названия самцу и самке и знают, что кукует только самец: *Кокуй – самец кукушки. Кокуй кукует* (116); *Кукует кукуш* (18); *Говорят, что самка кукушки не кукует* (61); *Самоцку называм кукушиной* (61); *Ведь кукушка сама ни кукует, это папа поёт* (395); *А ишишо её кукушицей зовут у нас, ет когда ана самачка, мать детей своих* (437); *Самку кукушки звали у нас кукушиха* (432); *Жена у кукушки кукушиха* (527); *Кукун – самец кукушки* (845а).

Орнитологи подтверждают, что во время токования кукует всегда самец, он подает брачный сигнал, у самки иной голос, не такой звонкий. Голос же самца слышен далеко, в тихую погоду на два километра [Мальчевский 1987, с. 15], что и стало, видимо, одной из причин приметыв о подсчете будущих лет жизни: у других птиц нет столь четких, громких и повторяющихся фонаций.

Народ примечает, когда начинается и как долго длится брачный сезон у кукушек: *Обычно у нас второго мая прилетает кукушка, да сегодня я не слышал* (332); *За первой грозой зозуля кукует* (730); *Кукушка начинает куковать, когда на деревьях первые листья. Кукует да двенадцатого июля, до Пятра* (377); *Говорят, кокушка кокует только до Петрова дня* (295); *Кукушки вот сейчас до Петрова дня, а больше петь не будут* (386); *Кукушка до Петрова дня поёт* (395); *Кукуша будет куковать до Петрова дня, а там улетит* (845а); *Теперь уж кукушка откуковала. Пятров день прошёл. Больше не будет куковать* (549).

Орнитологи указывают, что активное кукование самцов начинается после прилета самок, которые задерживаются в местах зимовки. В разных регионах России это происходит в разные сроки: на юге можно услышать кукушку даже в конце марта, но в средней полосе обычно брачные игры кукушек начинаются 2–5 мая [Мальчевский, 1987, с. 28]. Заканчивается кукование к середине июля, ко Дню святых апостолов Петра и Павла, который приходится на 12 июля. К этому времени наливаются колос у зерновых, поэтому в народе говорят: *Когда ячмень на зерно выйдет, уж тогда кукушка попускается, не кукует*

больше (42); *Перестала куковать – подавилась ржаным колосом* (61). Последняя поговорка широко распространена в русском диалектном континууме, она отмечена в СРНГ: *Кукушка колосом (ячменем) подавилась (давится)*. О времени созревания ржи, ячменя (когда кукушка перестает куковать) (СРНГ, вып. 16, с. 48) (см. также: [Мальчевский, 1987, с. 21]).

С кукушкой связан ряд народных примет: *Кукушка прокуковала – можно купаться* (562); *Ой, кокушка прилетела, тепло будет* (314); *Прилетела кукушка на голый лес – к плохому году* (61); *Ой, кукушка кукует на голый лес – урожай плохой будет* (469); *Кукушка – птица нехорошая. В окно стучит – к худому* (52); *А кокушка в деревню прилетит – беда будет* (351); *Если кукушка на улицу какую прилетела, к пожару это* (206); *Кукушка кукует – это к пожару* (281); *Зегзица в лесу кричит, примечай, в какое ухо – худо, как в левое* (214); *Весной услышишь кукушку первую – к засухе* (321); *Мороз будэ, колы зозуля на сухом дэрэви кукуе* (1026). О народных приметах упоминает орнитолог А.С. Мальчевский: *Закуковала кукушка – пора лён сеять; Ранняя кукушка, до листа – к неурожаю, голоду* [Мальчевский, 1987, с. 27].

Внешне кукушка похожа на ястреба-перепелятника. Это стало основой народного предания о том, что, перестав куковать, кукушка превращается в ястреба и таскает цыплят и кур: *Кукушка – она подбрасывает яйца, тягает и цыплят* (324); *Кукушка в деревне таскат маленьких птицьках* (529); *Кукушка да Пятра кукуя, а патом курей крадѣть. После Пятра она зовѣтся рялок* (267). Нам не удалось обнаружить слово *релок / рялок* в доступных диалектных словарях, но, судя по контексту, оно обозначает какую-то хищную птицу, а с учетом ее сходства с перепелятником можно предположить, что речь идет о нем. В другом контексте отсутствие кукования у кукушки летом объясняется ее превращением в сову: *Кукушка кукуеть, а с пол-лета делается на сову* (269).

Народ то ли по наблюдениям, то ли по книгам знает о пищевых предпочтениях кукушки: *Кукушки клюют вредных насекомых* (539); *Кукушка питається различными насе-*

комыми, поедает много волосатых гусениц, которых обычно не едят другие птицы (134); *Кукушки насекомых едят* (811).

Диалектоносители обращают внимание на внешний вид и поведение детеныша кукушки. Во многих контекстах выражается сочувствие его сиротской доле, но отмечается и агрессивный характер птенца: *Кукушата они нищасные, без матери живут. Чужая птица, может, накормит, а может, и выкинет* (383); *Кукушат чужая мать выводит, кормит их как родных, воспитывает, обучает летать* (467); *Кукушонок тот в лесу жил одиноко* (342); *Кокушонок-то из гнезда всех птенцов выкидывает* (38); *Кукушонок крупный по сравнению с другими птенцами. Кукушата ну очень прожорливы* (48); *Кукушонок, если в гнездо какой птичке попадѣт, всех птенцов вытолкнет, один останется* (62); *Кукушаты – они в чужых гнѣздах выводятся* (70); *Кукушата у матери не растут, их другие птицы растят, а кто и заклевывает* (466); *Кукушата вылупляются гадкие, с большой головой, на лапках не стоят* (83); *Кукушата – самые прожорливые из птенцов* (84); *Кукушата вредные, своих меньших братьев выталкивают* (104); *Подросший кукушонок выкидывает из гнезда других птенцов, а их родители продолжают его кормить* (134); *Кукушонок – некрасивый птенец* (189); *Кукушата – подкидыши* (241); *Кукушонок всех птенцов выкинет, а птички его кормят* (270); *Кукушонок всех из гнезда вышвырнул* (296); *Кукушонок такой же злой, как мать* (344); *А кукушата других птенцов-то не любят, из гнѣзд выкидывают* (478); *Кукавѣнак всех других птинцов повыкидывал* (745); *Так он ещѣ и хозяйские яйца сосѣт* (801); *Когда выводится кукушонок, всех из гнезда выбрасывает* (845а); *Кукушонок выталкивал птенцов из гнезда* (954); *Кукушатко выкидывае из гнизда инших птынців* (1027).

Кукушка за свои необычные качества становится популярным героем фольклорных текстов. Л.Ю. Гусев включает ее наименование в число ядерных единиц лексико-семантической группы в текстах былин, причитаний, лирических и исторических песен [Гусев, 1996, с. 9]. Она часто встречается в песнях, которые напевают или пересказывают диа-

лектоносители: *Не кокушечка кукует, не соловушек поёт* (285). Текст этой народной песни имеет варианты: *Не кокушечка кукует / Не соловушка поёт. / Рано маменька (Родна маменка) тоскует: / Сын в солдатики идёт. / Не кокушечка кукует / Не соловушка поёт. / Мать по дочери горюет – / Лодырь свататься идёт*. Существует частушка: *Не кукуй, кукушечка, в лесе, вылетай в поле* (100). Полностью она звучит так: *Не кукуй, кукушка, в лесе, / Вылетай в полюшко. / Не тоскуй, моё сердечко, / Не вдавайся в горюшко*. В годы коллективизации на ее основе сочинили политическую частушку: *Не кукуй, кукушка, в лесе, / Вылетай на полюшко, / Бедняку совет – защита, / А буржуям – горюшко*.

Наиболее часто сельские жители вспоминают песню «Соловей кукушечку уговаривал»: *Соловей кокушечку уговаривал* (402); *Есть песня: Соловей кукушку уговаривал* (527); *Соловей кукушку уговаривал: Полетим, кукушка, в тёмный лесок* (529); *Выведи, кукушка, двух детёнышей: тебе кокорёнка, а мне соловья* (212); *Полетим, кукушка, в тёмненькой лесок. Будет два птенца: тебе кокушонка* (393); *Выведем, кукушка, два детёныша: тебе куковёнка, а мне соловья* (475). Эта протяжная народная песня впервые была зафиксирована еще знаменитым собирателем народных песен, писателем и фольклористом П.В. Киреевским, пять ее вариантов, записанных им в Орловской и Московской губерниях, вошли в издание Общества любителей российской словесности (Киреев., с. 13–16). Песня относится к былевым, историческим песням периода правления Ивана Грозного; она была связана со взятием Казани. Позже появились новые текстовые и мелодические варианты, она была распета казаками, духоворами, различными современными российскими ансамблями. Так, профессор Воронежской академии искусств Г.Я. Сысоева записала песню в селе Нижняя Покровка Белгородской области и включила ее в репертуар своего ансамбля «Воля». Со временем песня из исторической превратилась в лирическую, тема взятия Казани, как неактуальная, перестала в ней звучать.

Жители сел помнят некоторые выученные в школе произведения художественной литера-

туры, в которых упоминается кукушка, например басню И.А. Крылова: *Кукушка хвалит петуха* (591), стихотворение С.Я. Маршака: *В лесу над росистой полянкой кукушка встречается рассвет* (591). В их памяти хранятся народные сказки и простое стихотворение неизвестного автора: *Кукушонок закричал, яйца все пораскидал* (стих) (325); *Правнучку я люблю сказку про кукушку с кукушатами рассказывать* (344); *И сказка есть про то, как кукушонок у других птиц рос* (433).

Многие диалектоносители вспоминают скороговорку, которую тоже, вероятно, слышали в школе: *Кукушка кукушонку купила капшон* (121); *Про кукушонка скороговорка одна есть* (137); *Кукушка кукушонку сшила капюшон, как в капюшоне он смешон* (216); *Купила кукушонку кукушка капюшон, кукушонок в капюшоне очень смешон* (260); *Ишо у нас такая скороговорка про кукушат была, да забыла я её чёй-то* (437).

Широко представлены в народной речи слова *кукушка* и *кукушонок* в переносных значениях, пока не вошедших в словари русского языка.

Кукушка. 1. Мать, бросившая своих детей или не заботящаяся о них: *Да вон у Гальки мать всё кокушкой звали* (44); *Женщину, какая бросит детей, так называют* (260); *Иная и девка как кукушка* (979); *Вот она как кукушка – дети без присмотра* (466); *Мы плохую мать кукушкой называем* (380). 2. Забывчивый человек (чаще о женщине): *И куда это я обрядила. Вот кукушка. Беспамятная потому что* (70).

Кукушонок. Ребенок, брошенный родителями или матерью: *Нет у него родного отца и родной матери – кукушонок* (61); *Кукушатами детей покинутых зовут* (342); *Кукушаты – брошенные дети* (774); *Кукушатами ещё сирот называют. А ведь и у людей кукушата бывают* (592).

Слово *кукушонок* используется в сравнительных оборотах и как ласковое именование ребенка: *Смотрю: детки сидят, словно кукушата какие* (959); *О, какой больше-ротый, што кукушонок. Прожорливые, как кукушата* (277); *Пищит, как кукушонок* (265); *Маленький кукушоночек* (о ребенке в капюшоне) (774); *Еле нашла своего кукушонка* (845а).

Видимо, уже вышел из употребления обряд крещения и похорон кукушки, описанный фольклористами [Бернштам, 1981; Виноградова, 1999; Гура, 2004]. Он был распространен на территории Калужской, Орловской, Тульской, Курской, Брянской, Белгородской областей, но в картотеке ЛАРНГ не зафиксирован.

В различных лингвистических и этнографических источниках используются устойчивые сочетания, содержащие слово *кукушка*. У В.И. Даля обнаруживается более 40 пословиц и поговорок. Их анализ может стать предметом отдельной статьи.

Выводы

Современная отечественная этнолингвистика изучает отношения между языком и культурой, языком и народом, особенности восприятия мира разными субэтническими (диалектными) группами. Объекты окружающей экосистемы получают в народной речи дифференцированные номинации в зависимости от физико-географических и социальных условий мест проживания носителей говоров. Мир флоры и фауны отражается в лингвосознании представителей различных русских диалектных сообществ многообразием лексико-семантических и фразеологических единиц, что подтверждается изоглоссами на картах ЛАРНГ. Существуют также универсальные лексико-фразеологические средства языка, относящиеся к тому или иному объекту природы. Одной из таких номинаций является орнитоним *кукушка* (с фонетическими и деривационными вариантами), отмеченный на территории практически всей европейской части России.

Исследование показало, что наименования кукушки и ее птенца занимают значительное место в лингвосознании русского народа. Эти единицы имеют оноματοпоэтическое происхождение, они испытали в русском диалектном континууме фонетические, деривационные и семантические преобразования. В семантике данных орнитонимов отражается «бинарная корреляция» (о термине см.: [Денисова, Кутьева, 2011, с. 108]), связывающая сферу живой природы, к которой они принадлежат по денотативным признакам, и сферу человеческого характера – об-

ласть, куда приводит их развитие коннотативно-контекстуальной семантики, обусловленное спецификой лингвокреативного мышления языковой личности. В диалектной речи происходят процессы семантического развития единиц. Орнитонимы *кукушка* и *кукушонок* употребляются с метафорическими переносами, относящимися к номинациям человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-412-340004 «Духовная культура казачества как поликультурная толерантная среда: язык и образы».

The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, grant no. 19-412-340004 “Spiritual culture of the Don Cossacks as a multicultural tolerant environment: language and images”.

² Здесь и далее указаны отмеченные в ЛАРНГ номера населенных пунктов, в которых записан диалектный текст (с. 12–19).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернштам Т. А., 1981. Обряд «крещение и похороны кукушки» // Материальная культура и мифология. Т. 37 : сб. ст. / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л. : Наука. С. 179–209.
- Булаховский Л. А., 1948. Общеславянские названия птиц // Известия АН СССР. ОЛЯ. Т. 7. Вып. 2 / отв. ред. И. И. Мещанинов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. С. 97–124.
- Бурыйкин А. А., 2017. Слово о полку Игореве: текст, язык, автор. СПб. : Петербург. востоковедение. 416 с.
- Виноградова Л. И., 1999. Крестить кукушку // Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 2 / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения. С. 672–674.
- Гура А. В., 2004. Кукушка // Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 3 / под общ. ред. Н. И. Толстого М. : Междунар. отношения. С. 36–40.
- Гусев Л. Ю., 1996. Орнитонимы в фольклорном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск. 20 с.
- Денисова А. П., Кутьева М. В., 2011. Орнитоним «кукушка» в языковой картине носителей русского и испанского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методики их преподавания. № 3. С. 98–108.
- Левина Г. М., 1975. Кукушка, кокушка, загоска // Русская речь. № 6. С. 71–72.

- Лихачев Д. С., 1987. Избранные работы. В 3 т. Т. 2. Великое наследие; Смех в Древней Руси; Заметки о русском. Л.: Худож. лит. 496 с.
- Мальчевский А. С., 1987. Кукушка и ее воспитатели. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та. 264 с. (Серия «Жизнь наших птиц и зверей»; вып. 9).
- Мещерский Н. А., 1995. К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики // Избранные статьи / отв. ред. и сост. Е. Н. Мещерская. СПб.: Яз. центр филол. фак. СПбГУ. С. 153–186.
- Соколова Л. В., 1993. К характеристике «Слова» Даниила Заточника: (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 46 / отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 229–255.
- Тишина Е. В., 2010. Русская ономастия: диахронный и синхронный аспекты изучения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 21 с.
- Шарлемань Н. В., 1948. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 6 / отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Ерёмин. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 111–124.
- Макач В., 1949. Unser Kuckuck. Wittenberg (Lutherstadt): A. Ziemsen Verlag. 42 S.
- Molnar B., 1944. The Cuckoo in the Hungarian Plain // *Aquila*. Vol. 51. Budapest: A Magyar Ornithologiai Központ Kiadványa. P. 100–112.
- ЛАРНГ* – Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 736 с.
- Лихачев* – Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве // Изборник: сб. произведений лит. Древней Руси. М.: Худож. лит., 1969. С. 196–213, 715–726. (Библиотека всемирной литературы).
- Мерило Праведное* – Мерило Праведное по рукописи XIV века / изд. под наблюдением и со вступ. ст. акад. М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1961. XIV, 698 с.
- Палея Толковая* – Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г.: в 2 вып. / труд учеников Н.С. Тихонравова. М.: Тип. и словолитня О. Гербска, 1892–1896. Вып. 1. 1892. 208 с.; Вып. 2. 1896. 209–416 с.
- Слово Ж.* – Слово о полку Игореве / пересказ В. Жуковского. М.: Белый город, 2003. 48 с.
- Слово Ч.* – Слово о полку Игореве / под ред. А. Чернова. СПб.: Летний сад, 2010. 512 с.
- Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 1. Ч. 2. М.: Книга, 1989. Стб. 806–1419, 49 с.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров. М.; Л. (СПб.): Наука, 1965–2018. Вып. 1–50 / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23); Ф. П. Сороколетов (вып. 24–42); Ф. П. Сороколетов, отв. ред. С. А. Мызников (вып. 43–46); С. А. Мызников (вып. 47–50).
- Фасмер* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986–1987. 4 т.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Беломор.* – Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1080 с.
- БТС* – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Заболоцкий* – Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. Переводы / примеч. Е. Заболоцкой, Л. Шубина. М.: Худож. лит., 1984. 463 с.
- Заруб.* – Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / пригот. к печати Н. Н. Зарубин. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. XVI, 166 с.
- Киреев.* – Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. Ч. 2. Вып. 6. М.: Тип. Лазаревского ин-та вост. яз., 1864. 212 с.
- Клюев* – Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы / сост., подгот. текста и примеч. Л. К. Швецовою; вступ. ст. В. Г. Базанова. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1982. 560 с.

REFERENCES

- Bernshtam T.A., 1981. Obryad «kreshcheniye i pokhorony kukushki» [Rite of Passage “Baptism and Funeral Cuckoo”]. Putilov B.N., ed. *Materialnaya kultura i mifologiya: sb. st.* [Material Culture and Mythology. Collection of Articles]. Leningrad, Nauka Publ., vol. 37, pp. 179-209.
- Bulakhovskiy L.A., 1948. Obshchieslavjanskije nazvaniya ptits [Common Slavic Names of Birds]. Meshchaninov I.I., ed. *Izvestiya AN SSSR. OLYA*. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, vol. 7, iss. 2, pp. 97-124.
- Burykin A.A., 2017. *Slovo o polku Igoreve: tekst, yazyk, avtor* [A Word About Igors Regiment: Text, Language, Author]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ. 416 p.
- Vinogradova L.I., 1999. Krestit kukushku [To Baptize the Cuckoo]. Tolstoy N.I., ed. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar. V 5 t. T. 2* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary.

- In 5 Vols. Vol. 2]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 672-674.
- Gura A.V., 2004. Kukushka [Cuckoo]. Tolstoy N.I., ed. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar. V 5 t. T. 3* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. In 5 Vols. Vol. 3]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 36-40.
- Gusev L. Yu., 1996. *Ornitonimy v folklornom tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ornithonyms in the Folklore Text. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Kursk. 20 p.
- Denisova A.P., Kuttyeva M.V., 2011. Ornitonim «kukushka» v yazykovoy kartine nositeley russkogo i ispanskogo yazykov [Ornithonym “Cuckoo” in the Linguistic World View of Russian and Spanish Native Speakers]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [Bulletin of Peoples Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages. Methods of Its Teaching], no. 3, pp. 98-108.
- Levina G.M., 1975. Kukushka, kokushka, zagoska [Cuckoo, Kakushka, Zagoska]. *Russkaya rech* [Russian Speech], no. 6, pp. 71-72.
- Likhachev D.S., 1987. *Izbrannyye raboty. V 3 t. T. 2. Velikoe nasledie; Smekh v Drevney Rusi: Monografii; Zametki o russkom* [Selected Works. In 3 Vols. Vol. 2. The Great Legacy; Laughter in Ancient Russia. Monographs; Notes on Russian]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ. 496 p.
- Malchevskiy A.S., 1987. *Kukushka i ee vospitateli* [The Cuckoo and Her Tutors]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 264 p. (Seriya «Zhizn nashikh ptits i zverey» [Series “Life of Our Birds and Animals”], iss. 9).
- Meshcherskiy N.A., 1995. K voprosu o territorialnom priurochenii pervonachalnogo teksta «Slova o polku Igoreve» po dannym leksiki [To the Issue of the Territorial Connection of the Original Text of “A Word About Igors Regiment” According to the Lexicon]. Meshcherskaya N.A., ed. *Izbrannyye statyi* [Selected Articles]. Saint Petersburg, Yazykovoy tsentr filologicheskogo fakulteta SPbGU, pp. 153-186.
- Sokolova L.V., 1993. K kharakteristike «Slova» Daniila Zatochnika (Rekonstruktsiya i interpretatsiya pervonachalnogo teksta) [On the Characterization of the “Word” of Daniel Zatochnik (Reconstruction and Interpretation of the Original Text)]. Likhachev D.S., ed. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. 46* [Works of the Department of Old Russian Literature. Vol. 46]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., pp. 229-255.
- Tishina E.V., 2010. *Russkaya onomatopeya: diakhronnyy i sinkhronnyy aspekty izucheniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian Onomatopoeia: Diachronic and Synchronous Aspects of Study. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 21 p.
- Sharleman N.V., 1948. Iz realnogo kommentariya k «Slovu o polku Igoreve» [From the Real Commentary to “A Word About Igors Regiment”]. Adrianova-Peretts V.P., Eremin I.P., eds. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. 6* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 6]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, pp. 111-124.
- Makatsch W., 1949. *Unser Kuckuck. Wittenberg. Lutherstadt, A. Ziemsen Verlag.* 42 S.
- Molnar B., 1944. The Cuckoo in the Hungarian Plaine. *Aquila*. Vol. 51. Budapest, A Magyar Ornithologiai Központ Kiadványa, pp. 100-112.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi: Sobranie A.V. Markova* [White Sea Starinas (Old Songs) and Spiritual Poems: The Collection of A.V. Markov]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2002. 1080 p.
- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p.
- Zabolotskiy N.A. *Sobranie sochineniy. V 3 t. T. 2. Perevody* [Collected Works. In 3 Vols. Vol. 2. Translations]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 463 p.
- Zarubin N.N., ed. *Slovo Daniila Zatochnika po redaktsiyam XII i XIII vv. i ikh peredelkam* [Word of Daniel Zatochnik on the Editions of the 12th and 13th Centuries. and Their Alterations]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1932. XVI, 166 p.
- Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim. Izdany Obshchestvom lyubiteley rossiyskoy slovesnosti. Ch. 2. Vyp. 6* [Songs Collected by P. V. Kireevsky. Published by the Society of Lovers of Russian Literature. Part 2. Iss. 6]. Moscow, Tipografiya Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov, 1864. 212 p.
- Klyuyev N.A. *Stikhotvoreniya i poemyy* [Lyrics and Poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 1982. 560 p.
- Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. T. 1. Rastitelnyy mir* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Vol. 1. The Plant World]. Moscow, Saint Petersburg Nestor-Istoriya Publ., 2017. 736 p.

- Likhachev D.S. Slovo o polku Igoreve [Word About Igors Regiment]. *Izbornik: sb. proizvedeniy lit. Drevney Rusi* [Izbornik. Collection of Works of Literature of Ancient Russia]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969, pp. 196-213, 715-726. (Biblioteka vsemirnoy literatury [Library of World Literature]).
- Tihomirov M.N., ed. *Merilo Pravednoe po rukopisi XIV veka* [The Righteous Measure According to the Manuscript of the 14th Century]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961. XIV, 698 p.
- Paleyа Tolkovaya po spisku, sdelannomu v Kolomne v 1406 g.: v 2 vyp.* [Paleyа Tolkovaya According to the List Made in Kolomna in 1406. In 2 Iss.]. Moscow, Tipografiya i slovolitnyа O. Gerbska, 1892–1896, iss. 1. 1892. 208 p.; iss. 2. 1896. 209-416 p.
- Slovo o polku Igoreve* [A Word About Igors Regiment]. Retelling by V. Zhukovsky. Moscow, Belyy gorod Publ., 2003. 48 p.
- Chernov A. Yu., ed. *Slovo o polku Igoreve* [The Word About Igors Regiment]. Saint Petersburg, Letniy sad Publ., 2010. 512 p.
- Sreznevskiy I.I. *Slovar drevnerusskogo yazyka. T. 1. Ch. 2* [Dictionary of the Old Russian Language. Vol. 1. Part 2]. Moscow, Kniga Publ., 1989, cols. 806-1419, 49 p.
- Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1–50* [Dictionary of Russian Folk Dialects. Issues 1–50]. Moscow, Leningrad (Saint Petersburg), Nauka Publ., 1965–2018.
- Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986–1987.

Information About the Authors

Evgenia V. Brysina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Institute of Russian Language and Literature, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russia, filolog@vspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3755-5555>

Vasiliy I. Suprun, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russia, suprun@vspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

Информация об авторах

Евгения Валентиновна Брысина, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка и словесности, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400066 г. Волгоград, Россия, filolog@vspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3755-5555>

Василий Иванович Супрун, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400066 г. Волгоград, Россия, suprun@vspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.3>

UDC 811.161.1'282
LBC 81.411.2-006

Submitted: 16.08.2019
Accepted: 28.04.2020

ON SOME NAMES OF BRAGA AND MOONSHINE IN NORTHERN RUSSIAN DIALECTS¹

Ksenia V. Osipova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article represents the description of the group of homemade alcoholic beverages names, which exist in the dialects of Arkhangelsk, Vologda and Kostroma regions. The study is based on lexical materials of the Toponymic Expedition of the Ural University, as well as dialect dictionaries, which include the lexemes used on the territory of the Russian North. The peculiarities of vocabulary formation and the influence of social, demographic and economic factors on its formation are revealed. Semantic-motivational and etymological analysis of dialectal lexemes showed that this group of vocabulary, along with the original Northern Russian units, includes borrowings from Volga dialects, semi-professional languages and the words originating from foreign sources (polonism, turkism). The author identified sustained motivational models presented in the considered nominations: the semantics of “homemade intoxicating drink” emerges from the alteration of meanings “low-quality liquid”; “disorder, bustle”, “prank, hooligan”; “talk, chatter”. The peculiarities of this lexical group were influenced by governmental bans on home brewing: there are a large number of euphemisms and variability of the lexical group. Compared with beer, home brew and moonshine in the Russian North were considered second-rate drinks and were associated with alcohol addiction, while drinking beer rarely caused social condemnation.

Key words: Russian language, North Russian dialects, alcoholic drinks, ethnolinguistics, vocabulary, etymology, traditional culture.

Citation. Osipova K.V. On Some Names of Braga and Moonshine in Northern Russian Dialects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 29-41. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.3>

УДК 811.161.1'282
ББК 81.411.2-006

Дата поступления статьи: 16.08.2019
Дата принятия статьи: 28.04.2020

О НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЯХ БРАГИ И САМОГОНА В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ¹

Ксения Викторовна Осипова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье охарактеризована группа номинаций крепких спиртных напитков домашнего приготовления в говорах Архангельской, Вологодской и Костромской областей. Исследование выполнено на лексическом материале картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета, а также диалектных словарей, в которых зафиксированы лексемы, бытующие на территории Русского Севера. В результате семантико-мотивационного и этимологического анализа диалектных единиц установлено, что эту группу наряду с исконными севернорусскими единицами формируют заимствования из поволжских говоров, условно-профессиональных языков, а также слова, восходящие к иноязычным источникам (полонизм, тюркизм). Выявлены устойчивые мотивационные модели, реализованные в рассмотренных номинациях: значение ‘домашний хмельной напиток’ возникает на основе переосмысления значений ‘некачественная жидкость’, ‘беспорядок, суматоха’, ‘пройдоха, хулиган’, ‘разговор, болтовня’. Описаны особенности названий домашних крепких спиртных напитков, обусловленные государствен-

ными запретами на домашнее самогонование: большое количество эвфемизмов, многочисленность и вариативность номинаций. На основе примеров использования слов, называющих крепкие спиртные напитки, показано, что в локальной культуре Русского Севера брага и самогон, в отличие от пива, считались напитками второго сорта, их употребление ассоциировалось с пьянством и вызывало социальное осуждение.

Ключевые слова: русский язык, севернорусские говоры, спиртные напитки, этнолингвистика, лексика, этимология, традиционная культура.

Цитирование. Осипова К. В. О некоторых названиях браги и самогона в севернорусских говорах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 29–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.3>

Введение

В 2008 г. было опубликовано масштабное исследование Г.Ю. Багриновского «Энциклопедический словарь спиртных напитков» (Багриновский, 2008), в котором собрано, систематизировано и снабжено историко-лингвистическими комментариями более 3 500 наименований. Эта необычайно многочисленная группа объединила в себе лексические единицы, принадлежащие разным подъязыкам и слоям культуры: говорам и народной культуре, арго и традиционно-профессиональной культуре, просторечию и «третьей» культуре, литературному языку и (согласно терминологии Н.И. Толстого) элитарной культуре [Толстой, 2013, с. 8]. Изучение указанной лексической группы особенно продуктивно в историко-филологическом аспекте с точки зрения происхождения лексических единиц и языковых влияний – не только внешних (иноязычных) контактов, но и внутренних, например проникновения аргогической лексики в русские говоры, просторечия в литературный язык, книжных лексем в разговорную речь. При этом естественным образом возникает необходимость проследить судьбу «слов и вещей» («Wörter und Sachen»): сохранение или утрату традиционных способов приготовления напитков и их названий, а также появление новых наименований в связи с употреблением новых хмельных напитков и их переходом из одной субкультуры или субъязыка в другой культурно-языковой слой.

В статье данная группа лексики рассматривается в региональном аспекте с целью охарактеризовать опосредованное отражение в семантике языковых единиц локальной севернорусской традиции приготовления и потребления хмельных напитков.

Материал и методы исследования

Объектом исследования стали названия браги и самогона, отмеченные на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей, где на протяжении многих лет лексический материал собирали участники Топономической экспедиции Уральского университета. Основным источником севернорусских данных послужили картотеки, хранящиеся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского университета (КСГРС; ЛКТЭ), а также региональные лексикографические издания (АОС; СВГ; СГРС; и др.).

Методика семантико-мотивационной реконструкции, разработанная учеными Уральской школы ономастики, этнолингвистики и этимологии (см., например: [Березович, 2014; Леонтьева, 2015]), позволяет не только охарактеризовать происхождение слов, их семантические связи и этапы формирования значений, но и реконструировать пласт связанных с ними народных представлений.

Для исследователя локальной традиции группа наименований хмельных напитков интересна с точки зрения путей ее формирования, поскольку в нее входят как исконные единицы, сохраняющие архаические черты, так и названия, пришедшие извне – из других разновидностей одного языка (литературного языка, просторечия или жаргона) или других языков. Такие заимствования – это результат влияния на язык многих социально-демографических и экономических факторов: межэтнические контакты, контакты с жителями более южных территорий, особенности производства или поставок нелегального алкоголя, государственные запреты на продажу алкоголя и др.

Данная статья завершает серию наших публикаций, посвященных этнолингвистическому анализу севернорусской лексики пивоварения и наименований крепких алкогольных напитков [Осипова, 2017; 2018].

Результаты и обсуждение

На Русском Севере брага считалась напитком более низкого качества, чем пиво. Иногда брагой называли пиво, сделанное дома в корчагах (*корчажная бражка*) в отличие от настоящего пива, которое варили коллективно в больших котлах (сольвыч. *котловое пиво*) (Тенишев, с. 498–499). Как и пиво, брага готовилась путем варки, о чем напоминают многие названия с корнем *-вар-*, ср.: арх. *варя* (СРНГ, вып. 4, с. 63), *перевара*: «Бьет челом и встречает княгиня молодая. Хлебом, солью, сладким медом и пьяной переварой» (свадебная песня) (СРНГ, вып. 26, с. 42). В Архангельской области под брагой подразумевали напиток, вторично приготовленный на основе пивной гущи, ср.: вин. *друган* ‘брага’: «Из остатков пива друган делали» (КСГРС).

Варили брагу и самогон часто, поскольку это выходило проще и дешевле, чем приготовление пива: использовалось все, что оказывалось под рукой, – «отходы» от пива, сахар, зерно, хлеб, картошка, ягоды и пр. Она была вторичным напитком и по вкусовым качествам всегда проигрывала пиву и даже квасу, ср.: арх. лен. *чиквас* ‘брага’ (КСГРС), образованное с помощью экспрессивной приставки *чи-*, а также присловья: «Пей пиво, не брагу и люби девку, не бабу; Была бражка, да вышли барашки, теперь есть квас, да не про вас» (Ефименко, с. 247, 243). Если пиво пили и мужчины, и женщины, то брага и самогон считались атрибутом мужской компании. Значительно уже был спектр их знаковых функций: брага и самогон, обладая скудной обрядовой символикой, ассоциировались преимущественно с пьянством (ср.: костром. галич. *врезаться в самогончю* ‘начать пить, пьянствовать’ (СРНГ, вып. 36, с. 83)), тогда как питье пива редко вызывало социальное осуждение. Негативное отношение к употреблению алкоголя и восприятие спиртного как греха находим, например, в костром. пав. *грех: носить (давать) греха* ‘алкоголь;

носить (давать) кому-л. спиртное’: «Нельзя носить греха на кладбище; Не давали греха детям и родителям; Будешь носить греха – в ад попадешь» (ЛКТЭ), волог. сямж. *сатанá* ‘самогон’: «Сатану, наверно, варят» (СВГ, т. 9, с. 94)². Последнее выражение сопоставимо с литературным *сатанинская кровь, сатанинский напиток, кровь сатаны* ‘водка’ (Багриновский, 2008, с. 502), отмеченными в книжном языке XIX в. (например, у А.П. Чехова, Л. Андреева, Шолом-Алейхема). В противоположность вину, которое в библейской традиции может отождествляться с кровью Христовой, водка и другие крепкие напитки считались порождением темных сил.

Одним из самых распространенных названий хмельного напитка на Русском Севере было слово *брага*³ и его производные, которые свидетельствуют о шутивно-ироничном отношении к браге и ее употреблению: арх., волог., костром. *бражка* (АОС, вып. 2, с. 99), волог. баб. *брагулька, бранька*, кад. *брыгулька*, костром. *бращёнка* (КСГРС; ЛКТЭ). Брага стала символом пьянства и безделья, ср.: *бражничать* волог. ‘пить хмельные напитки, пьянствовать’ (СВГ, т. 1, с. 43), арх. плес. ‘коротать время’, онеж. ‘проводить время за едой и питьем’ (АОС, вып. 2, с. 99): «У чашников да у бражников много в году праздников (арх.)» (Ефименко, с. 249), а также символом коллективного невоздержанного поведения, ср.: арх. *бражка* ‘дурная компания, ватага’: «Народ худой собран, бражка. Их было брашки три тыщи большие» (АОС, вып. 2, с. 99).

Мотив веселья и игры, ассоциирующийся со спиртными напитками, находит отражение в семантике глаголов *гулять, играть, веселить* и однокоренных с ними единиц. Связанные с представлением о жизненной энергии и «разгуле», они называют процесс брожения спиртных напитков и их способность воздействовать на организм, ср.: арх. леш. *веселое* ‘спиртное’ (АОС, вып. 3, с. 162), арх., волог., костром. *навеселить* ‘положить закваску в пиво’ (КСГРС; СРНГ, вып. 19, с. 160), костром. *играть* ‘бродить (о закваске)’ (ЛКТЭ), костром. галич. *разгульчивый* ‘веселящий (о хмельном напитке)’: «Бражка пьяная – хмельная и разгульчивая» (СРНГ,

вып. 33, с. 318); ср. также: сиб. *забалуй* 'пиво, брага' (СРНГ, вып. 9, с. 244).

Некоторые наименования браги содержат антропоморфные образы, связанные с процессом брожения напитка. Например, мотив болтовни отразился в костром. *барму́ха* 'брага': «Бармуху выпьешь и бармишь – разговариваешь не знаю чего» (шар.), сопоставимом с костром. *барми́ть* 'быстро или непонятно говорить' (вохон., окт., шар.) (ЛКТЭ); общенародное наименование некачественного напитка *бормоту́ха* соотносится с гл. *бормотать* через цепочку семантических переходов 'что-л. неясно сказанное' > 'ерунда, вздор' > 'некачественный напиток'. «Говорящим» или «бормочущим» представляется спиртной напиток, в котором происходит брожение, сопровождаемое образованием пузырьков воздуха, ср.: новг. *бормота́ть* 'бродить (о пиве)': «А пиво-то хорошее у нас варят разваром, каменье таки горячи кладут, пока оно остепенится, не будет *бормотать-то*» (СРГК, т. 1, с. 97), среднеурал. *говору́нья* 'брага' (ДЭИС), брюзжит, как худое пиво (Даль, т. 1, с. 133). Напротив, напиток, в котором приостановлена ферментация, определяется как «немой», ср.: *немое вино* 'окурненное серой, чтобы не бродило; им подправляют вина, чтобы не кисли' (Даль, т. 2, с. 562), а также неоднозначное в плане мотивационной интерпретации среднеурал. *молча́нка* 'вид браги': «Мы теперь брагу не ставим – молчанку. Стоит – молчит, пьем – молчим; Купи в магазине квасу да дрожжей – вот и молчанка будет» (ДЭИС). Возможно, ключ к пониманию названия кроется в контексте, указывающем на отсутствие бурного брожения, присутствующего браге и квасу. Кроме того, мотив болтовни отразил стереотипное представление о болтливости, вызываемой алкогольным опьянением, ср.: яросл. *разговорец* 'хмельной напиток' (ЯОС, т. 8, с. 115), тогда как *молчанка*, в отличие от *браги*, пьется в тишине.

Основная ценность самогона и браги для крестьянина состояла в хмельном эффекте, а их вкусовые качества, несомненно, ценились ниже, чем вкус пива. Крепость, резкость вкуса и воздействие напитков на организм человека находят воплощение в таких названиях крепкой браги или самогона, как арх. котл. *головол́мка* 'крепкий спиртной напиток, бра-

га' (СГРС, т. 3, с. 78), костром. пыщ. *косо-ры́ловка* 'самогон': «Мы звали ее косорыловка, самогонку-то. Очень крепкая, только выпьешь – перекосит» (ЛКТЭ), волог. баб., сок., у-куб. *стенола́з* 'крепкая брага': «Наварим бражки да не пьянем, а молодяшка-то пьянеет от своего стенолаза» (у-куб.) (КСГРС); ср. также: волог. ник. *разо́рва* 'снадобья, которые приносят вред вместо пользы', 'какая-либо спиртосодержащая жидкость': «Всю разорву перепили» (КСГРС). Негативное вкусовое восприятия напитка, вероятно, передается в арх. вин. *дику́ша* 'брага': «Дикушу сварят, так весь поселок неделю гуляет» (СГРС, т. 3, с. 227), хотя народная версия происхождения названия связывает его с прил. *дикий* 'грубый, необузданный', то есть характеризует воздействие на психику человека.

Способность алкоголя нарушать физическую координацию нашла отражение в таких словах, как арх. прим. *завали́ха* 'крепкая брага': «Завалиха с ног валит» (СГРС, т. 4, с. 22), костром. кологр. *ко́ряжничек* 'простая сивушная водка' (СРНГ, вып. 42, с. 42) при арх. холм. *ко́ряжить* 'корчить, коробить, перегибать', пск., твер. *ко́ряжиться* 'чувствовать приступы болезни' (СРНГ, вып. 15, с. 41). Вологодское и костромское название *шату́н* 'брага; крепкий самодельный спиртной напиток': «Стопочки две выпьешь этого шатуна и ошабуришься» (тот.); «Тятя мой такой шатун делал: незаметно с ног сбивал» (чухл.) (КСГРС; Ганцовская) – интересно тем, что позволяет выявить соотношение значений 'алкогольный напиток' – 'беспутный человек', характерное для номинаций хмельных напитков. Так, наряду с *шату́н* 'брага' встречается арх. карг. *шату́н* 'беспутный человек' (СРГК, т. 6, с. 843), тул. *шат* 'ничем не занимающийся, лентяй' (Опыт, с. 263).

Лексемы со значениями 'брага' и 'пройдоха; лентяй' нередко входят в одно этимолого-словообразовательное гнездо, хотя они далеко не всегда мотивационно связаны друг с другом. В этом отношении интересно рассмотреть историю костромского *баша́льга* 'брага': «Нюхательный табак в башальгу добавляли» (ЛКТЭ), которое было единожды записано в Вохонском районе в значении 'особо крепкий, «забористый» напиток'. Помимо наименования браги *баша́льга* на этой же тер-

ритории известно *башальга* ‘плеть, которой муж бил жену’: «Башальга – это плеть, хлестать женщин. Муж сплетет из трех волос и бьет жену. Это только женщин хлестать» (ЛКТЭ). Происхождение костромского *башальга* ‘плеть, кнут’ можно связать с польск. диал. *basalyga, basalyk* ‘кнут из лыка’, ‘бездельник, простак, деревенщина’ (SGP, t. 1, s. 54), которое А.Е. Аникин считает одним из возможных этимонов для рус. *басалай* ‘щеголь’, ‘беспутный человек, хулиган’, поскольку «образование пейор. назв. лиц типа *басальга* от назв. кнута, бича не редкость» (Аникин, вып. 2, с. 243). На территории Русского Севера заимствования из польского языка не единичны и представляют собой системное явление (ср.: гл. *трафить, коштовать*, сущ. *мазур* и др. примеры в [Березович, 2017]). Как отмечает Е.Л. Березович, «западнославянские заимствования в русских говорах, далеких от зон непосредственного контакта с носителями соответствующих языков, отнюдь не являются редкостью. Это заимствования разного времени (от старых до новейших, связанных с трагическими военно-политическими событиями XX в.)» [Березович, 2017, с. 23].

Костромское слово *башальга* в значении ‘плеть, кнут’, которое ранее не фиксировалось лексикографическими источниками, можно рассматривать как веский аргумент в пользу происхождения русских диалектных форм *башальга* / *басалай* из польского языка. Благодаря записанному *башальга* ‘плеть, кнут’ стало очевидно, что первичное и вторичное значения в польском языке и в костромских говорах совпадают. Так, польск. *basalyga* называет кнут из лыка и простака, бездельника, а костром. *башальга* – плеть из волос, *басалай, басальга, башала* – беспутного человека, хулигана: в Октябрьском районе Костромской области известна форма *башала* в выражении *дикая башала* ‘бран. о человеке’: «Кто-нибудь с кем-нибудь разругается, дикая твоя башала, дикая твоя голова» (ЛКТЭ), в Ярославской области – *басальга* ‘шалун’ (ЯОС, т. 1, с. 39), которое фонетически наиболее близко польскому этимону. Фонетическим и словообразовательным изменениям польск. *basalyga* (*башальга* > *башала*) в русских говорах способствовала экспрессивность его семантики. Костромское

башальга ‘крепкая брага’ могло появиться на русской почве как на основе значения ‘кнут, плеть’ (как то, что сшибает, ударяет), так и на основе значения *башала* (*башальга*) ‘хулиган, пройдоха’. Соотношение значений ‘пройдоха, обманщик’ и ‘алкогольный напиток’ в рамках одного этимолого-словообразовательного гнезда типично для наименований хмельных напитков, ср.: арх. *свистун* ‘пиво третьего слива’, пин. ‘врун’, свердл. ‘болтун, обманщик’ (СРНГ, вып. 36, с. 301), костром. *процельга* ‘пиво второго или третьего слива’, ‘мот, ветренный человек’, ‘обманщик, лгун, хвастун’ (СРНГ, вып. 33, с. 57), казн. волог. *едунда* ‘прозвище вздорного, задиристого крестьянина’, симб. ‘жидкий, безвкусный напиток (квас или бражка)’ (СРНГ, вып. 9, с. 35). Учитывая спектр значений гнезда *башальга* / *басальга* и их экспрессивность, можно предположить, что слово было заимствовано в севернорусские говоры из речи ссыльных поляков (особенно примечательно значение ‘плеть, кнут’, которое связано с реалиями жизни ссыльных).

Как мы уже отметили, брага и самогон считались напитком второго сорта: их готовили из отходов, например из пивной гущи. В языке этот факт нашел отражение в мотивационной связи ‘пивной осадок, гуща; остаток’, ‘бурда, мутное питье; некачественная жидкость’ и ‘брага; самогон’, ср.: костром. пав., вохом. *барда* ‘самогон, брага’, ‘забродившая смесь для самогона’, ‘осадок в пиве или квасе’, арх. уст., волог. баб., устюж. *барда* ‘перекишенное пиво; брага’, арх. вельск. ‘мутная вода’ (СГРС, т. 1, с. 63); волог. к-г, ник. *бардомá* ‘брага’, ‘пивная гуща’, ‘жидкое пиво или суп’, ‘мутная жидкость’ (КСГРС); арх. уст., волог. ник. *бурдомáга* ‘брага’, ‘плохо приготовленная похлебка’, волог. ‘мутная грязная вода’ (КСГРС). Формы *барда*, *бардомá* и *бурдомáга*, вероятно, являются родственными или подвергались взаимной контаминации, восходят к рус. *бурда* ‘дурной, мутный напиток’, ‘смесь, что-л. перемешанное’, ‘смесь кушаний’ (Аникин, вып. 5, с. 155). Вологодское к-г. *бахтормá* ‘домашнее пиво, брага’, ‘плохо сваренный алкогольный напиток’ стало результатом семантического развития арх. в-г., волог. к-г. *бахтормá* ‘осадок от пива, браги или другой процеженной жидкости’

(СГРС, т. 1, с. 79, 80). По предположению А.Е. Аникина, *бахтормá* ‘осадок от пива’ может быть образовано от «*бахтарма* <‘низ шляпки гриба, верх бересты’> как первоначальное назв. того, что не идет в пищу, выбрасывается (шершавая и/или “мохристая” пленка, кожица на шкуре, грибе, бересте – и осадок, остаток в пиве)» (Аникин, вып. 2, с. 296). Костромское вохом. *балáнда* ‘домашнее вино’: «Чача – это баланда, вино» (ЛКТЭ) – может быть словообразовательно связано с костром. вохом. *балáндать* ‘делать что-то, связанное с водой’: «Баландать – это значит кое-как постирать, пополоскасть, побаландаться говорят» (ЛКТЭ), однако нельзя исключать и контаминацию с *баландá* диал. ‘ботвинья’, жарг. ‘жидкая тюремная похлебка’ (Аникин, вып. 2, с. 124).

Низкое качество браги опосредованно отражено в семантической модели ‘отходы’, ‘что-л. ненужное’ > ‘брага’. Так, архангельское *дура́нда* ‘недобродившее пиво, брага’ (вельск.) (СРНГ, вып. 8, с. 262), по-видимому, производно от значения волог. бабуш., шексн., костром. шир. распр. *дура́нда* ‘отходы от льняного семени, жмых’ (СГРС, т. 3, с. 288). Название арх. лен., волог. тот., сямж. *сулемá* ‘некачественный алкогольный напиток’, волог. чаг. *шулёмка* ‘домашний хмельной напиток’: «Раньше было проще, всяку шулемку делали, и никто не штрафовал» (КСГРС) – восходит к широко распространенному на Русском Севере *сулемá* ‘всякий яд, отравы’ (волог.), ‘о чем-либо некачественном, неприятном’ (волог.), ‘чепуха, ерунда’ (арх., волог.), ‘некачественная пища’ (волог. бел., кад.) (СРНГ, вып. 42, с. 219–220; КСГРС). В результате дальнейшего метонимического развития значения ‘напиток’ > ‘емкость’ появилось волог. хар. *сулемá* ‘бутылка из-под спиртного напитка «Бальзам»’: «Раньше “Бальзам” вино было, красные бутылки, их сулема звали» (КСГРС). Возможно, что бутылочки с бальзамом напоминали емкости от *сулемы*-лекарства. Распространению слова *сулема*, известного как обозначение хлорида ртути, мог способствовать тот факт, что еще в XIX в. это ядовитое вещество использовалось врачами в качестве антисептического средства.

Архангельское *буза́* ‘хмельной настой из ягод’ (шенк.) (АОС, вып. 2, с. 167), единично

записанное на северной территории, по мнению А.Е. Аникина, представляет собой заимствование, восходящее к кр.-тат., балк. *buza*, кбалк., кумык., ног. и др. *boza* ‘хмельной напиток из перебродившего проса’ (Аникин, вып. 5, с. 62). Известное южным говорам название *буза* ‘алкогольный напиток’ могло попасть на Русский Север с переселенцами из южных территорий. Этимологическая связь с арх. *буза́* ‘суматоха, беспорядок, ералаш’ (лен.), ‘ссора, скандал’ (карг., кон., мез.) (АОС, вып. 2, с. 167) не является однозначной, поскольку последнее может быть родственно гл. *бузítь* ‘бить, колотить’ (Аникин, вып. 5, с. 70).

Интересный пример народной этимологии представляет слово *кумушка* ‘брага, спиртной напиток домашнего приготовления’ (арх. лен., волог. баб., вашк., кад., костром. кадый., мак.) (ЛКТЭ; СГРС, т. 6, с. 272–273), которое явилось результатом народно-этимологического переосмысления формы *кумышка*, ср.: волог. бел. *кумышка* (СГРС, т. 6, с. 273) под влиянием термина родства *кумушка*, широко распространенного на Русском Севере в переносных значениях [см., например: (СГРС, т. 6, с. 271)]. Слово *кумушка* как обозначение домашнего спиртного напитка связывает говоры Русского Севера с говорами Центральной России, Поволжья и Урала, где записаны сходные формы, ср.: рус. морд., твер., яросл. пошех. *кумушка* ‘брага, спиртной напиток домашнего приготовления’ (СРНГ, вып. 16, с. 87; СРГМ), белгород., вят., оренб., прикам., ярослав. *кумышка* (Моисеев, 2010, с. 78; ООСБ, с. 156; ОСВГ, вып. 5, с. 150–151; СГЮП, вып. 1, с. 444–445; ЯОС, т. 5, с. 107) и, вероятно, прикам. *кубышка* ‘вид самогона’ (СГЮП, вып. 1, с. 444–445), фонетически измененное в народной речи.

Название спиртного напитка *кумышка* (и *кумушка*) может восходить к тат. *kıtuş* ‘перебродившее кобылье молоко’: эпицентр распространения слова находится на территории Поволжья, где были не редки русско-тюркские контакты, ср.: у В.И. Даля: «Некоторые инородцы наши сидят или гонят вино из квашеного молока, это кумышка» (Даль, т. 1, с. 205). Судя по словообразовательной структуре слова, название *кумышка* появилось в русских говорах как обозначение спиртного напитка из кумыса, который готовили многие

тюркские народы, ср.: свердл. *кумы́ска* ‘самогон’ (СРНГ, вып. 16, с. 88), в звуковом плане предшествующее форме *кумы́шка*. Эта версия поддерживается в этимологическом словаре Е.Н. Шиповой (Шипова, 1976)⁴. Несмотря на то, что в самих тюркских языках для обозначения самогона из кумыса употреблялось слово *арак* (*арака*), в русских говорах прижилось более привычное в звуковом плане слово *кумышка* с изначально прозрачной внутренней формой (*кумыс-ка*). Кроме того, слово *кумышка* оказалось созвучным термину крестного родства *кумушка* и включилось в языковую игру.

Проживающие на территории Поволжья финно-угорские народности – главным образом удмурты, а также марийцы и мордва, вероятно, могли заимствовать слово *кумышка* уже из русских говоров для обозначения самогона, который был их основным праздничным, обрядовым напитком. Особое распространение *кумышка* получила у удмуртов, для которых «курение вина» было одним из традиционных занятий, а самогон – главным ритуальным напитком, ср.: удм. *кумышка* ‘самогон’ (УРС, с. 351). В.И. Даль определял *кумышку* именно как напиток удмуртов, чувашей и марийцев, ср.: «кумышка, ж., обл. мутная, дымная и вонючая перегонная брага (у вотяков, чуваш, черемис и др. чудских племен)» (Даль, т. 2, с. 218). Русское население считало *кумышку* напитком низких вкусовых качеств, поскольку она «сильно отзывается дымом и неприятным вкусом» (Моисеев, 2010, с.78).

Об употреблении *кумышки* «чудскими» народами было хорошо известно русскому населению, о чем свидетельствуют многочисленные контексты из русских диалектных словарей: «Вотьяк приносит яйца и кумышку на могилу предка» (В.Г. Короленко. Мултанское жертвоприношение) (ССРЛЯ, т. 5, с. 1838); «Малмыжские марийцы без кумышки не живут»; «Из охмеляющих напитков вотьяки употребляют только кумышку и пиво» (вят.) (ОСВГ, вып. 5, с. 150–151); «Каждая у черемис пирушка и жертвоприношение начинаются заблаговременно самими ими приготовленными крепко хмельными и для вкуса неприятными напитками, как-то: пивом, брагою, медом, кумышным вином» (оренб.)

(Моисеев, 2010, с. 78). В последнем контексте употребляется выражение *кумышное вино*, которое может быть как формой, искусственно созданной в письменном источнике, так и реальной диалектной лексемой, которая ценна тем, что подтверждает родство *кумышка* и *кумыс* (но не *кума*, *кумушка*), поскольку форма прилагательного *кумышное* словообразовательно может восходить только к сущ. *кумыс*.

По данным Н.В. Пислегина, до конца XVIII в. существительное *кумышка* удмуртами не использовалось: «обычным наименованием *кумышки* среди северных удмуртов было *вина*, южных – *арак*» [Пислегин, 2016, с. 91]. Видится неслучайным, что время фиксации слова *кумышка* в удмуртском языке (не ранее конца XVIII в.) примерно совпадает со временем введения запретов на самогонование (о них см. подробнее: [Никитина, 2015; Пислегин, 2016]). Так, впервые системный государственный запрет оформили в середине XVIII в. законами 1749–1751 гг. – в этот период у удмуртов, татар и бесермян проходили многочисленные проверки и массово изымали посуду для самогонирования [Пислегин, 2016, с. 91]. Можно предположить, что именно в этот период слово *кумышка* было заимствовано из русских говоров в тюркские и некоторые финно-угорские языки, где и использовалось как эвфемизм вместо исконного (прежнего) наименования самогона: таким образом жители скрывали информацию о производстве алкоголя. Именно благодаря своей конспиративной функции слово *кумышка* могло прижиться в удмуртском, татарском, башкирском, чувашском языках, став основным обозначением спиртного напитка домашнего приготовления и вытеснив некоторые исконные наименования, ср.: тат. *кәмешкә* (Ганиев, 2002, с. 200), башк. *кәмәшкә* (БРС, с. 279), чуваш. *кумйшка*, *кумйшкӑ* (Федотов, с. 306).

Эвфемизацию можно считать одной из главных особенностей названий крепких спиртных напитков, употребление которых не раз попадало под государственные запреты и вынуждало изготовителей и потребителей самогона скрываться от представителей власти. К группе эвфемизмов можно отнести, например, наименования, восходящие к цветообозначениям: «красные» наименования для

вина – костром. пав. *красенькая* (ЛКТЭ), волог. выт. *румянец* (СРНГ, вып. 5, с. 583), «синие» и «серые» для браги, самогона – арх. лен. *сівка*, волог. в-уст. *синее вино*, «белые» для водки – волог. ник. *белая* (КСГРС)⁵. В Октябрьском районе Костромской области для обозначения самогона использовались словосочетания с родовым словом *водичка* или *масло*, определение в которых намекало на технологию приготовления напитка: *дымная водичка* (то есть приготовленная путем «курения» на самогонном аппарате), *кисленькая водичка* (кисловатый привкус домашнего напитка), *ржаное масло* (приготовление на основе зерна) (ЛКТЭ).

Названия-эвфемизмы скрывали информацию не только от представителей государства, но и чужих людей и тех односельчан, кто не относился к участникам застолья. Они употреблялись в ситуации, когда питье алкоголя осуждалось членами семьи или социума. Например, название костром. *гольбешная* (*гольбешная*), определяющее самогон через место его хранения (ср.: *гольбец* ‘пристройка к печи, подполье’), было связано с ситуацией запрещенного питья алкоголя: «Нагонят самогонку да уберут в голбце, а он у матери украдет, придет да говорит, давай голбешную пить» (ЛКТЭ). Удобную систему шифрования качества самогона предлагают термины кровного родства – мужская пара *отец* и *сын*, ср.: волог. *отёц* ‘крепкий, неразбавленный самогон’: «Сам-то отец, а женишь – сын будет», *тятка* ‘крепкий самогон’: «Тятки нахлебался, дак не ять» (устюж.), арх. *пасынок* ‘самогон второго разлива’: «Первачка мне не дал почто, только пасынка» (КСГРС).

Для обозначения дистиллированных напитков типичны словосложения корня *-сам-* и глагольной основы (по типу *самогон* и *самовар*), ср.: *кал-*, *калить* – арх. котл. *самокал* (КСГРС), *кур-*, *курить* – арх. вил. *самокур* (КСГРС), костром. окт. *самокурка* ‘самогон’ (ЛКТЭ), также: костром. окт., пав. *курить* ‘готовить, варить самогон’ (ЛКТЭ), волог. *курить* ‘варить пиво с образованием пара’ (СВГ, т. 4, с. 22). Аналогично от основ *друг-* ‘другой, второй’ и *род-*, *родить* образовано волог. баб. *другорód* ‘самогон второго слива’ (КСГРС). Широкая вариативность глагольных основ также могла определяться конспиративной функцией названий, которая раскрывается

в одном из контекстов: «Самокал, чтобы маленькие дети не разглашали» (КСГРС).

Существование этой семантико-словообразовательной модели, вероятно, помогает объяснить происхождение арх. карг. *суматоха* ‘брага’: «Он суматохи-то давно не гнал, с ума сводит, вот и суматоха» (СРНГ, вып. 36, с. 107). С одной стороны, название может быть результатом семантической деривации *суматоха* ‘беспорядок, скандал’ > ‘хмельной напиток’, примеры которой были рассмотрены выше. С другой – сопоставление с костром. ветл. *самотоха*, *самотошка* ‘водка, самогон’ (СРНГ, вып. 36, с. 107) позволяет предположить, что *суматоха* представляет собой народноэтимологический вариант слова *самотоха*, которое в свою очередь могло возникнуть из **самоток(а)*, образованного аналогично приведенным выше *самогон*, *самокур*, *самокал* на основе корней *сам-* и *ток-* (*течь*). Существительное *самоток* в значении ‘самогон’ нам не встречалось, однако в русских говорах оно известно, например, в значении ‘чистый, прозрачный мед, стекающий сам из выломанных сотов’ (Даль, т. 2, с. 910) или в выражении *Аннушка-пряля-самотока* (смол.) (Добровольский, 1914, с. 11), указывающем на «автоматизированность» процесса прядения.

В качестве эвфемистических названий спиртных напитков в костромских говорах использовались формы из бытовавших здесь условных языков. К языку офеней восходят владимир., костром., твер., яросл. *аланя* и *елáха* ‘пиво, бражка, брага’ (СРНГ, вып. 1, с. 231; т. 8, с. 338), этимологом которых может быть слав. *ол* ‘всякий хмельной напиток’ (см. подробнее: [Осипова, 2017]). Учитывая дату фиксации (1852 г.), происхождение из условно-профессиональных языков можно предположить для костром. *торó* ‘водка’ (СРНГ, вып. 44, с. 280). По предположению Г.Ю. Багриновского, этот диалектизм является синкопированным образованием от сущ. *тарно* ‘водка’ (*торно*, *торло* и др.), употреблявшимся в том числе в офенском языке. Вариант *тарно* мог возникнуть путем замены начального *ви-* на *тор-* / *тар-* в сущ. *вино* (Багриновский, 2008, с. 523, 524): подобный способ формирования новых слов путем замены начального слога в общенародной форме типичен

чен для условных языков. Форме *торо*, возможно, генетически родственно арх. уст. *торока́ница* ‘брага’: «Вина не продают, я и говорю этому тунядцу: “Насоплись своей тороканицы!”» (КСГРС). Экспрессивность слова могла быть следствием его происхождения из условных языков, формы которых воспринимались как чуждые и непривычные. Тем не менее существует и более «прозаичный» вариант происхождения слова от *таракан*: жаргонное слово *таракановка* в значении ‘жидкость для борьбы с тараканами’ и далее – ‘дешевый, некачественный спиртной напиток’ (БСРЖ, с. 581).

В костромских говорах известно слово *суле́и* ‘хмельные напитки, подаваемые на стол’: «Это на столе сулеи, наподобие пива» (пав.) (ЛКТЭ). Исходя из особенностей семантики, оно мотивировано названием сосуда, в котором выносилось на стол. Однако возможно и формирование значения ‘напиток’ у приставочного деривата корня *лить*, без промежуточного звена ‘бутылка’. Таким же путем были образованы костром. пав. *суле́й*, окт. *суло́й* ‘пивное сусло’, пав. *суле́йка*, *сулея́* ‘блины, оладьи’: «Сулея – старое-старое слово, сейчас шаньги» (ЛКТЭ), то есть то, что сливается, наливается. Словообразовательная структура, архаичность приставки, устойчивые фольклорные формулы («На полнице блины, на столе сулея») и замечание диалектоносителя об архаичности слова показывают, что *суле́и* для костромских говоров являлось исконным, не связанным с жаргонным *сулейка*. В то же время записанное в Октябрьском районе *суле́йка* ‘бутылка’ имеет жаргонное происхождение. По наблюдениям Г.Ю. Багриновского, общеарг. *суле́йка* ‘водка’ связано с распространенным в XIX в. *сулейка* ‘бутылка’. Переход ‘бутылка водки’ > ‘водка’ произошел в уголовном жаргоне (Багриновский, 2008, с. 519–520).

Выводы

Традиция питья браги и самогона в большей степени характеризует Костромскую, в меньшей – Архангельскую и Вологодскую области, где более устойчивой была традиция пивоварения. По мере продвижения к югу севернорусской зоны лексика пивоварения

меняется лексикой «бражничества», а затем – и самогонварения.

Специфические семантико-мотивационные модели, характерные для названий браги и самогона, отразили технологию приготовления (*самокур*, *другород*), состав (приготовленные из пивных отходов *барда*, *бахторма*), цвет (*красенькая*, *синее вино*), низкое качество напитка (*баланда*, *дуранда*, *сулема*) воздействие на организм человека (*головаломка*, *косорыловка*, *завалиха*, *шату́н*). Потребность скрывать приготовление и употребление самогона от власти определялась государственными запретами на производство алкоголя. Кроме того, оно скрывалось от посторонних и детей, которые случайно могли выдать самогонщиков. С этим связано большое количество эвфемизмов (*кисленькая водичка*, *ржаное масло*, *голбеиная* и др.), а также вариативность, многочисленность наименований и большое количество фактов единичной фиксации (*буза*, *суматоха*, *тороканица* и др.). В названиях самогона представлены заимствования из волжских говоров (*буза*, *кумушка*), условно-профессиональных языков (*аланя*, *елаха*, *торо*). Поскольку брага и другой алкоголь чаще всего употребляются в ситуациях застолья и веселья, связанных как с непринужденной беседой, так и словесной перепалкой, многие лексемы получают шуточные коннотации и становятся частью языковой игры, ср: *стенолаз*, *коряжничек*, *румянец*, *кумушка*, *суматоха*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

The research is carried out within the project 20-18-00223 “Etymological and Semantic Reconstruction of the Russian Dialect Vocabulary” supported by the Russian Science Foundation.

² В то же время ср.: *Христос прокатился по груди* ‘слова, которые говорят, выпив спиртное’ (КСГРС).

³ А.Е. Анинин толкует сущ. *брага* как заимствование: «в др.-рус. **бърага* (до падения редуцированных) из др.-чув. **bura* + *-ka*, ср.: чув. *рѣга-Ға* ‘выжимки’ (<? ‘жидкое пиво, брага’)» (Анинин, вып. 4, с. 140).

⁴ В статье Н.В. Пислегина высказываются сомнения в правомерности сопоставления сущ. *кумышка* и *кумыс* и приводится высказанное В.С. Чураковым предположение о происхождении удм. *кумышка* «от русского слова “кумушка” (изначально удм. *кума вина* лучший сорт кумышки), то есть она была напитком, приготовляемым для потчевания “воспреемников” при крещении, первоначально, как правило, русских» [Пислегин, 2016, с. 91]. Предлагаемая версия кажется нам маловероятной, поскольку «крестильная» функция *кумушки* была не основной.

⁵ Подробно цветовая символика в наименованиях спиртных напитков раскрывается в (Багриновский, 2008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березович Е. Л., 2014. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке. 488 с.
- Березович Е. Л., 2017. К изучению западнославянских заимствований в русских народных говорах // *Etymological Research of Czech. Proceedings of the Etymological Symposium (Brno 2017, 12–14 September, 2017)*. Praha : Nakladatelství Lidové noviny. S. 11–25. (*Studia etymologica Brunensia* 22).
- Леонтьева Т. В., 2015. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург. 427 с.
- Никитина Г. А., 2015. Кумышка в традиционном обществе и в современной жизни удмуртов // *Здоровье, демография, экология финно-угорских народов*. № 1. С. 33–36.
- Осипова К. В., 2017. Лексика пивоварения на Русском Севере: этнолингвистический аспект // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. № 48. С. 57–73. DOI: 10.17223/19986645/48/4.
- Осипова К. В., 2018. Названия спиртных напитков на Русском Севере: этимолого-этнолингвистический анализ // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. № 56. С. 146–165. DOI: 10.17223/19986645/56/8.
- Пислегин Н. В., 2016. Удмуртская кумышка: документальные свидетельства повседневности второй половины XVIII–XIX вв. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. Т. 27, № 5. С. 90–96. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-27-5-90-964.
- Толстой Н. И., 2013. Язык и культура // Толстой Н. И., Толстая С. М. *Славянская этнолингвистика: вопросы теории*. М. : Ин-т славяноведения РАН. С. 7–18. (Материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов, 5–6 ноября 2013 г.)

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Аникин* – Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1– . М. ; СПб. : [б. и.] , 2007– .
- АОС* – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовоной. Вып. 1– . М. : Изд-во МГУ, 1980– .
- Багриновский, 2008* – Багриновский Г. Ю. *Энциклопедический словарь спиртных напитков : Свыше 3 500 названий : История спиртных напитков от глубокой древности до наших дней*. М. : Астрель : АСТ, 2008. 1342 с.
- БРС* – Башкирско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 804 с.
- БСРЖ* – Мокиенко В. М. *Большой словарь русского жаргона : 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний* / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2000. 716 с.
- Ганиев, 2002* – Татарско-русский словарь : 25 000 слов / И. А. Абдуллин [и др.] ; под ред. Ф. А. Ганиева. Казань : Тат. кн. изд-во, 2002. 488 с.
- Ганцовская* – Ганцовская Н. С. *Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи (с эпицентром акающих говоров)*. (Рукопись).
- Даль* – Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка* : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. 4 т.
- Добровольский, 1914* – Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. Смоленск : Типография П. А. Силина, 1914. 1022 с.
- ДЭИС* – Традиционная культура Урала : Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала / авт.-сост.: О. В. Востриков, В. В. Липина. Екатеринбург : [б. и.], 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Ефименко* – Ефименко П. С. *Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии*. В 2 ч. Ч. 2. *Народная словесность*. М. : Типо-лит. С. П. Архипова и К°, 1878. 276 с.
- КСГРС* – Картотека Словаря говоров Русского Севера. (Хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, г. Екатеринбург).
- ЛКТЭ* – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета. (Хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, г. Екатеринбург).

- Moiseev, 2010* – Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь : 5 698 слов и словосочетаний / Б. А. Моисеев. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2010. 192 с.
- ООСБ* – Кошарная С. А. Опыт областного словаря Белгородчины: дифференц.-сопостав. слов. / С. А. Кошарная, А. С. Алейник, А. И. Медведева. Белгород : Эпицентр, 2017. 330 с.
- Опыт* – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1852. 275 с.
- ОСВГ* – Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Вып. 1– . Киров : Коннектика : Изд-во ВятГТУ : Радуга-ПРЕСС, 1996– .
- СВГ* – Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007. 12 т.
- СГРС* – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 1– . Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001– .
- СГЮП* – Подюков И. А. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1–3. Пермь : Изд-во ПГТТУ, 2010–2012.
- СРГК* – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005. 6 т.
- СРГМ* – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. / отв. ред. Р. В. Семенкова. СПб. : Наука, 2013. 1560 с. 2 ч.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1– . М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965– .
- ССРЛЯ* – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. М. ; Л. : Изд. и 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1948–1965. 17 т.
- Тенишев* – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб. : Деловая полиграфия, 2007. 683 с.
- УРС* – Удмуртско-русский словарь : Около 50 000 слов / сост.: Т. Р. Душенкова [и др.] ; отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск : [б. и.], 2008. 925 с.
- Федотов* – Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 1. Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. 981 с.
- Шипова* – Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке / отв. ред. А. Н. Кононов. Алма-Ата : «Наука» КазССР, 1976. 392 с.
- ЯОС* – Ярославский областной словарь : в 10 т. / отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991. 10 т.
- SGP* – Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Т. 1–6, Kraków : Nakładem Akademii Umiejętności, Drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1900–1911.

REFERENCES

- Berezovich E.L., 2014. *Russkaya leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary on the Pan-Slavic Background: Semantic and Motivational Reconstruction]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. 488 p.
- Berezovich E.L., 2017. K izucheniyu zapadnoslavjanskikh zaimstvovaniy v russkikh narodnykh govorakh [To the Study of West Slavic Borrowings in Russian Folk Dialects]. *Etymological Research of Czech. Proceedings of the Etymological Symposium (Brno 2017, 12–14 September 2017)*. Prague, Nakladatelství Lidové noviny, pp. 11-25. (Studia etymologica Brunensia 22).
- Leontyeva T.V., 2015. *Modeli i sfery reprezentatsii sotsialno-regulyativnoy semantiki v russkoy yazykovoy traditsii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Models and Fields of Representation of Socio-Regulatory Semantics in the Russian Language Tradition. Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg. 427 p.
- Nikitina G.A., 2015. Kumyshka v traditsionnom obshchestve i v sovremennoy zhizni udmurtov [Home-Distilled Vodka in Traditional Society and Contemporary Life of the Udmurts]. *Zdorovye, demografiya, ekologiya finno-ugorskikh narodov* [Health, Demography, Ecology of Finno-Ugric People], no. 1, pp. 33-36.
- Osipova K.V., 2017. Leksika pivovareniya na Russkom Severe: etnolingvisticheskiy aspekt [Brewing Vocabulary in the Russian North: An Ethnolinguistic Aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 48, pp. 57-73. DOI: 10.17223/19986645/48/4.
- Osipova K.V., 2018. Nazvaniya spirtnykh napitkov na Russkom Severe: etimologo-etnolingvisticheskiy analiz [Names of Strong Alcoholic Drinks in the Russian North: Etymological and Ethnolinguistic Analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 56, pp. 146-165. DOI: 10.17223/19986645/56/8.
- Pislegin N.V., 2016. *Udmurtskaya kumyshka: dokumentalnye svidetelstva povsednevnosti vtoroy poloviny XVIII–XIX vv.* [The Udmurt

- Kumyshka: Documentary Evidence of Everyday Life in the Latter Half of the 18th – 19th cc.]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences], vol. 27, iss. 5, pp. 90-96. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-27-5-90-964.
- Tolstoy N.I., 2013. Yazyk i kultura [Language and Culture]. Tolstoy N.I., Tolstaya S.M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Theory Questions]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 7-18. (Materialy ko Vtoromu Vserossiyskomu soveshchaniyu slavistov 5–6 noyabrya 2013 g. [Materials for the Second All-Russian Meeting of Slavists, November 5–6, 2013]).
- SOURCES AND DICTIONARIES**
- Anikin A.E. *Russkiy etimologicheskiy slovar* [Russian Etymological Dictionary]. Iss. 1–12. Moscow, Saint Petersburg, [s. n.], 2007–2018.
- Getsova O.G., ed. *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Iss. 1– . Moscow, Izd-vo MGU, 1980– .
- Bagrinovskiy G.Yu. *Entsiklopedicheskiy slovar spirnykh napitkov: Syyshe 3500 nazvaniy: Istoriya spirnykh napitkov ot glubokoy drevnosti do nashikh dney* [Encyclopedic Dictionary of Alcoholic Beverages: Over 3500 Titles: History of Alcoholic Beverages from Ancient Times to the Present Day]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2008. 1342 p.
- Bashkirsko-russkiy slovar* [Bashkir-Russian Dictionary]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1958. 804 p.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bolshoy slovar russkogo zhargona: 25 000 slov, 7 000 ustoychivyykh sochetaniy* [Large Dictionary of Russian Jargon: 25 000 Words, 7 000 Stable Combinations]. Saint Petersburg, Norint Print, 2000. 716 p.
- Abdullin I.A., Ganiev F.A., Mukhamadiev M.G., Yunaleeva R.A. *Tatarsko-russkiy slovar: 25 000 slov* [Tatar-Russian Dictionary: 25,000 Words]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2002. 488 p.
- Gantsovskaya N.S. *Slovar govorov Kostromskogo Zavolzhyya: mezhdurechye Kostromy i Unzhi (s epitsentrom akayushchikh govorov)* [Dictionary of Dialects of the Kostroma Transvolga Region: Interfluvium of Kostroma and Unzha (With the Epicenter of the Dialects with the Pronunciation of Russian Unstressed “o” as “a”)]. (Manuscript).
- Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1955. 4 vols.
- Dobrovolskiy V.N. *Smolenskiy oblastnoy slovar* [Smolensk Regional Dictionary]. Smolensk, Tipografiya P.A. Silina, 1914. 1022 p.
- Vostrikov O.V., Lipina V.V. *Traditsionnaya kultura Urala: Dialektnyy etnoideograficheskiy slovar russkikh govorov Srednego Urala* [Traditional Culture of the Urals: Dialectal Ethnoideographic Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals]. Yekaterinburg, 2009. 1 electronic optical disk (CD-ROM).
- Efimenko P.S. *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoy gubernii. Ch. 2. Narodnaya slovesnost* [Materials on the Ethnography of the Russian Population of the Arkhangelsk Province. Part 2. Folk Literature]. Moscow, Tipo-litografiya S.P. Arkhipova i K°, 1878. 276 p.
- Kartoteka Slovarya govorov Russkogo Severa* [Card Index of the Dictionary of Dialects of the Russian North]. (Stored at the Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, USU, Yekaterinburg).
- Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspeditsii Uralskogo universiteta* [Lexical Card Index of the Ural University Toponymic Expedition]. (Stored at the Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, USU, Yekaterinburg).
- Moiseev B.A. *Orenburgskiy oblastnoy slovar: 5 698 slov i slovosochetaniy* [Orenburg Regional Dictionary. 5 698 Words and Phrases]. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2010. 192 p.
- Kosharnaya S.A., Aleynik A.S., Medvedeva A.I. *Opyt oblastnogo slovarya Belgorodchiny: differentsialno-sopostavitelnyy slovar* [Experience of the Regional Dictionary of Belgorod Region: Differential-Comparative Dictionary]. Belgorod, Epitsentr Publ., 2017. 330 p.
- Vostokov A.Kh., ed. *Opyt oblastnogo velikoruskogo slovarya, izdannyy Vtorym otdeleniem Akademii nauk* [Experience of the Regional Great Russian Dictionary Published by the Second Branch of the Academy of Sciences]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1852. 275 p.
- Dolgunchev V.G., Smetanina Z.V., eds. *Oblastnoy slovar vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. Iss. 1– . Kirov, Konnektika Publ., Izd-vo VyatGGU, Raduga-PRESS, 1996– .
- Panikarovskaya T.G., ed. *Slovar vologodskikh govorov: v 12 t.* [Dictionary of Vologda

- Dialects. In 12 Vols.]. Vologda, Izd-vo VGPI / VGPU, 1983–2007.
- Matveev A.K., ed. *Slovar govorov Russkogo Severa* [Dictionary of Dialects of the Russian North]. Vol. 1– . Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta, 2001– .
- Podyukov I.A. *Slovar russkikh govorov Yuzhnogo Prikamya. Vyp. 1–3* [Dictionary of Russian Dialects of the Southern Kama Region. Iss. 1–3]. Perm, Izd-vo PGGPU, 2010–2012.
- Gerd A.S., ed. *Slovar russkikh govorov Karelii i sopredelnykh oblastey: v 6 t.* [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Adjacent Regions. In 6 Vols.]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 1994–2005.
- Semenkova R.V., ed. *Slovar russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya. V 2 ch.* [Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia. In 2 ch.]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2013. 1560 p.
- Filin F.P., Sorokoletov F.P., Myznikov S.A. *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Iss. 1– . Moscow, Leningrad, Saint Petersburg, Nauka Publ., 1965– .
- Chernyshev V.I. et al., eds. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language. In 17 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo i 1-ya tipografiya izd-va Akademii nauk SSSR v Leningrade, 1948–1965.
- Russkie krestyane. Zhizn. Byt. Nравy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazyа V.N. Tenisheva. T. 5. Vologodskaya guberniya. Ch. 3. Nikolskiy i Solvychevodskiy uezdy* [Russian Peasants. Life. Everyday Life. Morals. Materials of the “Ethnographic Bureau” of Prince V.N. Tenishev. Vol. 5. Vologda Province. Part 3. Nikolsky and Solvychevodsky Uezds]. Saint Petersburg, Delovaya poligrafiya Publ., 2007. 683 p.
- Dushenkova T.R., Egorov A.V., Ivshin L.M., Karpova L.L., Kirillova L.E., Titova O.V., Shibanov A.A., eds. *Udmurtsko-russkiy slovar: Okolo 50 000 slov* [Udmurt-Russian Dictionary: About 50,000 Words]. Izhevsk, [s. n.], 2008. 925 p.
- Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar chuvashskogo yazyka. V 2 t. T. 1* [Etymological Dictionary of the Chuvash Language. In 2 Vols. Vol. 1]. Cheboksary, Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, 1996. 981 p.
- Shipova E.N. *Slovar tyurkizmov v russkom yazyke* [Dictionary of Turkisms in Russian]. Alma-Ata, «Nauka» KazSSR, 1976. 392 p.
- Melnichenko G.G., ed. *Yaroslavskiy oblastnoy slovar: v 10 t.* [Yaroslavl Regional Dictionary. In 10 Vols.]. Yaroslavl, YaGPI im. K.D. Ushinskogo, 1981–1991.
- Karłowicz J. *Słownik gwar polskich. T. 1–6.* Kraków, Nakładem Akademii Umiejętności, Drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1900–1911.

Information About the Author

Ksenia V. Osipova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Toponymic Laboratory, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Prosp. Lenina, 51, 620000 Yekaterinburg, Russia, osipova.ks.v.@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2285-6112>

Информация об авторе

Ксения Викторовна Осипова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, просп. Ленина, 51, 620000 г. Екатеринбург, Россия, osipova.ks.v.@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2285-6112>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.4>

UDC 82'282
LBC 81.025

Submitted: 15.09.2019
Accepted: 28.04.2020

LEXICAL VERNACULAR IN THE SPEECH OF LITERARY LANGUAGE USERS RESIDING IN PERM REGION

Tamara I. Erofeeva

Perm State National Research University, Perm, Russia

Svetlana V. Shustova

Perm State National Research University, Perm, Russia

Abstract. The article considers the influence of dialectal layer of the languages by means of incorporating vernaculars into the lexical system of the literary language. It is stated that substandard verbs most frequently get the status of colloquial verbs due to their expressive semantic content or to their wider area of usage. The material for the analysis was 24 substandard verbal lexemes recorded in the explanatory and dialectal dictionaries of the Russian language and found in the speech of native speakers of the literary language. Data on the use of these units were obtained from recordings of the speech of residents of Perm and cities of Perm Krai (the total duration of the audio is about 30 hours). The research is based on the description of the semantic and functional-stylistic potential of vernacular vocabulary. The dynamics of stylistic characteristics of a word is described on the basis of the data recorded in lexicographic publications of different years. It is shown that the transition of words from one subsystem of the Russian language to another is a natural and logical process that contributes to the enrichment of the vocabulary of the Russian language. It has been confirmed that vernacular is a transitional space between dialects and literary language.

Key words: dialect, literary language, vernacular, lexical vernacular, semantics, functional and stylistic characteristic of the word.

Citation. Erofeeva T.I., Shustova S.V. Lexical Vernacular in the Speech of Literary Language Users Residing in Perm Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 42-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.4>

УДК 82'282
ББК 81.025

Дата поступления статьи: 15.09.2019
Дата принятия статьи: 28.04.2020

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПЕРМСКОГО РЕГИОНА

Тамара Ивановна Ерофеева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

Светлана Викторовна Шустова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема перехода диалектных единиц в лексическую систему литературного языка и выявляется роль просторечия в этом процессе. Материалом для анализа послужили 24 глагольные просторечные лексемы, зафиксированные в толковых и диалектных словарях русского языка и встречающиеся в речи носителей литературного языка. Данные об употреблении этих единиц получены на основе изучения записей речи жителей Перми и населенных пунктов Пермского края (общий объем звучания – около 30 часов). Исследование базируется на описании семантического и функционально-стилистического

ческого потенциала просторечной лексики. Охарактеризована динамика стилистических параметров слова на основе их фиксации в лексикографических изданиях разных лет. Показано, что перемещение слов из одной подсистемы русского языка в другую представляет собой естественный и закономерный процесс, способствующий обогащению лексических пластов русского языка. Чаще всего статус разговорного получает просторечный глагол, выражающий экспрессивную семантику или имеющий широкую территорию бытования. Подтверждено, что просторечие выступает в качестве переходного пространства между диалектами и литературным языком.

Ключевые слова: диалект, литературный язык, просторечие, лексическое просторечие, семантика, функционально-стилистическая характеристика слова.

Цитирование. Ерофеева Т. И., Шустова С. В. Лексическое просторечие в речи носителей литературного языка Пермского региона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 42–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.4>

Введение

Речь города – сложное структурированное целое, в котором устный литературный язык занимает центральное место. При этом, спроецированный на определенную территорию, он испытывает воздействие диалекта, проявляясь в различных региональных вариантах. Кроме того, существенную роль в разговорной стихии современного города играет просторечие [Гельгардт, 1959; Ерофеева, 2005; Ерофеева, Грузберг, 1989].

Понимая просторечие как особый пласт лексики литературного языка [Капанадзе, 1984; Литературная норма..., 1977], придерживаемся мнения, что просторечие – это форма функционирования языка, противопоставленная другим формам функционирования языка в силу целого ряда особенностей. «Общепризнана роль просторечия как переходной сферы между литературным языком и диалектами» [Коготкова, 1977, с. 61].

В работах Л.И. Баранниковой взаимоотношения литературного языка, диалекта и просторечия рассматриваются с точки зрения их использования в обиходно-бытовой речи в разные исторические периоды [Баранникова, 1970; 1974]. В донациональную эпоху обиходно-бытовое общение обеспечивали диалекты. Молодые литературные языки не обладали еще свойством общенародной коммуникации и не могли оказать существенного влияния на говоры. В эпоху образования национального языка территориальные диалекты вытесняются в сферу деревенской жизни. Как пишет Л.И. Баранникова, «обиходно-бытовая функция в этот период переходит к просторечию, полудиалектам и т. п.,

под которыми понимают различные оттенки переходного типа речи, занимающего промежуточное положение между литературным языком и диалектами» [Баранникова, 1970, с. 19]. Ученый выделяет следующие признаки просторечия: 1) нелитературность (оно не входит в систему литературного языка); 2) внетерриториальность (оно имеет незначительные региональные отличия); 3) вариантность (оно обладает обилием речевых вариантов на всех уровнях и не имеет строгих норм); 4) однофункциональность (оно обслуживает только бытовую речь). К концу XVIII – середине XIX в. просторечие сближилось с литературным языком и, как следствие, «олитературилось». Возникла особая разновидность литературного языка – разговорная. По справедливому замечанию Л.И. Баранниковой, «став составным компонентом литературного языка, разговорная речь, однако, не порвала и не могла порвать связи с просторечием и диалектами. Эта двойственность истоков разговорной речи отчетливо проявляется в ее последующем развитии» [Баранникова, 1970, с. 23].

Подтверждение этому находим в «Словаре русского языка», изданном в 1985 г. (далее – МАС). Представляя лексику русского литературного языка 60–70-х гг. XX в., составители отражают в МАС просторечный пласт лексики русского языка, обозначая его единицы пометой *прост.*, «то есть просторечное слово или значение указывает на то, что слово (или значение) из-за грубости содержания или резкости выражаемой оценки стоит на границе литературного языка и употребляется в сниженном стиле, в обиходно-бытовой речи» (МАС, т. 1, с. 9).

Цель исследования – характеристика просторечия как сферы перехода лексических единиц из диалекта в литературный язык.

Материалы и методы исследования

Рассмотрение просторечия с точки зрения морфологии позволило выявить, что преобладающую часть составляют глаголы. Материалом послужили 24 просторечных глагола, имеющие в МАС помету *прост.* Показано, как представлены эти единицы в диалектных и толковых словарях русского языка (см. список словарей) и использованы в живой разговорной речи лиц, владеющих литературным языком (50 человек). Записи проведены в г. Перми, а также в городах, станицах и поселках Пермского края, общая продолжительность звучания – около 30 часов. В наших предыдущих работах на основе этих записей обнаружено воздействие народных говоров на просторечие, что прослеживается на всех уровнях языка, в том числе лексическом [Ерофеева, 1979; Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И., Скитова, 2002; Скитова, 1968].

Изучение языкового материала проведено с применением методов индукции, дедукции, описания, наблюдения, интерпретации, элементов компонентного и стилистического анализа.

Исследование проведено в два этапа: 1) описана семантика 24 просторечных глаголов, отраженная в словарях и речи, и выявлены маркеры просторечия; 2) определены функционально-стилистические свойства просторечных единиц в динамике.

Результаты и обсуждение

Охарактеризуем отобранные 24 просторечных глагола в семантическом аспекте.

Просторечный глагол БЫЧИТЬСЯ с двумя вариантами ударения имеет значение ‘быть угрюмым, хмурым’ (МАС). Между тем другие словари фиксируют это слово с разными значениями: ‘проявлять упрямство, не слушаться’ (Акч.); ‘глядеть угрюмо; упрямитесь’ (Словарь Даля); ‘упрямитесь’ (СРНГ). СРНГ указывает и территорию распространения – *новг., костр., нижегор., владим.* и др. В пермской городской среде глагол

встречается в речи и женщин, и мужчин; употребляется инженерами, экономистами, юристами, преподавателями и др.: *И не надо на всех бычиться* (жен., 43 г., воспитатель, Добрянка); *Я не пойму, чего он бычится!* (муж., 33 г., экономист, Пермь); *Он всё бычится на меня* (жен., 26 л., учитель, Соликамск); *Хватит бычиться, будь повеселее!* (жен., 23 г., воспитатель, Пермь). Глагол в этом значении широко употребляется в говорах. Однако правомернее считать его просторечным (в этом значении), поскольку территория и сфера его функционирования достаточно широки.

Просторечный глагол ВКАЛЫВАТЬ имеет значение ‘работать с большим напряжением, долго и много’ (МАС). Пермские носители литературного языка активно прибегают к этому глаголу в речи: *Вкальываешь, вкальываешь, а денег как не было, так и нет* (жен., 28 л., секретарь-машинистка, Березники); *Он вкальывает с утра до ночи* (жен., 20 л., студентка-филолог, Пермь); *Да он на работе вкальывает* (муж., 20 л., студент-историк, Пермь). В семантике глагола отмечены экспрессивные семы ‘долго’ и ‘много’, на базе которых развивается в речи переносное значение ‘долго идти пешком’: *А вы из Чусовой? В прошлом году два раза был. Ой не знаю, пойду ли. Что-то уж много больно пешком вкальывать надо* (муж., 31 г., инженер, Пермь).

Глагол ВЫТКНУТЬ в значении ‘ткнуть, заставить выпасть; выколоть’ имеет помету *прост.* (МАС) и активно используется в городской литературной речи пермяков: *Что ты такая худенькая? Можно глаз выткнуть* (муж., 32 г., хирург, Красновишерск); *Осторожно, а то глаз выткнешь* (жен., 40 л., медсестра, Кунгур). В диалектных словарях слово не отмечается, поскольку сфера его использования (а возможно, и происхождения) – городская речь.

Глагол ДРЫХНУТЬ имеет значение ‘спать’ (МАС), в Словаре Даля определяется как ‘спать много, долго, беспробудно’. Экспрессивные семы ‘долго’, ‘много’, ‘беспробудно’ указывают на сферу принадлежности лексической единицы – городское просторечие, поскольку выступают в качестве усилительных элементов. Встречается в городской литературной речи: *Я зашла к ним, а они дрыхнут без зазрения совести! А лекции*

идут... (жен., 20 л., студентка-юрист, Пермь). Есть случаи использования слова в художественных текстах: *Мы, ротозеи, дрыхнули...* (Колчанов. Старина Оханская). Принадлежность слова к городскому просторечию подтверждает «Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья» (СПРГСР).

Значение глагола ЖАМКНУТЬ – ‘сдавить, стиснуть; сжать’ (МАС). Слово в этом значении известно в городской речи: *Мама, дай я тесто жамкну* (жен., 20 л., студентка-филолог, Пермь); *Жамкни раз-два бельё – и ладно* (жен., 60 л., пенсионерка, Пермь). Глагол зафиксирован в художественных текстах: *Взял этот лучок, через коленку жамкнул* (Зеленин. Великорусские сказки). Этот глагол включен в Словарь Даля. Однако правомернее отнести его к просторечным, поскольку, как отмечается в СРНГ, глагол употребим в *вологод.* (с 1847 г.), *вят., тамб., арх., свердл.*, а также *перм.* (1856 г.) говорах – на севере и на Урале.

Глагол ЗАРИТЬСЯ с пометой *прост.* имеет значение ‘с завистью смотреть на что-л.; страстно желать, стремиться завладеть чем-л.’ (МАС) и активно используется в городской речи носителей литературного языка Пермского региона: *Очень часто-то не употребляю. Только между собой. В фамильярной форме: ой, не зарься!* (жен., 25 л., учитель, Пермь); *Зариться – завидовать, восхищаться. Он зарится украсть эту кубышку* (муж., 45 л., начальник УГРО, Красновишерск); *Он на неё позарился. А чё тут зариться-то?* (жен., 31 г., врач, Нытва); *Зариться – ну заглядываться на что-то. Уставиться, смотреть. У самого нет, вот и уставился* (муж., 39 л., инженер, Березники); *Зариться на чё-то добро. В обиходе-то широко распространено* (жен., 33 г., врач, Красновишерск).

В Словаре Даля глагол определяется так: ‘приходить въ зари, в задор, распаляться, сильно хотѣть, завидовать чему’. Как видим, в значении есть экспрессивная сема ‘сильно’. В МАС также подчеркивается экспрессивный характер глагола, в толковании эксплицируются экспрессивные семы ‘с завистью’, ‘страстно’, поскольку фиксируется сильное эмоциональное возбуждение.

В речи женщины, юриста 44 л. из Перми, встретился глагол ЗАХОМУТАТЬ в зна-

чении ‘полностью подчинить себе’: *Дарья быстро захомутила Фёдора*. В этом значении глагол отмечен в СПГ, СРНГ. Тем не менее экспрессивная сема в значении глагола способствовала изменению сферы распространения слова и квалификации его как просторечного в указанном значении.

Диада ЗАЧАТЬ – ЗАЧИНАТЬ в значении ‘начать – начинать’ квалифицируется в МАС как просторечная и активно используется в обыденной и художественной речи: *Баню ещё тем летом строить зачали* (муж., 48 л., бухгалтер, ст-ца Кын); *Давай сегодня зачем, а завтра посмотрим* (жен., 47 л., библиотекарь, Кунгур); *Главное зачать, а потом дело пойдёт* (жен., 23 г., агроном, пос. Кудея); *Ну ты зачинай, а я чуть позднее подойду* (жен., 29 л., продавец, Пермь); *Следует зачинать дело* (муж., 49 л., учитель, Кунгур). Лексема представлена в художественных текстах Д.Н. Мамина-Сибиряка, А. Колчанова, А. Бондина, А. Кирпищиковой и др. Просторечные глаголы ЗАЧАТЬ – ЗАЧИНАТЬ характерны для речи тех горожан, которые не овладели нормами литературной речи. Оба глагола отмечены в СПРГСР.

Глагол КАЗАТЬ – ‘показывать’, *устар.* и *прост.* (МАС). Глагол КАЗАТЬ встречается и в речи носителей литературного языка: *Часто спрашивают: «Какое кино кажут?»* (муж., 27 л., учитель, Пермь); *Сейчас начнётся передача, а телевизор ничего не кажет. У нас паршиво кажет телевизор* (жен., 28 л., учитель, Пермь); *Вот сейчас Польшу всё кажут* (муж., 40 л., геолог, Красновишерск). Просторечный характер глагола отмечен и в СПРГСР.

Многозначный глагол ЛАДИТЬСЯ, по данным МАС, в городской речи представлен литературным, диалектным и просторечным лексико-семантическими вариантами значения. Лит. – ‘удаваться, идти успешно’: *У неё ладится в работе всё, хорошо получается* (жен., 35 л., учитель, Пермь); *Дело что-то не ладится* (муж., 37 л., инженер, Красновишерск). Диал. – ‘улаживаться, договариваться’: *Хватит вам ладиться!* (жен., 22 г., студентка-филолог, Чусовой); *Ладиться – это значит договорились о чём-то* (муж., 40 л., преподаватель, Красновишерск). Прост. – 1. ‘намереваться’: *Он всё ладится её обнять* (муж., 40 л.,

инженер, Чагинский р-н). 2. 'изготавливаться': *Мотор ладится совершенно иначе, чем я предполагал* (муж., 34 г., юрист, Красновишерск). 3. 'хорошо продвигаться': *Всё вроде теперь ладится* (жен., 30 л., воспитатель, Кунгур); *Ладится, клеится – успешный результат!* (муж., экономист, пос. Куеда). Второе и третье значения глагола отмечены в СПРГСП.

Двенадцатое значение глагола НАБИТЬ, по определению МАС, является просторечным – 'побить, поколотить кого-л.'. Это подтверждает в СПРГСП. В СРНГ у этого глагола первым зафиксировано значение 'избить, поколотить' и отмечены следующие территории распространения – *тобол.* (с 1911 г.), *иркут.*, *бурят.*, *АССР, сиб.*, *вост.*, *казах.*, *свердл.*, *перм.* (*Мама, он набьёт меня*), *сев.-двин.*, *онеж.*, *ленингр.* Такое употребление глагола в диалектах способствовало его использованию в городском просторечии и в речи носителей литературного языка: *Будь осторожна, он какой-то дикий. Может набить тебя!* (жен., 28 л., кассир, Чусовой).

Диалектное значение глагола НАКАЗАТЬ – 'приказывать, велеть' – отмечено СРНГ на большой территории (начиная с 1820 г.). Это, несомненно, способствовало тому, что уже в БАС и МАС глагол в значении 'дать наказ, велеть, поручить' получает статус *устар.* и *прост.* Как просторечное слово фиксируется в СПРГСП. Городские жители часто используют глагол в этом значении в речи, в том числе и литературной. Например: *Накажи ему строго, чтобы ни с кем из незнакомых не разговаривал!* (жен., 45 л., воспитатель, Березники); *А матери накажите, чтобы регулярно принимала это лекарство* (жен., 55 л., врач, Пермь); *Я ему наказал, чтобы сюда больше не приходил* (муж., 34 г., юрист, Красновишерск); *Ты накажи ей привезти продуктов из Перми* (жен., 28 л., кассир, Соликамск); *Строго-настрога мать накажет это сделать. И не возражай!* (жен., 35 л., библиотекарь, Соликамск); *Наказала накормить цыплят* (муж., 40 л., механизатор, пос. Куеда).

Глагол ОБСКАЗАТЬ определяется в МАС следующим образом: 'подробно рассказать, объяснить'. Просторечный глагол частотен в речи носителей литературного языка: *Обскажи всё по порядку, не торопись* (жен.,

63 г., учитель, пенсионерка, Кунгур); *Ты, Мария, всё подробно обскажи* (жен., 48 л., библиотекарь, ст-ца Кын); *Я тебе всё обсказала* (жен., 30 л., литсотрудник, Б. Соснова). В значении глагола актуализируется сема 'подробно'.

Глагол ОГОЛОДАТЬ. Определяя просторечный характер слова, МАС дает следующее его значение: 'отощать от голода; изголодаться'. Между тем в СПГ глагол фиксируется как принадлежащий пермским говорам. Отмечено слово и в речи носителей литературного языка: *Совсем оголодала* (жен., 38 л., библиотекарь, Кунгур). СРНГ дает слово в форме ОГОЛОДЕТЬ, первое значение которого – 'сильно проголодаться'. Экспрессивная сема 'сильно' способствует переходу слова из диалектного в просторечное.

В публичной речи отмечен просторечный глагол ОЗОРОВАТЬ: *Любители природы частенько озоровали на землях подсобного хозяйства* (областная газета «Звезда»). Его значение – 'нарушать общепринятые нормы поведения'. Диада ОЗОРОВАТЬ – ОЗОРНИЧАТЬ, *разг.* характеризуется высокой степенью экспрессии.

Глагол ОКЛЕМАТЬСЯ в значении 'выздороветь, оправиться после болезни; прийти в сознание', *прост.* (МАС) широко употребителен в речи городских носителей литературного языка в Пермском регионе: *Дня два назад из похода пришли, так я только вчера оклемаюсь* (жен., 33 г., учитель, Пермь); *Оклемаюсь не успела после больницы – и уже опять болезнь* (жен., 42 г., методист, Кунгур); *Вот оклемаюсь и выйду на работу* (муж., 45 л., мастер, Березники); *Еле оклемаюсь баба Нюра после второго приступа...* (муж., 23 г., медбрат, Верещагино); *Как оклемаюсь немного, и подумаем, что дальше делать* (жен., 37 л., концертмейстер, Пермь); *Как она не будет болеть? Немного оклемаются – опять раздетая на улице выбегает* (жен., 45 л., учитель, пос. Октябрьский); *Я как кровь-то увидела, мне аж дурно стало. В глазах потемнело, еле оклемаюсь потом* (жен., 22 г., учитель, Чернушка). Акч. считает слово диалектным. СРНГ указывает очень широкую территорию использования слова в этом значении. Несомненно, что глагол в этом значении можно (и нужно) квалифицировать как просторечный.

Значение глагола ОПРОСТАТЬ – ‘освободить от содержимого; опорожнить’ (МАС, БАС). Слово фиксируется в Словаре Даля, Рязанском словаре, Акч., СПГ. Широко используется и в городской речи носителей литературного языка; его знают и достаточно часто употребляют в речи все опрошенные: *Опростать – опустошить, вылить всё содержимое из неё. Пойди опростай кастрюльку, она мне нужна* (жен., 25 л., учитель, Пермь); *Говорю, правда, тоже не очень часто. Ты, мама, уже опростала эту сумку? Давай опростай, она мне нужна* (жен., 38 л., учитель, Пермь); *Лучше скажу – опростать. Ты мне опростай эту посуду* (муж., 31 г., преподаватель, Красновишерск); *Опростай корзину, она была занята* (муж., 32 г., конструктор, Краснокамск); *Опростать – легче говорить* (жен., 36 л., заведующая детсадом, Кунгур); *Ведро опростала? Надо по воду идти* (муж., 22 г., инженер, Пермь). Слово отмечено в СПРГСП. Широкое распространение данного глагола также способствует его квалификации в этом значении как просторечного.

Глагол ОТВОЗИТЬ определяется в МАС как просторечный в значении ‘испачкать, извозить’. Между тем он фиксируется в СРНГ в этом значении на территории вятских (с 1901 г.) и кировских говоров. В акчимском говоре Пермского края отмечен возвратный глагол – ОТВОЗИТЬСЯ, зафиксированный в СРНГ с пометой *перм.* В городской литературной речи Пермского региона используются оба глагола: *И когда ты так платье отвозила? Растёт такой неряхой!* (жен., 50 л., бухгалтер, Кунгур); *Боже мой, отвозились как! Не узнать вас!* (жен., 42 г., воспитатель, Оса); – *А можно отсюда посмотреть? – Можно, осторожно, отвозитесь. Ну вот, отвозили с этой и с той стороны* (муж., 35 л., художник, Красновишерск). Как видим, в речи отмечены и просторечная, и диалектная единицы.

Глагол ПОГЛЯНУТЬСЯ используется в городской речи с двумя вариантами ударения: *Свататься ходили, мне невестка поглянулась* (жен., 52 г., библиотекарь, ст-ца Кын); [Шутливо] *Парень-то мне поглянулся* (жен., 32 г., корректор, Б. Соснова); *Она мне погля-*

нулась (муж., 43 г., преподаватель, Кунгур); *Поглянулось мне у неё платье. Аккуратно сшито* (жен., 45 л., учитель, высш., Соликамск); [Шутливо] *Может, ты ему и поглянешься* (жен., 46 л., бухгалтер, Кунгур). МАС, определяя просторечный характер глагола (с ударением на Н Уи толкуя его значение как ‘понравиться, прийтись по вкусу’, соотносит с глаголом ПРИГЛЯНУТЬСЯ. Глаголы ПОГЛЯНУТЬСЯ, *прост.* и ПРИГЛЯНУТЬСЯ, *разг.* характеризуются высокой степенью экспрессии.

У глагола ПОПРОВЕДАТЬ с пометой *прост.* МАС фиксирует значение ‘проведать’. Это слово активно используется в городской речи Пермского региона: *Мальчики, а когда мы с вами пойдём в больницу Сашу попроведать?* (жен., 35 л., учитель, Пермь); *Он благородный такой мужчина. Где-то тут был, зашёл попроведать. Я состряпала блинчатые пирожки* (жен., 58 л., пенсионерка, Ныроб); «*А вы по грибы? Хотите на ту сторону?» – «Угу, хочу попроведать тот бор»* (муж., 32 г., конструктор, Красновишерск); *Пойду схожу бабушку попроведаю* (муж., 60 л., пенсионер, Добрянка). По словообразовательной структуре глагол можно считать диалектным (в Словаре Даля зафиксировано большое количество диалектных глаголов с приставками ПОПРО-). Однако в данном случае многочисленные примеры его использования в городской речи позволяют квалифицировать этот глагол как просторечный.

Просторечный глагол СДЮЖИТЬ имеет значение ‘справляться с кем-, чем-л.; одолеть, вынести что-л.’ (МАС). Есть случаи использования глагола в пермской городской речи: *Надо во что бы то ни стало сдюжить* (муж., 37 л., конструктор, Краснокамск); *Он здоровый, он всё вытерпит, сдюжит* (муж., 45 л., инженер, Пермь); *Работать в лесу тяжело, но надо сдюжить, вытерпеть* (муж., 34 г., юрист, Красновишерск); *Много работы, но ничего, сдюжим* (муж., 48 л., техник, Краснокамск); *Сдюжить. Кстати, ребята это слово уже забывают. Недюжинная натура – объясняешь, откуда это слово произошло. Сильный, могучий* (жен., 45 л., учитель, Пермь).

Глагол СЛАДИТЬ в значении ‘сделать, смастерить’ известен в говорах (СПГ,

СРГСУ – в форме СЛÁЖИВАТЬ), в просторечии (МАС, СПРГСУ) и в городской литературной речи: *Сладили печку за неделю* (муж., 42 г., агроном, пос. Куеда); *Дом они хороший сладили* (муж., 60 л., пенсионер, Березники). Принадлежность этого глагола к нескольким формам общенародного языка (литературный язык, диалекты) позволяет считать глагол просторечным.

В ходе исследования определены семантические функционально-стилистические характеристики 24 просторечных глаголов в динамике. С этой целью у данных глаголов сопоставлены пометы в СТСРЯ (2004) и ТСРРР (2010). Результаты отражены в таблице.

Как видно из таблицы, не все глаголы представлены в словарях, не у всех глаголов фиксируется помета, позволяющая соотнести их с определенной сферой употребления, что в свою очередь позволяет говорить о рас-

ширении функционально-стилистического потенциала данных единиц.

Заключение

Перемещение слов из одной подсистемы в другую – естественный и закономерный процесс, способствующий обогащению лексических пластов русского языка. Просторечие в данном случае выступает переходной сферой между литературным языком и диалектами. Статус разговорного чаще всего получает просторечный глагол, маркируемый экспрессивной семой или имеющий широкую территорию бытования. Устойчиво просторечными остаются те глаголы, которые имеют особую словообразовательную структуру, характерную для диалектного слова. К перспективам исследования мы относим разработку словаря просторечных глаголов Пермского региона.

Семантическая и функционально-стилистическая характеристика слова

Semantic, functinal and stylistic characteristics of a word

Просторечные глаголы (МАС)	Семантические и функционально-стилистические характеристики	СТСРЯ (2004)	ТСРРР (2010)
<i>Бычиться</i>	Функционирование на широкой территории	–	–
<i>Вкалывать</i>	Наличие экспрессивной семы	разг.-сниж.	разг.
<i>Выткнуть</i>	Функционирование в городской речи	–	–
<i>Дрыхнуть</i>	Наличие экспрессивной семы	разг.-сниж.	разг.
<i>Жамкнуть</i>	Функционирование на широкой территории	–	–
<i>Зариться</i>	Наличие экспрессивной семы	разг.-сниж.	разг.
<i>Захмутать</i>	Наличие экспрессивной семы	–	разг.
<i>Зачать</i>	Просторечие	–	–
<i>Зачинать</i>	Просторечие	–	–
<i>Казать</i>	Просторечие	–	–
<i>Ладиться</i>	Функционирование в разных формах общенародного языка	разг.	разг.
<i>Набить</i>	Функционирование на широкой территории	разг.-сниж.	разг.
<i>Наказать</i>	Функционирование на широкой территории	разг.	–
<i>Обсказать</i>	Наличие экспрессивной семы	–	разг.
<i>Оголодать</i>	Наличие экспрессивной семы	разг.-сниж.	разг.
<i>Озоровать</i>	Наличие экспрессивной семы	–	–
<i>Оклепать</i>	Функционирование на широкой территории	разг.-сниж.	–
<i>Опростать</i>	Функционирование на широкой территории	нар.-разг.	разг.
<i>Отвозить</i>	Просторечное	–	–
<i>Отвозиться</i>	Просторечное	–	–
<i>Поглянуться</i>	Наличие экспрессивной семы	–	–
<i>Попроведать</i>	Словообразовательная структура, функционирование в городской речи	–	–
<i>Сдюжить</i>	Функционирование на широкой территории	разг.-сниж.	–
<i>Сладить</i>	Функционирование в разных формах общенародного языка	нар.-разг.	–

Примечание. Символ «–» означает отсутствие глагола в словаре.

Note. Symbol “–” means the absence of a verb in the dictionary.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранникова Л. И., 1970. О социально-исторической обусловленности развития разговорной речи // Русская разговорная речь : сб. науч. тр. / редкол.: О. Б. Сиротинина (пред.) [и др.] Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 18–25.
- Баранникова Л. И., 1974. Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество. Вып. 2 : сб. ст. / пред. редкол.: Л. И. Баранникова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 3–22.
- Гельгардт Р. Р., 1959. О литературном языке в географической проекции // Вопросы языкознания. № 3. С. 95–101.
- Ерофеева Е. В., 2005. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект : монография. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. 320 с.
- Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова Ф. Л., 2002. Локализмы в литературной речи горожан. 2-е изд. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. 107 с.
- Ерофеева Т. И., 1979. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. 91 с.
- Ерофеева Т. И., Грузберг Л. А., 1989. Еще раз о просторечии // Живое слово в русской речи Прикамья : сб. ст. / [редкол.: Ф. Л. Скитова (гл. ред.) и др.]. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. С. 3–10.
- Капаназде Л. А., 1984. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: проблемы изучения : сб. ст. / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М. : Наука. С. 5–12.
- Коготкова Т. С., 1977. Роль просторечия в процессах освоения говорами лексики литературного языка // Литературная норма и просторечие : сб. ст. / отв. ред. Л. И. Скворцов. М. : Наука. С. 58–76.
- Литературная норма и просторечие : сб. ст., 1977 / отв. ред. Л. И. Скворцов. М. : Наука. 255 с.
- Скитова Ф. Л., 1968. К вопросу о территориальном варьировании современного литературного языка // Материалы VIII Зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала (Шадринск, 20–23 мая 1968 г.). Шадринск : [б. и.]. С. 14.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Акч. – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). В 6 вып. Вып. 1 / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 1984. 398 с.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / [гл. ред.: В. И. Чернышев

(гл. ред.) и др.]. М. ; Л. : Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1948–1965. 17 т.

- Зеленин. *Великорусские сказки* – Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. М. : Правда, 1991. 121 с.
- Колчанов. *Старина Оханская* – Колчанов А. П. Старина Оханская. Повести. Пермь : Кн. изд-во, 1962. 248 с.
- МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. 4 т.
- Рязанский словарь – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Осовецкого. М. : Наука, 1969. 612 с.
- Словарь Даля – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1965. 4 т.
- СПГ – Словарь пермских говоров : в 2 вып. / сост.: А. Н. Борисова [и др.]. Пермь : Кн. мир, 2000–2002. Вып. 1. 2000. 608 с. Вып. 2. 2002. 576 с.
- СПРГСР – Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / сост.: О. И. Блинова, В. В. Палагина, С. В. Сыпченко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 183 с.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. В 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964–1988. 7 т.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. ; Л. (СПб.) : Наука, 1965–2018. Вып. 1–50 / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23); Ф. П. Сороколетов (вып. 24–42); Ф. П. Сороколетов, отв. ред. С. А. Мызников (вып. 43–46); С. А. Мызников (вып. 47–50).
- СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М. : Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
- ТСРРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект / под ред. Л. П. Крысина. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2010. 346 с.

REFERENCES

- Barannikova L.I., 1970. O sotsialno-istoricheskoy obuslovlennosti razvitiya razgovornoy rechi [On the Socio-Historical Conditionality of the Development of Colloquial Speech]. Sirotnina O.B. et al., eds. *Russkaya razgovornaya rech: sb. nauch. tr.* [Russian Colloquial Speech. Collection of Scientific Papers]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, pp. 18-25.
- Barannikova L.I., 1974. Prostorechie kak osobyuy sotsialnyy komponent yazyka [Vernacular as a Special Social Component of Language]. *Yazyk i obshchestvo. Vyp. 2: sb. st.* [Language

- and Society. Iss. 2. Collection of Articles]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, pp. 3-22.
- Gelgardt R.R., 1959. O literaturnom yazyke v geograficheskoy proektsii [On the Literary Language in Geographical Projection]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 95-101.
- Erofeeva E.V., 2005. *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt: monografiya* [The Probabilistic Structure of Idioms. Sociolinguistic Aspect. Monograph]. Perm, Izd-vo Permskogo universiteta. 320 p.
- Erofeeva E.V., Erofeeva T.I., Skitova F.L., 2002. *Lokalizmy v literaturnoy rechi gorozhan* [Localisms in the Literary Speech of Citizens]. Perm, Izd-vo Permskogo universiteta. 107 p.
- Erofeeva T.I., 1979. *Lokalnaya okrashennost literaturnoy razgovornoy rechi* [Local Coloration of Literary Colloquial Speech]. Perm, Izd-vo Permskogo universiteta. 91 p.
- Erofeeva T.I., Gruzberg L.A., 1989. Eshche raz o prostorechii [Once Again About Vernacular]. Skitova F.L. et al., eds. *Zhivoe slovo v russkoy rechi Prikamya: sb. st.* [Living Word in the Russian Speech of Prikamye. Collection of Articles]. Perm, Izd-vo Permskogo universiteta, pp. 3-10.
- Kapanadze L.A., 1984. *Sovremennoe gorodskoe prostorechie i literaturnyy yazyk* [Modern Urban Vernacular and Literary Language]. Zemskaya E.A., Shmelev D.N., eds. *Gorodskoe prostorechie: problemy izucheniya: sb. st.* [Urban Vernacular: Problems of Study. Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-12.
- Kogotkova T.S., 1977. Rol prostorechiya v protsessakh osvoeniya govoram leksiki literaturnogo yazyka [The Role of Vernacular in the Processes of Dialects Mastering the Vocabulary of the Literary Language]. Skvortsov L.I., ed. *Literaturnaya norma i prostorechie: sb. st.* [Literary Norm And Vernacular. Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., pp. 58-76.
- Skvortsov L.I., ed. *Literaturnaya norma i prostorechie: sb. st.*, 1977 [Literary Norm And Vernacular. Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ. 255 p.
- Skitova F.L., 1968. K voprosu o territorialnom varirovaniy sovremennogo literaturnogo yazyka [On the Issue of Territorial Variation of the Modern Literary Language]. *Materialy VIII Zonalnoy konferentsii kafedr russkogo yazyka vuzov Urala (Shadrinsk, 20-23 maya 1968 g.)* [Materials of the VIII Zone Conference of the Russian Language Departments of Ural Universities (Shadrinsk, May 20-23, 1968)]. Shadrinsk, [s. n.], p. 14.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Skitova F.L., ed. *Slovar govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti (Akchimskiy slovar). V 6 vyp. Vyp. 1* [Dictionary of Dialect of Akchim Village, Krasnovishersky District, Perm Region (Akchim Dictionary). In 6 Iss. Iss. 1]. Perm, Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo universiteta, 1984. 398 p.
- Chernyshev V.I., ed. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo i 1-ya tipografiya Izd-va Akademii nauk SSSR v Leningrade, 1948-1965.
- Zelenin D.K. *Velikorusskie skazki Permskoy gubernii* [Great Russian Fairy Tales of the Perm Province]. Moscow, Pravda Publ., 1991. 121 p.
- Kolchanov A.P. *Starina Okhanskaya. Povesti* [Old Okhanskaya. Tales]. Perm, Knizhnoe izdatelstvo, 1962. 248 p.
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Russian Language Dictionary. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985-1988.
- Ossoveckiy I.A., ed. *Slovar sovremennogo russkogo narodnogo govora d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoy oblasti* [Dictionary of Contemporary Russian Dialect of the Village of Deulino, Ryazan District, Ryazan Region]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 612 p.
- Dal V. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1965.
- Borisova A.N. et al., ed. *Slovar permskikh govorov: v 2 vyp.* [Dictionary of Perm Dialects. In 2 Iss.]. Perm, Knizhnyy mir Publ., 2000-2002, iss. 1, 2000. 608 p; iss. 2, 2002. 576 p.
- Blinova O.I., Palagina V.V., Sypchenko S.V., eds. *Slovar prostorechiy russkikh govorov Srednego Priobya* [Vernacular Dictionary of Russian Dialects of the Middle Ob Region]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 1977. 183 p.
- Matveev A.K., ed. *Slovar russkikh govorov Srednego Urala. V 7 t.* [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals. In 7 Vols.]. Sverdlovsk, Sredne-Uralskoe knizhnoe izd-vo, 1964-1988.
- Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1-50* [Dictionary of Russian Folk Dialects. Iss. 1-50]. Moscow, Leningrad (Saint Petersburg), Nauka Publ., 1965-2018.

Kuznetsov S.A., ed. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Riderz Daydzhest, 2004. 960 p.

Krysin L.P., ed. *Tolkovyy slovar russkoy razgovornoj rechi. Prospekt* [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech. Prospect]. Moscow, Institut russkogoyazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2010. 346 p.

Information About the Authors

Tamara I. Erofeeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University, Bukireva St, 15, 614990 Perm, Russia, genling.psu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0316-4302>

Svetlana V. Shustova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Linguistics and Translation, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University, Bukireva St, 15, 614990 Perm, Russia, lanaschust@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>

Информация об авторах

Тамара Ивановна Ерофеева, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, 15, 614990 г. Пермь, Россия, genling.psu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0316-4302>

Светлана Викторовна Шустова, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, 15, 614990 г. Пермь, Россия, lanaschust@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.5>

UDC 81'373.46:340.113
LBC 81.053.2

Submitted: 16.01.2020
Accepted: 11.05.2020

FORMATION AND NORMALIZATION OF LEGAL TERMINOLOGY IN THE FIELD OF DIGITAL TECHNOLOGIES¹

Marina L. Davydova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. Based on the latest legal texts, the article examines the process of forming the terminology of legal acts used in the digital technology field. The empirical base of the study consists of two blocks of legal texts: acts of strategic planning (strategies, national programs, passports of federal projects, etc.) and regulatory legal acts (federal laws and their projects) published in the period from 2016 to 2019. The peculiarities of lexical representation of the first group of documents (unsystematic use of terms, the use of metaphors and many words in quotation marks, excessive definitions and explanations, erosion of terminological apparatus of jurisprudence) indicate, in the author's opinion, two main features of the language of programmatic and strategic documents related to the field of digital technologies: 1) the declarative nature of the text, a large number of journalistic expressions have an emotional rather than rational effect; 2) there is no established scientific terminology and professional language which one can use in order to speak about digital legal relations. The second group of texts is now small in number but allows us to conclude that a much more careful approach to the terminological apparatus is taken. In general, the process of forming a legal terminological system in the field of digital technologies goes through several stages: the formation of the terminology of information technology field (largely due to borrowings from the English language); the inclusion of term-like units in the language of programmatic and strategic documents; development of legal terms proper, enshrined in the texts of regulatory legal acts.

Key words: term, terminology, legal term, language of law, terminological system of law, digital technologies, digital economy.

Citation. Davydova M.L. Formation and Normalization of Legal Terminology in the Field of Digital Technologies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 52-63. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.5>

УДК 81'373.46:340.113
ББК 81.053.2

Дата поступления статьи: 16.01.2020
Дата принятия статьи: 11.05.2020

ФОРМИРОВАНИЕ И НОРМАЛИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹

Марина Леонидовна Давыдова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье на материале новейших юридических текстов исследуется процесс упорядочения юридической терминологии в документах, функционирующих в сфере цифровых технологий. Эмпирическую базу исследования составили юридические тексты двух групп: акты стратегического планирования (стратегии, национальные программы, паспорта федеральных проектов) и нормативно-правовые акты (федеральные законы, их проекты, подзаконные акты), изданные в период с 2016 по 2019 год. Особенности лексического состава документов первой группы (отсутствие системности в закреплении терминов, метафоричность в использовании терминов, употребление множества слов в кавычках, размывание терминологического аппарата юриспруденции, избыточность некоторых определений и пояснений) свидетельствуют о двух основных чертах языка стратегических документов, относящихся к сфере цифровых технологий: 1) декларативность текста, использование большого количества публицистических оборотов, стремление компенсировать рациональное воздействие эмоциональным; 2) отсутствие устоявшейся научной

терминологии и профессионального языка, на котором можно говорить о цифровых правоотношениях. В результате анализа текстов второй группы выявлено, что их составители более квалифицированно подходят к употреблению терминов сферы цифровых технологий. Показано, что процесс формирования и упорядочения юридической терминологии в области цифровых технологий проходит несколько этапов: становление терминологии информационно-технологической сферы (в значительной мере за счет заимствования слов из английского языка); включение терминоподобных единиц в язык стратегических документов; выработка на их основе собственно юридических терминов, закрепляемых в текстах нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: термин, терминология, юридический термин, язык права, терминосистема права, цифровые технологии, цифровая экономика.

Цитирование. Давыдова М. Л. Формирование и нормализация юридической терминологии в сфере цифровых технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 52–63. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.5>

Введение

Развитие юридического языка обусловлено влиянием множества факторов, в числе которых важное место занимает появление новых сфер правового регулирования и новых правовых институтов. Именно этот процесс происходит сейчас в одной из наиболее активно развивающихся областей человеческой деятельности – в сфере цифровых технологий. Возникновение и развитие новых общественных отношений, требующих правового регулирования, приводит к появлению нормативных текстов, содержащих новую для права терминологию. Специфика формирования и упорядочения такой терминологии и составляет предмет данного исследования.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования выступают тексты двух групп, наиболее активно обогащающие терминосистему права в рассматриваемой сфере и позволяющие оценить ее современное состояние: акты стратегического планирования и нормативно-правовые акты. Это тексты документов, посредством которых лексика соответствующих профессиональных областей (информационных технологий, экономики, менеджмента и др.) попадает в юридический дискурс. Традиционно ключевую роль в процессе юридического терминотворчества играют нормативно-правовые акты (в первую очередь федеральные законы), то есть изданные компетентными органами официальные источники общеобязательных правил поведения. В силу новизны регу-

лируемых отношений и длительности законотворческой процедуры, законов, регламентирующих сферу цифровых технологий, принято пока крайне мало. Гораздо более многочисленной является группа правовых текстов программного характера (стратегии, национальные программы, паспорта федеральных проектов и т. п.). Их правовой статус в юридической науке до конца не определен. В частности, дискуссионными остаются вопросы о том, каковы конституционные основы функционирования подобных документов, их соотношение с нормативно-правовыми актами, юридическая сила и положение в иерархии традиционных источников права [Догадайло, 2019, с. 31–35]. Тем не менее такие правовые акты активно используются в практике современного государственного управления. На языковую специфику этих актов уже обращали внимание исследователи (см., например: [Быстрова, 2017; 2018]). Нас данные тексты интересуют в связи с тем, что именно они сейчас представляют собой наиболее активные источники новых слов, претендующих на включение в терминосистему права. Хронологически их создание предшествует созданию законодательных актов, что и определяет последовательность их рассмотрения в настоящей статье.

Методику научного поиска составили: формально-юридический метод, разработанные юриспруденцией приемы и методы толкования права (языковой, логический, систематический, историко-политический), а также лингвистические методы (компонентный, контекстуальный, сопоставительный анализ).

Результаты и обсуждение

*Акты стратегического планирования
и их языковые особенности*

Издание программных документов в настоящее время происходит во множестве сфер правового регулирования, которые государство решает признать приоритетными или значимыми. В частности, в сфере цифровых технологий в течение последних лет приняты: Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642), Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203); Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р); Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018); паспорта федеральных проектов «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная безопасность», «Информационная инфраструктура», «Цифровые технологии», «Кадры для цифровой экономики», «Цифровое государственное управление» (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 25.12.2018); Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490) и др.

С технико-юридической точки зрения многие из перечисленных документов далеки от совершенства. Так, оценивая паспорта федеральных проектов, предусмотренных Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», эксперты отмечают отсутствие у них должного официального утверждения (на уровне постановления или распоряжения правительства); несовпадение нумерации в перечнях направлений деятельнос-

ти, целей и задач, закрепленных в связанных по смыслу документах; несоответствие или отсутствие явной корреляции целей и показателей их достижения; отсутствие информации об индикаторах, несмотря на активное употребление сочетания *показатели и индикаторы* и т. п. (Паспорт нацпрограммы). Все это создает общее впечатление некоторой небрежности и поспешности в подготовке данных актов. В целом оно сохраняется и при анализе их терминологической составляющей.

Можно выделить ряд общих черт, характеризующих лексический состав этих правовых актов.

Отсутствие системности в закреплении терминов. Системность как важнейшее свойство документного текста наглядно проявляется в использовании дефиниций [Косова, 2012, с. 7]. В анализируемых актах единый подход к ним отсутствует. В одних документах дается обширный перечень дефиниций, в других – понятия не определяются или определяются контекстуально. Так, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. закреплены 17 дефиниций, в том числе сугубо информационные (*индустриальный интернет, облачные вычисления, объекты критической информационной инфраструктуры, туманные технологии*), а также термины более широкого применения, в частности *цифровая экономика*. В других документах приведены лишь вспомогательные термины, не связанные с содержанием регулируемых социально-экономических процессов. Например, Положение «О системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» (утв. Постановлением Правительства РФ от 02.03.2019 № 234) закрепляет дефиниции терминов *проект, федеральный проект Программы, региональный проект Программы* и др.

Одно из базовых понятий рассматриваемой сферы – «цифровая экономика» – получает свое определение в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: «Цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результа-

тов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», принятая спустя 3 месяца после Стратегии, полноценной дефиниции этого ключевого для данной сферы понятия не содержит. Однако вместо того, чтобы отослать к уже существующему определению, авторы Программы в первом ее абзаце частично воспроизводят его в более краткой и декларативной форме, никак не выделяя в тексте. От первоначальной версии оставлена лишь фраза о том, что «данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности», но добавлена следующая характеристика: «что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет». Безусловно, перечисленные цели важны для развития государства, но не являются признаками, образующими понятие. Очевидно, что цифровая экономика останется цифровой, даже если не будет направлена на обеспечение национального суверенитета. Таким образом, помимо того, что допускается дублирование дефиниций одного термина в двух правовых актах, вторая версия определения включает больше декларативных компонентов в ущерб содержательным.

В некоторых документах крайне неудачно названы сами понятия. Так, в ст. 4 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации содержатся дефиниции понятий «независимость» и «конкурентоспособность». Если во втором случае по контексту определения еще можно сделать вывод, что речь идет о конкурентоспособности государства («формирование явных по отношению к другим государствам (выделено мною. – М. Д.) преимуществ в научно-технологической области...»), то понятие, о чьей независимости (государства, российской науки, отдельных ученых) говорится в первой дефиниции, невозможно: «Независимость – достижение самостоятельности (чьей? – М. Д.) в критически важных сферах жизне-

обеспечения за счет высокой результативности исследований и разработок и практического применения полученных результатов». Разумеется, речь здесь идет не об определении понятия «независимость» вообще, а об уточнении его значения для целей данного правового акта, но даже в этом случае корректнее было бы конкретизировать формулировку и ограничить объем понятия, используя термины *независимость / конкурентоспособность государства в научно-технологической сфере*.

Метафоричность в использовании терминов. Авторы исследуемых нормативных текстов вводят в оборот большое количество слов, используемых в переносном значении, придавая им статус терминов: *искусственный интеллект, экосистема цифровой экономики, информационное пространство, облачные и туманные вычисления, электронное правительство, электронная демократия, регуляторные песочницы, экосистема умной городской среды, сквозные цифровые технологии, цифровая грамотность, виртуальная лаборатория, дорожная карта* и др.

С одной стороны, метафоризация – распространённый способ терминообразования. В процессе терминогенеза мысль часто вынуждена извлекать из общего языкового резервуара уже существующую лексему, которая переносится и метафорически переосмысливается, чтобы обозначить нарождающееся понятие [Assal, 1994, p. 235]. С другой стороны, правоведы, как правило, критически относятся к избытку метафор в юридическом тексте, подчеркивая, что с их помощью не достигаются точность и адекватность научной мысли [Баранов, Власенко, 2019, с. 18; Черданцев, 2012, с. 251].

Квантитативные показатели свидетельствуют, что метафоризация является периферийным способом образования юридических терминов [Гаврилова, 2019, с. 505], хотя количество терминов-метафор может возрастать в связи со «сложными международными тенденциями унификации и гармонизации юридических понятий в подъязыках разных правовых отраслей» [Власенко, 2014, с. 28]. Вероятно, это и отражается в текстах исследуемых документов.

Из трех выделяемых в науке способов образования терминов (построение производных слов, усеченных слов и словосочетаний; использование уже существующих слов путем изменения их значений; заимствование терминов из другого языка [Лотте, 1982, с. 7]) терминологическую метафору исследователи относят ко второму способу терминогенеза [Лыкова, 2016, с. 106]. Особенность терминов-неологизмов цифровой сферы состоит в том, что практически все метафоры заимствованы, преимущественно из английского языка. *Умные города* (smart cities), *облачные технологии* (или *облачные вычисления*, cloud computing), *облачные услуги* (cloud services), *Интернет вещей* (Internet of things), *портфель* (portfolio) *проектов*, *большие вызовы* (grand challenges), *регуляторные песочницы* (regulatory sandboxes) и т. п. – все эти слова и словосочетания представляют собой калькированный перевод терминов, многие из которых являются элементами складывающейся в настоящее время универсальной (международной) терминологии, хотя, разумеется, далеко не все из многочисленных заимствований вправе претендовать на статус юридического термина.

Употребление множества слов в кавычках. В текстах программных документов широко представлены такие примеры: «*умные города*», «*сквозные технологии*», «*дорожные карты*», «*стартапы*», «*облачные услуги*», «*облако*», «*портфели*» *проектов*, «*драйвер*» (в значении «катализатор», «ускоритель»), «*цифровая грамотность*», «*узкие места*», «*Интернет вещей*», *научные установки класса «мегасайенс»*, «*регуляторные песочницы*» и т. п. Этот прием используется даже тогда, когда употребление конкретного слова уже устоялось и является привычным («Интернет», «дорожная карта») или когда осуществляется простое заимствование иностранного термина, без переноса в значении («стартап»).

В тексте кавычки сразу обращают на себя внимание, однако, будучи во многих случаях неуместными, представляют текст в невыгодном свете. Так, рассуждая об употребляемом в паспортах проектов сочетании «*методики*» *определения показателей*, эксперты иронично замечают: «Слово “методики”

не случайно взято в кавычки – в абсолютном большинстве случаев эти методики сводятся к достаточно примитивным арифметическим вычислениям, основывающимся на статистических данных, получаемых из различных ведомств» (Паспорт нацпрограммы). Возможно, осторожная самокритика и подразумевалась авторами текста, но вряд ли они ставили цель специально привлечь внимание к непроработанности этого положения документа.

Размывание терминологического аппарата юриспруденции. Если в одних случаях использование образных выражений обусловлено наличием принятых в мировой практике обозначений (*облачные технологии*) и призвано обеспечить универсальность терминологии, то в целом ряде других случаев статус термина получают слова, совершенно для этого не подходящие. Яркий пример – закрепление в качестве термина слова *веха*. В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» содержится фраза: «На базе “дорожной карты” будет разработан план мероприятий, содержащий описание мероприятий, необходимых для достижения конкретных “вех” настоящей Программы...» Создается впечатление, что использование слова «*вехи*» в кавычках должно указывать на то, что автор текста признает некоторую неуместность в официальном тексте данного образного выражения, но использует его, чтобы продолжить метафорический ряд (*дорога – дорожная карта – верстовые столбы, вехи*). О такой излишней склонности к поэтизации можно было бы забыть, но в Положении «О системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» (утв. Постановлением Правительства РФ от 02.03.2019 № 234) мы обнаруживаем п. 3 «Термины (!), используемые в настоящем Положении», первым из которых идет следующее определение: «“Веха” – конечный итог реализации одного или нескольких мероприятий федерального проекта Программы, имеющий самостоятельное значение и ожидаемые результаты (эффекты), значимые для государства, бизнеса или общества».

Более детальное изучение вопроса позволяет обнаружить, что слово *веха* действительно используется в такой сфере, как управление проектами, в качестве аналога английско-

го *milestone* (Веха). Отметим, что это слово приводится далеко не во всех глоссариях по управлению проектами, отсутствует оно и в действующих в этой области государственных стандартах [ГОСТ Р 54869-2011; ГОСТ Р ИСО 9000-2015]. Иногда *milestone* переводится как «контрольное событие» (Глоссарий). Можно подобрать и другие эквиваленты, которые были бы вполне органичны в тексте правового акта: «ключевое событие» (*key event*), *этап*, *стадия*, *ступень*.

По нашему мнению, слово *веха* представляет собой профессионализм, который ни стилистически, ни по степени распространенности соответствующего значения в языке, ни функционально не соответствует статусу юридического термина.

Избыточность некоторых определений и пояснений. Адресанты документов стратегического планирования постоянно пытаются уточнить, усилить свою мысль, например упоминая *технологические барьеры* («узкие места») или многократно уточняя, что понимается под *дорожной картой*. Так, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 18.04.2017 № 317 «О реализации национальной технологической инициативы» словосочетание *дорожная карта* употребляется 123 раза, из них 56 раз в контексте *планы мероприятий* («дорожные карты»). Если существует стилистически нейтральный и общепринятый синоним *план мероприятий*, то какова необходимость введения термина *дорожная карта*? Если он уже введен и широко используется в документах органов исполнительной власти, то, возможно, пора перестать ставить его в кавычки и сопровождать пояснениями.

Все перечисленные тенденции позволяют говорить о двух основных чертах языка программных и стратегических документов, относящихся к сфере цифровых технологий:

1. Декларативность текста, использование большого количества публицистических оборотов свидетельствуют о популизме, стремлении сделать текст понятнее, красочнее или нагляднее. Такие приемы, неуместные в официальном документе, могут косвенно указывать на недостаток его содержательной части, попытку компенсировать рациональное воздействие эмоциональным.

2. Отсутствие устоявшейся научной терминологии, фиксирующей наличие правовых отношений в сфере цифровых технологий. В силу объективных причин значительная часть терминологии заимствуется из английского языка. Такие термины часто носят метафорический характер, что дает стимул отечественным правотворцам к изобретению собственных образных терминов, в итоге снижающих авторитет нормативного текста.

Терминология нормативно-правовых актов в сфере цифровых технологий

В соответствии с паспортом национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» этап «Нормативное регулирование цифровой среды» должен быть реализован в период с 1 ноября 2018 г. по 31 декабря 2021 г., что предполагает принятие значительного количества нормативно-правовых актов, преимущественно федеральных законов. С определенным отставанием от предусмотренного программными документами графика этот процесс происходит в настоящее время. Анализ текстов принятых и проектируемых законов позволяет увидеть, какие из многочисленных использованных в актах стратегического планирования неологизмов будут восприняты законодательством в качестве официально признанных юридических терминов, а какие продолжат существование лишь на уровне разговорного языка юристов и правовой доктрины.

Имеющиеся (пока немногочисленные) примеры свидетельствуют о том, что законодатели гораздо более взвешенно, чем авторы программных документов, подходят к вопросам терминологии.

Так, паспортом национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» было предусмотрено принятие федерального закона, регулирующего «краудфандинговую деятельность (деятельность по привлечению инвестиций с использованием инвестиционных платформ)». В название и текст соответствующего закона заимствованное и не очень пока распространенное в русском языке слово *краудфандинг* не вошло (см.: Федеральный закон от 02.08.2019

№ 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Предусмотренный программой закон, регулирующий механизмы формирования и использования «облачной» электронной подписи, пока не принят. На данный момент действует Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 23.06.2016), однако в Постановлении Правительства РФ от 08.11.2019 № 1427 «О проведении эксперимента по совершенствованию применения технологии электронной подписи» характеристика «облачная» к данному понятию не применяется.

Отсутствует пока и закон, регулирующий вопросы создания и функционирования особых правовых режимов в условиях цифровой экономики («регуляторных песочниц»), но в подготовленном Минэкономразвития России проекте (проект Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ID проекта 04/13/07-19/00093066, текст по состоянию на 11.07.2019) используется термин *экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций*. Термин *регуляторные песочницы*, достаточно распространенный в зарубежной научной литературе [Hallatt, 2016; Jenik, Lauer, 2017; Wechsler, Perlman, Gurung, 2018; Zetzsche et al., 2017], в тексте проекта не упоминается. Как видно, авторы законопроекта не только отказались от заимствованной метафоры, но и заменили признак «особый» на гораздо более конкретную характеристику «экспериментальный», поскольку атрибутив *особый* указывает лишь на некие отличия от основного правового режима, а прилагательное *экспериментальный* – на временный характер устанавливаемого режима, необходимость оценки его эффективности и определение, в зависимости от нее, дальнейшей судьбы предложенного регулирования. Термин *экспериментальный правовой режим* можно считать удачным еще и потому, что отсылает к устоявшейся в юридической науке терминологии – к давно известным и основатель-

но разработанным понятиям «правовой режим» [Davydova, Makarov, 2020].

Отметим, что после появления официального варианта термина (хотя бы на уровне проекта федерального закона) документы стратегического планирования начинают использовать его, а не предшествовавший ему образный аналог. Так, утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года в п. «а» ст. 49 предусматривает «обеспечение благоприятных правовых условий (в том числе посредством создания *экспериментального правового режима*) для доступа к данным».

Таким образом, можно предположить, что процесс формирования юридических терминов в области цифровых технологий проходит несколько этапов: 1) формирование терминологии информационно-технологической сферы (в значительной мере за счет заимствований из английского языка); 2) включение ее в язык стратегических документов; 3) выработка на их основе собственно юридических терминов, закрепляемых в текстах нормативно-правовых актов.

Термины и нетермины в цифровом юридическом дискурсе

В условиях, когда большинство нормативно-правовых актов, призванных установить правовые основы технологической модернизации, еще не принято, основным источником новых терминов выступают именно программные документы. Как представляется, многие из содержащихся в них слов и выражений не могут с полным основанием квалифицироваться как термины, поскольку они являются терминоподобными лексемами [Косова, 2010]. Современное терминоведение оперирует понятиями «терминоид» (специальная лексическая единица, используемая для номинации недостаточно устоявшихся (формирующихся) и неоднозначно понимаемых понятий) и «предтермин» (специальная номинация, используемая для называния новых сформировавшихся понятий, но не отвечающая требованиям краткости, точности, стилистической нейтральности, предъявляемым к термину) [Гринев-Гриневиц, 2008, с. 43–47]. См. приведенные выше примеры.

Терминоид как единица незавершенного процесса терминологизации [Горохова, 2014, с. 106] имеет место в ситуации, когда слово, претендующее на статус термина, уже существует и используется в языке, но исчерпывающий набор признаков соответствующего понятия еще не уточнен окончательно. По нашему мнению, именно таково положение дел с понятием «цифровая экономика», которое, несмотря на активное употребление в официальных документах, по-разному определяется в некоторых из них и продолжает вызывать дискуссии в научных кругах. Как отмечают специалисты, «детали развития новой цифровой экономики весьма туманны, а ее соотношение с традиционной материалоемкой и трудозатратной экономикой пока до конца не ясно» [Вайпан, 2018, с. 12].

Значительное количество заимствованных образных выражений можно отнести к предтерминам – словам, обозначающим новые понятия, значение которых уже в достаточной степени ясно, но подходящее наименование пока не подобрано. Предтермином по отношению к термину *экспериментальный правовой режим* выступает сочетание *регуляторная песочница*. Выражения *облачные вычисления*, *умные города*, *самоисполняемые договоры* и др. еще ждут адекватной замены. В подязыке компьютерных, информационных и телекоммуникационных технологий в некоторых исследованиях относят заимствования из английского языка к числу терминоидов [Зубарев, 2009, с. 115]. Однако применительно к языку права определяющим здесь является не только содержательная характеристика понятия (насколько утвердился в науке состав его признаков – это во многом вопрос для отдельного научного исследования), но и само наименование термина, которое должно соответствовать официально-деловому стилю, быть точным, информативным и органичным в тексте нормативно-правового акта.

В качестве предтерминов могут выступать и профессионализмы [Лейчик, 2009, с. 106], такие как *веха проекта*. Возможность того, что подходящий официальный аналог не будет найден и эти единицы будут включены в текст закона, существует. Однако полноценными терминами они, вероятнее всего, не ста-

нут, а сохраняют статус квазiterмина (закрепленного в речи предтермина, используемого в качестве термина [Гринев-Гриневиц, 2008, с. 43–47]). Вне всякого сомнения, число их в языке нормативно-правовых актов необходимо минимизировать.

Заключение

Сфера цифровых технологий развивается крайне динамично, давая обширный материал для исследований в области терминологии. Сложность ситуации обусловлена тем, что новые технологии и связанные с ними отношения в настоящее время только разрабатываются и многие понятия технологической сферы еще не получили общепризнанных наименований. Однако необходимость правового регулирования соответствующих отношений приводит к переносу множества таких понятий в язык права. В классическом представлении этот перенос предполагает включение наиболее значимых терминов в текст нормативно-правовых актов. Посредником при этом выступает правовая доктрина, на составителей которой традиционно возлагается ответственность за качество законодательных терминов и дефиниций. Однако влияние доктрины на формирование рассматриваемого пласта юридической терминологии незначительно – в силу динамизма отношений, за развитием которых теория просто не успевает, либо в силу существующего отрыва юридической науки от правотворческой практики.

В последние годы система нормативно-правовых актов и других официальных документов государственного управления претерпевает серьезные изменения за счет появления массива актов стратегического планирования, статус которых в юридической науке до конца не определен. Как было показано выше, в сфере цифровых технологий именно эти акты создают текстовое пространство, где происходит апробация и отбор специальных терминов, подлежащих впоследствии законодательному закреплению.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 20-011-00583 А «Эксперимен-

тальные правовые режимы (regulatory sandboxes): зарубежный опыт и перспективы внедрения в современной России».

The research was funded by Russian Foundation for Basic Research. Grant of the RFBR 20-011-00583 A “Experimental legal regimes (regulatory sandboxes): foreign experience and implementation prospects in modern Russia”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов В. М., Власенко Н. А., 2019. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1 (45). С. 11–19. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10101.
- Быстрова А. С., 2017. Жанровые параметры стратегии как документа долгосрочного планирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 199–206. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.20>.
- Быстрова А. С., 2018. Речевая организация программы развития как документа стратегического планирования // Научный диалог. № 5. С. 19–29.
- Вайпан В. А. 2018. Правовое регулирование цифровой экономики // Приложение к журналу «Предпринимательское право». № 1. С. 12–17.
- Власенко С. В., 2014. Метафоры в языке права // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». № 4. С. 23–30.
- Гаврилова И. А., 2019. Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии // Вестник Кемеровского государственного университета. № 21 (2). С. 504–512. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-504-512.
- Горохова Н. В., 2014. Проблема соотношения понятий «термин» и «нетермин» в современной лингвистике // Омский научный вестник. № 3 (129). С. 104–107.
- ГОСТ Р 54869-2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом, 2012. Введ. 2011–12–22. М. : Стандартинформ. 7 с.
- ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь, 2015. Введ. 2015–09–28. М. : Стандартинформ. V, 54 с.
- Гринев-Гриневиц С. В., 2008. Терминоведение. М. : Академия. 304 с.
- Догадайло Е. Ю., 2019. Стратегическое планирование в Российской Федерации как механизм, определяющий национальные стратегические приоритеты в современных экономических условиях: развитие нормативного регулирования и поиск конституционно-правовых основ // Право и государство: теория и практика. № 2 (170). С. 29–35.
- Зубарев Г. П., 2009. Терминоиды: особенности функционирования в терминологической системе языка // Иностранные языки в высшей школе. № 4 (11). С. 113–119.
- Косова М. В., 2010. Специальная лексика в документном тексте: аспекты лингвистического анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (12). С. 7–12.
- Косова М. В., 2012. Системность как свойство документного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (15). С. 7–11.
- Лейчик В. М., 2009. Терминоведение: предмет, методы, структура. М. : Либроком. 256 с.
- Лотте Д. С., 1982. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М. : Наука. 149 с.
- Лыкова Н. Н., 2016. Метафора в терминологии права (на материале старофранцузских источников) // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Вып. 100, № 4 (386). С. 106–111.
- Черданцев А. Ф., 2012. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М. : Норма : ИНФРА-М. 320 с.
- Assal A., 1994. La métaphorisation terminologique // Terminologie et traduction. Vol. 2. P. 235–242.
- Davydova M. L., Makarov V. O., 2020. Experimental Legal Regimes (Regulatory Sandboxes): Theoretical Problems and Implementation Prospects in Modern Russia // Competitive Prospects in Modern Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age : International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018). Cham : Springer, pp. 577–584. (Lecture Notes in Networks and Systems ; vol. 110 / ed. by A. Inshakova, E. Inshakova). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_68.
- Hallatt W., 2016. Hong Kong Launches Regulatory Sandbox in Wake of Developments in Australia, Malaysia, Singapore, and the UK // Conventus Law. URL: <http://www.conventuslaw.com/report/hong-kong-launches-regulatory-sandbox-in-wake-of/> (date of access: 20.12.2019).
- Jenik I., Lauer K., 2017. Regulatory Sandboxes and Financial Inclusion // Working Paper. Washington, D.C. : CGAP. URL: <https://www.cgap.org/sites/default/files/Working-Paper-Regulatory-Sandboxes-Oct-2017.pdf> (date of access: 20.12.2019).
- Wechsler M., Perlman L., Gurung N., 2018. The State of Regulatory Sandboxes in Developing Countries Columbia Business School. URL:

<https://dfsobservatory.com/publication/state-regulatory-sandboxes-developing-countries> (date of access: 20.12.2019).

Zetzsche D., Buckley R., Arner D., Barberis J. N., 2017. Regulating a Revolution: From Regulatory Sandboxes to Smart Regulation // EBI Working Paper Series. No. 11. URL: <https://bit.ly/2NiZlav> (date of access: 20.12.2019).

ИСТОЧНИКИ

Вежа – Вежа. Глоссарий // Проектная практика. URL: <https://pmppractice.ru/knowledgebase/gloss/detail/518.php> (дата обращения: 15.01.2020).

Глоссарий – Глоссарий по управлению проектами. Высшая школа управления проектами. URL: <https://pm.hse.ru/words> (дата обращения: 15.01.2020).

Паспорт нацпрограммы – Паспорт нацпрограммы «Цифровая экономика» и шести федеральных проектов. Экспресс-анализ TAdviser // TAdviser: Государство. Бизнес. ИТ. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0_%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8#.D0.9D.D0.B5.D1.81.D0.BE.D0.B2.D0.BF.D0.B0.D0.B4.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D0.B5_.D1.86.D0.B8.D1.84.D1.80_.D0.B2_.C2.AB.D0.A6.D0.B8.D1.84.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.BE.D0.B9_.D1.8D.D0.BA.D0.BE.D0.BD.D0.BE.D0.BC.D0.B8.D0.BA.D0.B5.C2.BB (дата обращения: 15.01.2020).

REFERENCES

Baranov V.M., Vlasenko N.A., 2019. Metafory v prave: metodologicheskaya opasnost i perspektivy [Metaphors in Law: Methodological Danger and Prospects]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny

Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no. 1 (45), pp. 11-19. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10101.

Bystrova A.S., 2017. Zhanrovye parametry strategii kak dokumenta dolgosrochnogo planirovaniya [Genre Parameters of Strategy as a Document of Long-Term Planning]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 199-206. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.20>.

Bystrova A.S., 2018. Rechevaya organizatsiya programmy razvitiya kak dokumenta strategicheskogo planirovaniya [Speech Organization of Development Program as Strategic Planning Document]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 5, pp. 19-29.

Vajpan V.A., 2018. Pravovoe regulirovanie tsifrovoy ekonomiki [Legal Regulation of Digital Economy]. *Prilozhenie k zhurnalu Predprinimatelskoe pravo* [Appendix to the Journal of Entrepreneurship Law], no. 1, pp. 12-17.

Vlasenko S.V., 2014. Metafory v yazyke prava [Metaphors in Legal Language]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya"*, no. 4, pp. 23-30.

Gavrilova I.A., 2019. Terminy-metafory v sostave angloyazychnoy yuridicheskoy terminologii [Metaphorical Terms as Part of English Legal Terminology]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 21 (2), pp. 504-512. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-504-512.

Gorokhova N.V., 2014. Problema sootneseniya ponyatiy «termin» i «netermin» v sovremennoy lingvistike [The Problem of Notions "Term" and "Word" in Modern Linguistics]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], no. 3 (129), pp. 104-107.

GOST R 54869-2011. *Proektnyy menedzhment. Trebovaniya k upravleniyu proektom*, 2012 [National Standard of the Russian Federation. Project Management. Project Management Requirements]. Introduced December 22, 2011. Moscow, Standartinform. 7 p.

GOST R ISO 9000-2015. *Sistemy menedzhmenta kachestva. Osnovnye polozheniya i slovar*, 2015 [National Standard of the Russian Federation. Quality Management Systems. Fundamentals and Vocabulary]. Introduced September 28, 2015. Moscow, Standartinform. V, 54 p.

Grinev-Grinevich S.V., 2008. *Terminovedenie* [Terminology Studies]. Moscow, Akademiya Publ. 304 p.

Dogadaylo E.Ju., 2019. Strategicheskoe planirovanie v Rossiyskoy Federatsii kak mekhanizm,

- opredelyayushchiy natsionalnye strategicheskie priority v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyakh: razvitie normativnogo regulirovaniya i poisk konstitutsionno-pravovykh osnov [Strategic Planning in the Russian Federation as the Mechanism by Which National Strategic Priorities in the Current Economic Environment: Regulatory and Development Search Constitutional and Legal Framework]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], no. 2 (170), pp. 29-35.
- Zubarev G.P., 2009. Terminoidy: osobennosti funktsionirovaniya v terminologicheskoy sisteme yazyka [Terminoids: The Peculiarities of Their Usage and Functions in the Terminological System of Language]. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole* [Foreign languages in Tertiary Education], no. 4 (11), pp. 113-119.
- Kosova M.V., 2010. Spetsialnaya leksika v dokumentnom tekste: aspekty lingvisticheskogo analiza [Special Vocabulary in Document Text: Aspects of Linguistic Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (12), pp. 7-12.
- Kosova M.V., 2012. Sistemnost kak svoystvo dokumentnogo teksta [Systematics Features of a Document Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (15), pp. 7-11.
- Leychik V.M., 2009. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology Studies: Subject, Methods, Structure]. Moscow, Librokom Publ. 256 p.
- Lotte D.S., 1982. *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov* [Borrowing and Streamlining Issues of Foreign Terms and Term Elements]. Moscow, Nauka Publ. 149 p.
- Lykova N.N., 2016. Metafora v terminologii prava (na materiale starofrantsuzskikh istochnikov) [Metaphor in the Terminology of Law (Based on Material From Old French Sources)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences], iss. 100, no. 4 (386), pp. 106-111.
- Cherdantsev A.F., 2012. *Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii* [Logical and Linguistic Phenomena in Jurisprudence]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ. 320 p.
- Assal A., 1994. La métaphorisation terminologique. *Terminologie et traduction*, vol. 2, pp. 235-242.
- Davydova M.L., Makarov V.O., 2020. Experimental Legal Regimes (Regulatory Sandboxes): Theoretical Problems and Implementation Prospects in Modern Russia. *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age: International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018)*. Cham, Springer, pp. 577-584. (Inshakova A., Inshakova E., eds. Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 110). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_68.
- Hallatt W., 2016. Hong Kong Launches Regulatory Sandbox in Wake of Developments in Australia, Malaysia, Singapore, and the UK. *Conventus Law*. URL: <http://www.conventuslaw.com/report/hong-kong-launches-regulatory-sandbox-in-wake-of/> (accessed 20 December 2019).
- Jenik I., Lauer K., 2017. Regulatory Sandboxes and Financial Inclusion. *Working Paper*. Washington, D.C., CGAP. URL: <https://www.cgap.org/sites/default/files/Working-Paper-Regulatory-Sandboxes-Oct-2017.pdf> (accessed 20 December 2019).
- Wechsler M., Perlman L., Gurung N., 2018. *The State of Regulatory Sandboxes in Developing Countries* Columbia Business School. URL: <https://dfsobservatory.com/publication/state-regulatory-sandboxes-developing-countries> (accessed 20 December 2019).
- Zetsche D., Buckley R., Arner D., Barberis J.N., 2017. Regulating a Revolution: From Regulatory Sandboxes to Smart Regulation. *EBI Working Paper Series*, no. 11. URL: <https://bit.ly/2NiZlav> (accessed 20 December 2019).

SOURCES

- Vekha. Glossariy [Milestone. Glossary]. *Proektnaya praktika* [Design Practice]. URL: <https://pmpractice.ru/knowledgebase/gloss/detail/518.php> (accessed 15 January 2020).
- Glossariy po upravleniyu proektami. Vysshaya shkola upravleniya proektami* [Project Management Glossary. High School of Project Management]. URL: <https://pm.hse.ru/words> (accessed 15 January 2020).
- Pasport natsprogrammy «Tsifrovaya ekonomika» i shesti federalnykh proektov. Ekspress-analiz TAdviser [Passport of the National Program “Digital Economy” and Six Federal Projects. TAdviser Express Analysis]. *TAdviser: Gosudarstvo. Biznes. IT* [TAdviser: State. Business. IT]. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%>

8C%D1%8F:%D0%9D%D0%B0%D1%86%
D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%
BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%
8F_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%
D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC% D0%
B0_%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%
D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_
%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%
D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%
D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D1%81%

D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%
D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%A4%
D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%
D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8#.
D0.9D.D0.B5.D1.81.D0.BE.D0.B2.D0.BF.D0.
B0.D0.B4.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D0.B5_.D1.
86.D0.B8.D1.84.D1.80_.D0.B2_.C2.AB.D0.
A6.D0.B8.D1.84.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.BE.
D0.B9_.D1.8D.D0.BA.D0.BE.D0.BD.D0.BE.D0.BC.D0.
B8.D0.BA.D0.B5.C2.BB (accessed 15 January 2020).

Information About the Author

Marina L. Davydova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, davidovavlg@gmail.com, davidovaml@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8392-9592>

Информация об авторе

Марина Леонидовна Давыдова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, davidovavlg@gmail.com, davidovaml@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8392-9592>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.6>

UDC 811:81'286
LBC 81.003

Submitted: 03.11.2019
Accepted: 11.05.2020

NEW TRENDS IN MULTILINGUALISM AND MINORITY LANGUAGES ON A GLOBAL SCALE

Erzhen V. Khilkhanova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article examines current trends in language policy and attitudes towards multilingualism and minority languages in the European Union, the USA, and Australia. On the example of some languages (Basque, Breton, Corsican, Sámi etc.) various factors affecting the current situation of minority languages are analyzed with priority to the state language policy. Special attention is concentrated on a new phenomenon in European sociolinguistics – the emergence of “new speakers” from minority groups who have learned these languages not in the family, but due to the educational system. Regarding the US language policy, the situation with the languages of North American Indians is described through some positive changes that have occurred in the economic, legal, cultural and linguistic environment of Indian tribes. The Australian case is analyzed as an equally striking example of progress from banning the use of aboriginal languages to modern programmes of their revitalisation. On the basis of the considered cases the author points to the importance of such factors as language activism and the financial and economic situation of minorities themselves. It is concluded that the change in the value paradigm only sets the framework conditions for the implementation of language rights but does not guarantee their success.

Key words: language situation, language attitudes, minority languages, multilingualism, “new speakers”, revitalization.

Citation. Khilkhanova E. V. New Trends in Multilingualism and Minority Languages on a Global Scale. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 64-75. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.6>

УДК 811:81'286
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 03.11.2019
Дата принятия статьи: 11.05.2020

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МНОГОЯЗЫЧИЮ И МИНОРИТАРНЫМ ЯЗЫКАМ В ГЛОБАЛЬНОМ МАСШТАБЕ

Эржен Владимировна Хилханова

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу современных тенденций в языковой политике и отношении к многоязычию и миноритарным языкам в странах Евросоюза, США и Австралии. На примере отдельных

языков (баскского, бретонского, корсиканского, саамского и др.) исследуются факторы, влияющие на современное положение миноритарных языков. Особое внимание уделяется новому феномену в европейской социолингвистике – появлению «новых говорящих» на миноритарных языках. При описании языковой политики США акцент делается на языках североамериканских индейцев и тех позитивных изменениях, которые произошли в экономической, юридической и культурно-языковой ситуации индейских племен. Ситуация в Австралии показана как пример прогрессивного изменения государственной языковой политики – от запрета на использование аборигенных языков до современных программ их ревитализации. На основе рассмотренных кейсов в аспекте изменения отношения к миноритарным языкам показана значимость таких факторов, как языковой активизм и экономическое положение этнических меньшинств. В заключении делается вывод о том, что изменение ценностной парадигмы лишь задает рамочные условия для реализации языковых прав, но не гарантирует их успешности.

Ключевые слова: языковая ситуация, отношение к языкам, миноритарный язык, многоязычие, «новые говорящие», ревитализация.

Цитирование. Хилханова Э. В. Новые тенденции по отношению к многоязычию и миноритарным языкам в глобальном масштабе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 64–75. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.6>

Введение

Динамика языковых контактов многоязычных сообществ тесно связана с историей соответствующей страны и господствующей в то или иное время идеологией. Такие факторы, как колонизация (с конца XV в.), промышленная революция (рубеж XVII–XVIII вв.) и особенно создание национальных государств (примерно с XIX в.), определили формирование превалирующего ныне типа многоязычия, при котором существует языковая иерархия со статусным делением языков на мажоритарные и миноритарные, официальные и региональные и т. д.

В рамках статьи мы не будем глубоко вдаваться в терминологические проблемы социолингвистической классификации языков, но оговорим, что термин «миноритарные языки» (языки меньшинств) будет использоваться нами в отношении всех языков, соответствующих двум критериям: количественному и функциональному. Следовательно, объектом анализа в данной статье являются языки тех этносов, которые представляют демографическое меньшинство в регионе своего проживания, и языки, функции и сфера использования которых ограничены по сравнению с официальными языками данного региона.

До второй половины XX в. положение миноритарных языков было крайне неблагоприятным. Впервые права меньшинств на поддержание своих языков и культур были подтверждены в Международном пакте ООН о гражданских и политических правах

1967 года. Статья 27 Пакта заявляет о том, что этнические, религиозные и языковые меньшинства имеют права «пользоваться своей культурой, использовать свою религию, а также пользоваться родным языком» [International Covenant..., 1967]. До принятия данного соглашения культурные и языковые права народов или просто игнорировались, или весьма ограничивались (подробнее об этом см.: [Смокотин, 2010б, с. 12]).

Принятие Пакта – это точка отсчета новой идеологической парадигмы, построенной на признании ценностей многоязычного и поликультурного общества. Процесс начался в Западной Европе и был вызван либерализацией экономической, политической и социальной жизни в западных странах после Второй мировой войны. Во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г., наряду с экономическими и политическими правами признаются культурные права для всех, без каких-либо ограничений (анализ этого документа см. в: [Смокотин, 2010а, с. 6]). Подписание в 1992 г. Маастрихтского договора о создании Европейского союза знаменует качественно новый этап не только политической и экономической интеграции европейских стран, но и, как показано В.М. Смокотиным, изменения языковой политики в Евросоюзе с целью осуществления законодательной поддержки многоязычия и языкового разнообразия и преодоления языковых и культурных барьеров не за счет принятия доминирующего языка в качестве единственного официального и рабочего языка Союза, а путем отказа от традиционной политики одно-

язычия европейских государств-наций [Смоктин, 2010а, с. 10].

Несмотря на то что Западная Европа является лидером в проведении такой политики, изменение отношения к языковому и культурному разнообразию и к миноритарным языкам, которые преимущественно и создают это разнообразие, произошло во всех западных странах, но имеет свою специфику в каждой из них. Например, в США в настоящее время осознание обществом ценности этнических языков и важности их сохранения происходит на фоне активной деятельности движения «Только английский» (English only). Закон «Только английский» в той или иной форме был принят в 23 штатах. В некоторых штатах английский язык был объявлен официальным языком, в других были приняты указы об ограничении или запрещении использования других языков, кроме английского, при предоставлении правительственной помощи или услуг (см. об этом: [Скачкова, 2013]).

Таким образом, мы видим, что ценностный перелом в общественном сознании произошел, но и «старая» идеология, легитимирующая языковую иерархию в пользу доминирующих языков, также имеет место. Соответственно, положение миноритарных языков определяется либо инерцией прошлых лет, ведущей к их постепенному исчезновению, либо новым подходом, способствующим их ревитализации и возвратному языковому сдвигу (reverse language shift).

Перелом в отношении к миноритарным языкам не совсем осознан как профессиональным лингвистическим сообществом, так и обычными гражданами. В лингвистической литературе часто можно встретить пессимистическую оценку и прогнозы относительно будущего миноритарных языков. Действительно, с одной стороны, очевидно исчезновение миноритарных языков, настолько серьезное к началу XXI в., что некоторые ученые даже описывают это как форму «лингвистического геноцида» [Skutnab-Kangas, 2000]. Согласно многочисленным прогнозам, при нынешних темпах вымирания языков примерно 7 000 языков мира исчезнут к концу этого столетия (см., например: [Romaine, 2015, p. 31]).

С другой стороны, более пристальный взгляд на многоязычные языковые ситуации

в мире обнаруживает новые тенденции в языковой политике, отношении к многоязычию и миноритарным языкам, которые корректируют представление об однолинейности и односторонности языковой динамики только в сторону утраты языков. Наряду с исчезновением, есть и много примеров возрождения языков – возрождения достаточно масштабного, чтобы говорить о мировой тенденции.

Сказанное обуславливает актуальность изучения современного положения миноритарных языков с учетом указанных разнонаправленных тенденций. Цель данной статьи состоит в аналитическом осмыслении современных тенденций, влияющих на положение и перспективы миноритарных языков в глобальном масштабе.

Материал и методы исследования

Ввиду диктуемых форматом статьи ограничений, тенденции изменения отношения к миноритарным языкам будут рассмотрены на материале некоторых языковых ситуаций, сложившихся в странах Западной Европы, США и Австралии (об идентификации Австралии как западной страны см.: [Хантингтон, 2003]). Тем самым будут представлены три континента: Евразия, Северная Америка и Австралия, что даст основание утверждать, действительно ли эти тенденции имеют глобальный характер. Другими словами, в статье реализован макросоциолингвистический подход с использованием метода лингвистической интерпретации социолингвистических данных в сравнительном аспекте. Подчеркнем, что масштабность географического охвата с очевидностью предполагает акцент не на детальном анализе многоязычных языковых ситуаций в отдельных регионах, а на выявлении глобальных тенденций в этой сфере.

Информационной базой послужили преимущественно вторичные источники (опубликованные результаты исследований) в области социолингвистики, но также были задействованы и первичные источники (тексты официальных документов, статистические сведения, лингвистические базы данных, тексты СМИ на темы языковой политики в отношении миноритарных языков и языковой ситуации с ними).

Результаты и обсуждение

Страны Евросоюза. Современный Европейский союз (далее – Евросоюз, ЕС) включает 28 европейских стран. Это уникальное геополитическое объединение, сочетающее признаки международной организации и государства, но не являющееся юридически ни тем ни другим. В лингвистическом плане многоязычие всегда было одной из целей и одним из основополагающих принципов ЕС. Представители Евросоюза неустанно подчеркивают отличие ЕС от США, указывая на то, что Евросоюз – не плавильный котел, а безопасный дом для всех культур и языков, где они мирно живут рядом друг с другом и развиваются. Это в определенной степени действительно так: почти все официальные языки государств, входящих в ЕС, – официальные языки на уровне ЕС; все государства – члены ЕС на заседаниях Европейского парламента имеют право говорить и слушать выступления членов Европарламента на своем родном языке; законодательство ЕС было переведено на все его официальные языки (подробнее об этом см.: [Кожемяков, 2015]).

Тем не менее теория и практика многоязычия не всегда соответствуют друг другу. Многие комитеты и должностные лица ЕС ведут работу на трех основных рабочих языках: английском, французском и немецком. Эта практика противоречит концепции многоязычия, но члены ЕС вынуждены ей следовать, поскольку строгое соблюдение всех языковых процедур, установленных в договорах, существенно замедлило бы процесс принятия решений ввиду большого количества официальных языков ЕС (24 языка на момент написания данной статьи – октябрь 2019 г.).

Теория и практика расходятся еще больше, когда речь заходит о миноритарных языках. Согласно статистике, в странах Евросоюза от 40 до 50 миллионов человек говорят на одном из 60 региональных и миноритарных языков [Regional and Minority Languages..., 2016]. Несмотря на декларируемый принцип многоязычия и равенства всех языков и культур, сегодня положение миноритарных языков в государствах Евросоюза отнюдь не одинаково: одни страны действительно добились впечатляющих успехов в ревитализации своих язы-

ков, другие по-прежнему борются за их признание и сохранение. Рассмотрим эти две тенденции на примере конкретных языков.

Одно из наиболее ярких достижений политики регионализма и защиты лингвистических прав человека в Европе – это баскский язык. Он является языком меньшинства даже в Стране Басков (Автономное Сообщество Страна Басков – часть одноименного исторического региона, территория которого распространяется также на Автономное Сообщество Наварра (тождественное одноименной испанской провинции) и Северную Страну Басков на юге Франции): на нем говорит около одной трети населения. Он был исключен из общественной сферы во время диктатуры Франко в Испании на протяжении многих десятилетий XX в., сохранился преимущественно в сельской местности, но преподавать на нем в школе было запрещено. Сравнение данных обследований 1991 и 2011 гг. показывает, что доля басков, говорящих на баскском, в Автономном Сообществе Страна Басков в Испании увеличилось с 24 до 32 %, в Наварре – с 9,5 до 11,7 %, благодаря политике, направленной на поддержку баскского языка. При этом во французской части Страны Басков количество говорящих на баскском, наоборот, сократилось с 33 до 21,4 % за тот же период. В Стране Басков баскский, испанский и иностранный языки (в большинстве случаев английский) являются обязательными школьными предметами и родители могут выбрать баскский, испанский или оба языка в качестве языков обучения для своих детей. В начале XXI в. баскский язык стал основным языком обучения в начальной и средней школе.

Примечательно, что многие родители, которые сами не говорят на баскском, предпочитают, чтобы их дети получали образование на баскском языке не только в силу мотивации идентичности, но и потому, что баскский может быть полезен для их детей на рынке труда. Поддерживаемый сильной языковой политикой, баскский язык сегодня используется в таких секторах, как здравоохранение, администрация, высшее образование, вплоть до правительственного уровня [Cenoz, Gorter, 2017, p. 902]. В настоящее время можно представить юридические документы или защитить докторскую диссер-

тацию на баскском языке даже по таким дисциплинам, как неврология или физика [Cenoz, Gorter, 2017, p. 903] – то, о чем носители многих других миноритарных языков могут только мечтать.

Появление молодых людей, усвоивших миноритарный язык не в семье, а в школе, как в примере с баскским языком, – это новый феномен, ставший в последнее время объектом изучения европейских социолингвистов и получивший название «новые говорящие» (new speakers). В контексте исследования миноритарных языков под «новыми говорящими» имеются в виду люди, которые были воспитаны на мажоритарном языке, но которые в ключевые моменты своей жизни (как правило, в подростковом или раннем взрослом возрасте) приняли сознательное решение перейти на миноритарный язык. Порой это решение включает в себя отказ от говорения на своем первом языке вообще, как это происходит, например, в Галиции – исторической области на северо-западе Испании, когда «неофаланте» (новые говорящие), выросшие в испаноязычной среде, впоследствии перешли на галисийский язык [O'Rourke, Ramallo, 2018, p. 93]. То же самое можно сказать о корсиканском языке: согласно данным исследования Ф. Пестея, сегодня на Корсике для многих молодых людей корсиканский не является языком, усвоенным с детства, большинство выучили его в возрасте после 18 лет, будучи активистами корсиканского движения либо находясь в поисках идентичности [Пестей, 2013, с. 135]. Другой пример – саамы в странах Северной Европы. Северосаамский язык, количество носителей которого в Норвегии, Швеции, Финляндии суммарно составляет всего 25 700 человек [Ethnologue..., 2020], благодаря усилиям языковых активистов сегодня находится на подъеме.

«Новые говорящие», осваивающие миноритарные, непрестижные в недавнем прошлом (а порой и сейчас) языки, – явление беспрецедентное. Это не «многоязычие малых языковых сообществ», когда каждый житель многоязычной территории мог говорить на нескольких соседних языках. Такая ситуация была характерна для прошлого, а в настоящем, в эпоху (пост)национальных государств, осваивать язык небольшой этни-

ческой группы, не приносящий дивидендов на современном «лингвистическом рынке» [Бурдьё, 2005], в отличие от владения доминирующим или суперцентральной языком типа английского, – это значит идти «против течения». «Новые говорящие» своим нетривиальным решением оказывают сопротивление языковому сдвигу в пользу мажоритарных языков, и порой достаточно успешно: есть случаи, когда языки меньшинств обязаны своим существованием только появлению «новых говорящих». Например, общепризнано, что последний носитель мэнского языка умер в 1974 г., однако на этом языке сегодня говорят люди, которые в основном усвоили его через образовательные инициативы и свою личную приверженность мэнской культуре. Таким образом, «новые говорящие» вносят вклад в поддержку языков меньшинств, что, по мнению некоторых исследователей, в перспективе может способствовать остановке упадка данных языков (см., например: [Murchadha et al., 2018, p. 9]).

Примеры успешного вмешательства «новых говорящих», казалось бы, в неизбежные процессы языкового сдвига и исчезновения миноритарных языков не ограничиваются мэнским языком. Говорить о том, что эта тенденция набирает силу в западноевропейских странах, позволяют уже довольно многочисленные примеры: гэльский язык в Шотландии [Dunmore, 2018], уэльский (валлийский) язык в Уэльсе [Selleck, 2018], гернсийский язык в Гернси (некоторые считают его гернсийским диалектом нормандского языка) [Sallabank, Marquis, 2018], галисийский язык в Испании [O'Rourke, Ramallo, 2018].

Важным моментом в решении перейти на миноритарный язык, помимо мотивации идентичности, является наличие такой возможности. Это значит, что миноритарный язык преподавался в школе в том объеме, который позволяет человеку выйти на уровень говорения. Как показано в статье Б. О'Рурк и Ф. Рамалло, «новые говорящие» на галисийском языке – это продукт языковой политики в этом регионе с 1980-х гг., после перехода Испании к демократии и включения галисийского языка в те сферы использования, в которых он раньше отсутствовал, в том числе в сферу образования и государственного управления

[O'Rourke, Ramallo, 2018, p. 94]. То же верно и в отношении баскского языка.

Однако, как уже было сказано, не во всех странах Евросоюза процессы ревитализации миноритарных языков протекают столь успешно, что обусловлено множеством причин и факторов. Доминирующим является политический, государственный фактор. Традиционно централистские государства, такие как Франция или Греция, подавляли региональные и миноритарные языки с момента своего образования. Это видно на примере баскского и бретонского языков во Франции. Так, на бретонском языке говорят 304 тысячи человек на всей территории французской метрополии [Ле Коадик, 2013, с. 106–107], они ведут ежедневную борьбу, чтобы помочь своему языку выжить [Breton in France..., 1992]. В настоящее время на бретонском языке говорят только пожилые люди и сельские жители. Языковой сдвиг в сторону французского языка очень силен, особенно среди младшего поколения, так как владение французским языком считается важным для их карьеры. Взгляды ученых на положение бретонского языка, однако, различаются. Одни полагают, что, если Франция не пожелает принять меры в поддержку бретонского языка, не так уж много можно сделать для его ревитализации [Breton, 1999, p. 93–94]. Национальные государства вольны поступать с языками так, как они хотят, и ни один закон ЕС не может на это повлиять. Другие считают, что языковая политика Франции определяла положение бретонского языка в прошлом, но сегодня противником его является скорее «внутренний враг – сами бретонцы, подчинившиеся государственной идеологии монолингвизма, смирившиеся со своим коллективным положением угнетенного меньшинства и отказавшиеся от своего языка ради социальных выгод» [Ле Коадик, 2013, с. 122].

США. Так же, как в России все языки являются миноритарными по отношению к русскому языку, в США все языки являются миноритарными по отношению к английскому языку. По данным всемирной базы языков «Ethnologue», общее количество живых языков, на которых говорят американцы, составляет 364, из которых 176 – это языки коренных народов США, в первую очередь американских индейцев. Несмотря на то что коли-

чество американских индейцев по отношению к общей численности населения США составляет всего 1 %, очевидно, что их языки вносят значительный вклад в языковое разнообразие страны [Смокотин 2010б, с. 54–55].

Именно на языках американских индейцев мы хотели бы сделать акцент в данной статье, поскольку на примере этих, подвергшихся самой жестокой дискриминации, языков и их носителей особенно хорошо видна эволюция отношения американского общества к миноритарным языкам и этносам. Языки коренного населения сохраняются в основном в индейских резервациях, где и в настоящее время многие свободно говорят на языках своих предков. До 1924 г. у американских индейцев не было гражданства и права голоса. Перед Первой мировой войной во многих штатах были приняты законы, запрещающие ведение занятий в государственных и частных школах на других языках, кроме английского. Как отмечает И.И. Скачкова, «с помощью таких законов, в сочетании со строго ограничительным иммиграционным законодательством и активной риторикой, направленной против всего иностранного, так называемое движение американизации попыталось осуществить быструю, принудительную аккультурацию всех без исключения иммигрантов во имя национального единства» [Скачкова, 2013].

После Второй мировой войны общественный подъем и рост самосознания американских индейцев на фоне широкого движения за гражданские права привели к признанию прав коренного населения и ценности их культурного наследия. Пик борьбы индейцев за свои права против власти Бюро по делам индейцев (Bureau of Indian Affairs – BIA) пришелся на 1960–1970-е годы. Это время Индейского Ренессанса, когда такие писатели, как Н. Скотт Момадэй (N. Scott Momaday) и Вайн Делория (Vine Deloria), а также воинственное Движение американских индейцев (AIM) впервые смогли привлечь внимание американского большинства к проблемам индейских земель. Это был период расцвета проиндейского законодательства, когда конгресс и Верховный суд США начали восстанавливать суверенитет индейцев и разбираться со множеством несправедливостей и преступлений, совершенных против индейцев как феде-

ральным правительством, так и отдельными штатами [Уоррен, 2019].

Результатом этой деятельности стали постепенный отказ от ассимиляционной политики, переход к политике мультикультурализма и принятие ряда законодательных актов, направленных на обеспечение прав аборигенных жителей. Закон о гражданских правах индейцев (Indian Civil Rights Act) 1968 г. обеспечил распространение положений Билля о правах на индейские племена. Закон о свободе религии американских индейцев (American Indian Religious Freedom Act), принятый в 1978 г., отменил действовавшие ранее запреты на традиционные верования коренных народов. В соответствии с этим законом устанавливалось право племен участвовать в принятии решений по управлению землями, на которых расположены сакральные места. Закон о благополучии детей индейцев (Indian Child Welfare Act) 1978 г. запретил распространную практику отрыва детей от своего племени. Закон о самоопределении и содействии образованию индейцев (Indian Self-Determination and Education Assistance Act) 1975 г. закрепил право племен самостоятельно распоряжаться грантами, которые выделяются правительством [Голомидова, Сабуров, 2016, с. 67–68].

В книге американского писателя и антрополога индейского происхождения Дэвида Тройера (David Treuer) «The Heartbeat of Wounded Knee: Native America from 1890 to the Present» говорится, что сегодня «страна индейцев» в целом движется по восходящей траектории. Многие индейские общины или процветают, или идут к процветанию благодаря новому духу предпринимательства, который выходит далеко за рамки игорных заведений, рыбалки и лесозаготовок, и нарождающемуся индейскому среднему классу. Раздробленность и коррупция лидеров общин все еще осложняют жизнь в резервации, но уже в гораздо меньшей степени [Уоррен, 2019].

В статье «Не последние из могикиан», опубликованной в газете «Коммерсантъ» [Гамеллин, 1995], приводится много фактов, подтверждающих то, что, несмотря на большое количество проблем, унаследованных от времен дискриминации коренных американцев, многие индейские племена смогли успешно

адаптироваться к жизни в новых условиях. Например, по данным германского еженедельника «Die Zeit», доходы маленького племени шакопи из штата Миннесота в 1994 г. составили такую крупную сумму, что оно смогло выплатить каждому из двухсот своих взрослых соплеменников дивиденды в 400 тысяч долларов. Резервация другого племени, чактоу (штат Миссисипи), ныне представляет собой цветущий промышленно-жилой комплекс с фабриками, больницами, школами и клубом. В местной школе преподаются история и язык чактоу, есть свои музыканты и художники. Если 30 лет назад работу имели только около 10 % племени, то сейчас, наоборот, только 10 % ее не имеют.

Таким образом, сегодня коренные американцы США находятся в переломной ситуации: с одной стороны, по-прежнему в индейской среде нередки социальная и эмоциональная апатия, большая экономическая и психологическая зависимость от государства и потеря собственной культурной идентичности, с другой стороны, многие индейские племена демонстрируют поразительный пример национального возрождения в условиях западной рыночной экономики, ломая старые стереотипы об индейцах.

Австралия. Австралии, которая до 1970-х гг. запрещала аборигенам использовать их родной язык, принадлежит рекорд по числу погибших или оказавшихся под угрозой исчезновения языков: из 400 существовавших там в начале XX в. языков сейчас говорят всего на 25 [Исчезающие языки, 2014].

Однако в 1960-е гг. происходят заметные изменения в отношении к аборигенам и аборигенной культуре и языкам. В 1967 г. в Австралии право на получение гражданства австралийскими аборигенами было закреплено юридически. Развивается движение за возрождение культурной самобытности и предоставление аборигенам юридических прав на землю, традиционно занимаемую племенами. Принимаются законы, передающие земли резерваций во владение племенам коренных австралийцев на условиях самоуправления, и законы, защищающие их культурное наследие. С начала 1970-х гг. в самосознании австралийцев происходят существенные изменения: Австралия постепенно стала воспринимать-

ся ими не как часть Британии в Тихом океане, а как независимая поликультурная страна, в которой культуры и языки коренного населения и людей, прибывших из всех уголков мира, занимают свое законное место.

Поддержанию статуса аборигенов и их культуры способствовало создание в 2007 г. Национального аборигенного телевидения. В силу множественности аборигенных языков и их диалектов программы транслируются на английском языке. Кроме того, с 2010 г. введены образовательные телепередачи, позволяющие австралийцам и людям разных национальностей в мире изучать аборигенные языки. Одним из проявлений изменения отношения к коренному населению стало официальное извинение премьер-министра страны Кевина Радда, принесенное аборигенам 13 февраля 2008 г., за политику Украденных поколений (the Stolen Generations), проводимую в период с 1909 по 1969 г., а в некоторых местностях – и в 1970-е годы. Детей аборигенов насильственно отнимали от родителей под предлогом катастрофического падения рождаемости, вымирания и неспособности содержать себя и своих детей [Ощепкова, 2014, с. 121].

По свидетельству австралийского лингвиста Дж. Белл, в течение последних 30 лет коренные народы участвовали в укреплении их связи с традиционными языками посредством программ возрождения языков. Трудно оценить, сколько именно программ ревитализации языков было осуществлено в Австралии за этот период, однако в настоящее время многие из них успешно реализуются по всей стране через языковые центры коренных народов и общинные группы [Bell, 2013, p. 399].

Следует отметить, что данные примеры ревитализации обязаны своей успешностью в первую очередь активному участию государства, выражающемуся не только в финансовой поддержке, но и в других институциональных мерах. Среди других факторов, повлиявших на пересмотр идентичности страны и, как следствие, улучшение положения аборигенных языков, исследователи выделяют: мультикультурный / многоязычный состав населения Австралии; всемирное движение за права этносов, соблюдение принципов которого было провозглашено избранным в 1972 г. реформистским правительством, возглавляемым

Уитлемом; растущая потребность белых австралийцев жить в согласии с австралийцами-аборигенами (см., например: [Ощепкова, 2014, с. 121]).

Заключение

Рассмотрев положение миноритарных языков в странах Западной Европы, США и Австралии, мы видим, что разные западные страны прошли схожий путь изменения общественных стандартов по отношению к национальным меньшинствам и их языкам и культурам. Общемировые процессы демократизации и регионализации, смена европоцентристской парадигмы на признание ценности всех языков и культур, борьба за языковые права как часть прав человека привели к заметному улучшению положения миноритарных языков.

Несмотря на всю важность доброй воли государства и его национально-языковой политики, как было показано выше, не следует думать, что положение миноритарного языка определяется только этим. На современном этапе мировой истории, когда открытая репрессивная языковая политика уже невозможна, языковые установки и действия самих людей становятся реальной силой. Языковые активисты сегодня могут сделать многое для миноритарных языков, как это сделали корсиканцы, баски, саамы и другие меньшинства.

Анализ языковых ситуаций с миноритарными языками, когда, несмотря на общий парадигматический сдвиг, одни языки показывают пример успешной ревитализации, а другие – нет, обнаруживает значимость еще одного фактора – финансово-экономического. Он редко фигурировал в различных наборах факторов, определяющих витальность языка, по-видимому, потому, что раньше, как правило, языки исчезали в сообществах, лишенных власти, территорий, возможностей для поддержки и развития культуры, являясь, по словам Дж. Фишмана, частью более широких процессов социального, культурного и политического неблагополучия [Fishman, 1995]. Сегодня мир меняется, многоязычие превращается из сельского в городской феномен [Multilingual City..., 2016], какие-то меньшин-

ства становятся экономически успешными, и тогда появляются средства на проведение региональной языковой политики, возможность финансирования как преподавания миноритарного языка в школах, так и других мер языковой ревитализации. Это одна из причин того, почему баскский, каталонский, уэльский языки, часть языков американских индейцев находятся сегодня в лучшем положении, чем языки тех меньшинств, экономическая ситуация для которых не столь благоприятна.

Однако ни один из факторов не гарантирует 100%-й успех в сохранении миноритарных языков. Например, в современной Ирландии с самого обретения независимости реализуется активная и настойчивая языковая политика, согласно которой ирландский имеет статус первого официального языка (английский – второй официальный язык), преподавание его ведется во всех школах с первого до последнего класса, то есть как политический, так и экономический факторы благоприятны для ирландского языка. Тем не менее, по данным Ф. Пестея, сегодня в стране английский язык является родным для 95 % ирландцев, а ирландский – только для 1,1 % (от 60 000 до 70 000 носителей) [Пестей, 2013, с. 142].

Таким образом, изменение ценностной парадигмы, произошедшее в странах Запада, лишь задает рамочные условия для реализации языковых и других прав. Дальнейшее положение миноритарных языков зависит от совокупности взаимосвязанных факторов, роль которых в каждом конкретном случае предсказать крайне трудно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдьё П., 2005. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. № 2. URL: <http://bourdieu.name/content/burdeo-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogojazyka> (дата обращения: 12.09.2019).
- Гамеллин П., 1995. Не последние из могикан // Коммерсантъ. 6 мая (№ 83). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/108268> (дата обращения: 25.09.2019).
- Голомидова П. С., Сабуров А. А., 2016. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы // Арктика и Север. № 25. С. 61–77.
- Исчезающие языки, 2014 // Центр Льва Гумилева. 29 янв. URL: <https://www.gumilev-center.ru/ischezayushhie-yazyki> (дата обращения: 11.09.2019).
- Кожемяков А. С., 2015. Языки национальных меньшинств // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : сб. обзоров / отв. ред. Н. Н. Трошина. М. : ИНИОН РАН. С. 32–45.
- Ле Коадик Р., 2013. Мы столкнулись с врагом, и он – это мы : бретонский язык вчера, сегодня, завтра // Языки меньшинств : Юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог. М. : Росинформагротех. С. 104–124.
- Ощепкова В. В., 2014. Англо-аборигенные культурно-языковые контакты и их влияние на формирование языковой ситуации в Австралии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». № 2. С. 116–122.
- Пестей Ф., 2013. Официальное признание двуязычия на Корсике: итоги и перспективы // Языки меньшинств : Юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог. М. : Росинформагротех. С. 125–144.
- Скачкова И. И., 2013. Отношение американцев к государственной языковой политике // Современные исследования социальных проблем. № 3 (23). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-3-25.
- Смокотин В. М., 2010а. Европейское многоязычие: от государств-наций к многоязычной и поликультурной Европе. Томск : Изд-во Томск. ун-та. 178 с.
- Смокотин В. М., 2010б. Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире. Томск : Изд-во Томск. ун-та. 222 с.
- Йоррен Д., 2019. The Daily Beast (США): как американские индейцы чудом избежали уничтожения и достигли процветания // Inosmi.ru. URL: <https://inosmi.ru/social/20190609/245216922.html> (дата обращения: 10.09.2019).
- Хантингтон С., 2003. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ. 603 с.
- Bell J., 2013. Language Attitudes and Language Revival / Survival // Journal of Multilingual and Multicultural Development. Vol. 34, № 4. P. 399–410. DOI: 10.1080/01434632.2013.794812.
- Breton R., 1999. Solidité, Généralisation et Limites du Modèle ‘Jacobin’ de Politique Linguistique Face à une Nouvelle Europe? // The Regional Languages of France: An Inventory on the Eve of the 21st Century / ed. by P. Blanchet, R. Breton, H. Schiffman. Leuven : Peeters. P. 81–94.

- Breton in France. Euromosaic Study, 1992. URL: http://www.ec.europa.eu/education/languages/archive/languages/langmin/euromosaic/fr3_en.html (date of access: 15 October 2019).
- Cenoz J., Gorter D., 2017. Minority Languages and Sustainable Translanguaging: Threat or Opportunity? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 38, № 10. P. 901–912. DOI: 10.1080/01434632.2017.1284855.
- Dunmore S., 2018. New Gaelic Speakers, New Gaels? Ideologies and Ethnolinguistic Continuity in Contemporary Scotland // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* / ed. by C. Smith-Christmas [et al.]. Basingstoke : Palgrave MacMillan. P. 23–44.
- Ethnologue : *Languages of the World*, 2020 / ed. by D. M. Eberhard, F. S. Gary, D. F. Charles. Dallas, Texas : SIL International. URL: <https://www.ethnologue.com/language/sme> (date of access: 15.10.2019).
- Fishman J. A., 1995. Good Conferences in a Wicked World: On Some Worrisome Problems in the Study of Language Maintenance and Language Shift // *The State of Minority Languages: International Perspectives on Survival and Decline* / ed. by W. Fase, K. Jaspaert, S. Kroon. Lisse, Netherlands : Swets and Zetlinger. P. 311–317.
- International Covenant on Civil and Political Rights, 1967 // United Nations. URL: http://www.un.org.ua/images/International_Covenant_on_Civil_and_Political_Rights_CCPR_eng1.pdf (date of access: 15.10.2019).
- Multilingual City: Vitality, Conflict and Change, 2016 / ed. by L. King, L. Carson. Bristol : Multilingual Matters. 240 p.
- Murchadha N. P. Ó., Hornsby M., Smith-Christmas C., Moriarty M., 2018. New Speakers, Familiar Concepts? // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* / ed. by C. Smith-Christmas [et al.]. Basingstoke : Palgrave MacMillan. P. 1–22.
- O'Rourke B., Ramallo F., 2018. Identities and New Speakers of Minority Languages: A Focus on Galician // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* / ed. by C. Smith-Christmas [et al.]. Basingstoke : Palgrave MacMillan. P. 91–109.
- Regional and Minority Languages in the European Union, 2016. URL: <http://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-589794-Regional-minority-languages-EU-FINAL.pdf> (date of access: 22 October 2019).
- Romaine S., 2015. The Global Extinction of Languages and Its Consequences for Cultural Diversity // *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Comparative Studies on Equality and Diversity. Series Multilingual Education* / ed. by H. F. Marten [et al.]. [S. l.] : Springer. Vol. 13. P. 31–46. DOI: 10.1007/978-3-319-10455-3.
- Sallabank J., Marquis Y., 2018. We Dont Say It Like That: Language Ownership and (De)Legitimising the New Speaker // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* / ed. by C. Smith-Christmas [et al.]. Basingstoke : Palgrave MacMillan. P. 67–90.
- Selleck C., 2018. Were Not Fully Welsh: Hierarchies of Belonging and New Speakers of Welsh // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* / ed. by C. Smith-Christmas [et al.]. Basingstoke : Palgrave MacMillan. P. 45–65.
- Skuttnab-Kangas T., 2000. Linguistic Genocide in Education – or Worldwide Diversity and Human Rights? Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum. 824 p.

REFERENCES

- Burdyo P., 2005. O proizvodstve i vosproizvodstve legitimogo yazyka [On the Production and Reproduction of a Legitimate Language]. *Otechestvennye zapiski*, no. 2. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimogo-jazyka> (accessed 12 September 2019).
- Gamellin P., 1995. Ne poslednie iz mogikan [Not the Last of the Mohicans]. *Kommersant*, 1995, May 6 (no. 83). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/108268> (accessed 25 September 2019).
- Golomidova P.S., Saburov A.A., 2016. Gosudarstvennaya politika v otnoshenii korennykh narodov Alyaski: istoricheskiy obzor i sovremennye problemy [State Policy Towards Indigenous Peoples of Alaska: Historical Review and Contemporary Issues]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], no. 25, pp. 61-77.
- Ischezayushchie yazyki, 2014 [Endangered Languages]. *Tsentr Lva Gumileva* [Gumilev Center]. 2014, January 29. URL: <https://www.gumilev-center.ru/ischezayushhie-yazyki> (accessed 11 September 2019).
- Kozhemyakov A.S., 2015. Yazyki natsionalnykh menshinstv [Languages of Ethnic Minorities]. Troshina N.N., ed. *Yazykovaya situatsiya v Evrope nachala XXI veka: sb. obzorov* [The Language Situation in Europe in the Early 19th Century: Collection of Reviews]. Moscow, INION RAN, pp. 32-45.
- Le Koadik R., 2013. My stolknulis s vragom, i on – eto my: bretonskiy yazyk vchera, segodnya, zavtra [We Have Met the Enemy and He Is Us: The

- Breton Language Yesterday, Today, Tomorrow]. *Yazyki menshinstv: Yuridicheskiy status i povsednevnye praktiki. Rossiysko-frantsuzskiy dialog* [Minority Languages: Legal Status and Everyday Practices. Russian-French Dialogue]. Moscow, Rosinformagrotekh, pp. 104-124.
- Oshchepkova V.V., 2014. Anglo-aborigennyye kulturno-yazykovyye kontakty i ikh vliyaniye na formirovaniye yazykovoy situatsii v Avstralii [Anglo-Aboriginal Cultural and Language Contacts and Their Influence on the Formation of Linguistic Situation in Australia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Lingvistika»* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series "Linguistics"], no. 2, pp. 116-122.
- Pestey F., 2013. Ofitsialnoe priznanie dvuyazychiya na Korsike: itogi i perspektivy [The Official Recognition of Bilingualism in Corsica: Results and Prospects]. *Yazyki menshinstv: Yuridicheskiy status i povsednevnye praktiki. Rossiysko-frantsuzskiy dialog* [Minority Languages: Legal Status and Everyday Practices. Russian-French Dialogue]. Moscow, Rosinformagrotekh, pp. 125-144.
- Skachkova I.I., 2013. Otnosheniye amerikantsev k gosudarstvennoy yazykovoy politike [American Attitude Toward the State Language Policy]. *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem* [Russian Journal of Education and Psychology], no. 3 (23). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-3-25.
- Smokotin V.M., 2010a. *Evropeyskoe mnogoyazychie: ot gosudarstv-natsiy k mnogoyazychnoy i polikulturnoy Evrope* [European Multilingualism: From Nation-States to Multilingual and Multicultural Europe]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 178 p.
- Smokotin V.M., 2010b. *Mnogoyazychie i problemy preodoleniya mezhyazykovykh i mezhkulturnykh kommunikativnykh baryerov v sovremennom mire* [Multilingualism and Problems of Overcoming Interlingual and Intercultural Communication Barriers in the Modern World]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 222 p.
- Warren J.A., 2019. The Daily Beast (SShA): kak amerikanskyye indeytsy chudom izbezhalo unichtozheniya i dostigli protsvetaniya [The Daily Beast (USA): How Native Americans Dodged Annihilation and Flourished]. *Inosmi.ru*. URL: <https://inosmi.ru/social/20190609/245216922.html> (accessed 10 September 2019).
- Huntington S., 2003. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ. 603 p.
- Bell J., 2013. Language Attitudes and Language Revival / Survival. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 34, no. 4, pp. 399-410. DOI: 10.1080/01434632.2013.794812.
- Breton R., 1999. Solidité, Généralisation et Limites du Modèle Jacobin de Politique Linguistique Face à une Nouvelle Europe? Blanchet P., Breton R., Schiffman H., eds. *The Regional Languages of France: An Inventory on the Eve of the 21st Century*. Leuven, Peeters, pp. 81-94.
- Breton in France. Euromosaic Study*. 1992. URL: http://www.ec.europa.eu/education/languages/archive/languages/langmin/euromosaic/fr3_en.html/ (accessed 15 October 2019).
- Cenoz J., Gorter D., 2017. Minority Languages and Sustainable Translanguaging: Threat or Opportunity? *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 38, no. 10, pp. 901-912. DOI: 10.1080/01434632.2017.1284855.
- Dunmore S., 2018. New Gaelic Speakers, New Gaels? Ideologies and Ethnolinguistic Continuity in Contemporary Scotland. Smith-Christmas C. et al., eds. *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 23-44.
- Eberhard D.M., Gary F.S., Charles D.F., eds., 2020. *Ethnologue: Languages of the World*. Dallas, SIL International. URL: <https://www.ethnologue.com/language/sme> (accessed 15 October 2019).
- Fishman J.A., 1995. Good Conferences in a Wicked World: On Some Worrying Problems in the Study of Language Maintenance and Language Shift. Fase W., Jaspaert K., Kroon S., eds. *The State of Minority Languages: International Perspectives on Survival and Decline*. Lisse, Swets and Zeitlinger, pp. 311-317.
- International Covenant on Civil and Political Rights, 1967. *United Nations*. URL: http://www.un.org.ua/images/International_Covenant_on_Civil_and_Political_Rights_CCPR_eng1.pdf (accessed 15 October 2019).
- King L., Carson L., eds. 2016. *Multilingual City: Vitality, Conflict and Change*. Bristol, Multilingual Matters. 240 p.
- Murchadha N.P.Ó., Hornsby M., Smith-Christmas C., Moriarty M., 2018. New Speakers, Familiar Concepts? Smith-Christmas C. et al., eds. *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practice*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 1-22.
- O'Rourke B., Ramallo F., 2018. Identities and New Speakers of Minority Languages: A Focus on Galician. Smith-Christmas C. et al., eds. *New Speakers of Minority Languages: Linguistic*

- Ideologies and Practices*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, pp. 91-109.
- Regional and Minority Languages in the European Union*, 2016. URL: <http://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-589794-Regional-minority-languages-EU-FINAL.pdf> (accessed 22 October 2019).
- Romaine S., 2015. The Global Extinction of Languages and Its Consequences for Cultural Diversity. Marten H.F. et al., eds. *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Comparative Studies on Equality and Diversity. Series Multilingual Education*. [S. l.], Springer, vol. 13, pp. 31-46. DOI: 10.1007/978-3-319-10455-3.
- Sallabank J., Marquis Y., 2018. We Dont Say It Like That: Language Ownership and (De) Legitimising the New Speaker. Smith-Christmas C. et al., eds. *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, pp. 67-90.
- Selleck C., 2018. Were Not Fully Welsh: Hierarchies of Belonging and New Speakers of Welsh. Smith-Christmas C. et al., eds. *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, pp. 45-65.
- Skuttnab-Kangas T., 2000. *Linguistic Genocide in Education – Or Worldwide Diversity and Human Rights?* Mahwah, Lawrence Erlbaum. 824p.

Information About the Author

Erzhen V. Khilkhanova, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovskiy Lane, 1, 125009 Moscow, Russia, erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9369-343X>

Информация об авторе

Эржен Владимировна Хилханова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Большой Кисловский пер., 1, 125009 г. Москва, Россия, erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9369-343X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.7>

UDC 81'286
LBC 81.2-003

Submitted: 12.11.2019
Accepted: 11.05.2020

LINGUISTIC WORLD VIEW OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA: COGNITIVE MODELLING (EXEMPLIFIED BY FRAME “MUSHROOMS”) ¹

Lyudmila A. Araeva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Stanislav I. Li

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract. The scientific novelty of the study is determined by the fact that the propositional analysis of frames on the material of the languages of the indigenous peoples of Siberia in a comparative aspect is carried out. The frame “mushrooms” is studied in the article on the material of the languages of the indigenous peoples of Siberia (Altai, Buryat, Khakass, Shor) in comparison with the Russian language. The research is based on the frame modelling technique, which implies the analysis of underlying structures of knowledge, i.e. propositional structures. Within the framework of propositional structures, a unique way of world conceptualization by a specific nation is displayed in particular linguistic forms, in realization of proposition the influence of ethnic and cultural view of natural world is shown. The propositional analysis undertaken by the authors has enabled them to state that the frame “mushrooms” in the languages under consideration is characterized by a basic set of propositions (i.e. a mushroom is nominated according to its colour, vegetation place and time, the resemblance of another object based on a particular feature, and according to the type and result of action over it), indicates a tendency to categorize objects of natural origin based on a common family attribute. The cases of word-building and propositional synonymy relations realization have been revealed and described. The conclusion states that there are distinctions in a set of propositions, which reveal the unique approach to understanding the world by a particular nation. The obtained data can be applied to teaching the languages of the indigenous peoples of Siberia.

Key words: languages of the indigenous peoples of Siberia, Altai language, Buryat language, Khakass language, Shor language, Russian language, propositional structure, proposition.

Citation. Araeva L.A., Li S.I. Linguistic World View of the Indigenous Peoples of Siberia: Cognitive Modelling (Exemplified by Frame “Mushrooms”). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 76-85. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.7>

УДК 81'286
ББК 81.2-003

Дата поступления статьи: 12.11.2019
Дата принятия статьи: 11.05.2020

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРЕЙМА «ГРИБЫ») ¹

Людмила Алексеевна Араева

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Станислав Игоревич Ли

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты исследования, научная новизна которого определяется тем, что в нем впервые осуществлен пропозициональный анализ фреймов на материале языков коренных народов Сибири в сопоставительном аспекте. В данной публикации рассматривается фрейм

«грибы», эксплицированный в алтайском, бурятском, хакасском, шорском языках (в сопоставлении с русским). Работа базируется на методике фреймового моделирования, предполагающей обращение к глубинным пропозициональным структурам знания. В пределах таких структур реализуются пропозиции, проявляющиеся под влиянием конкретной языковой формы и этнокультурных особенностей уникальный способ познания мира конкретным народом. В результате пропозиционального анализа номинаций грибов установлено, что для фрейма «грибы» в изучаемых языках характерен один и тот же набор пропозиций (гриб назван по цвету, по месту произрастания, по времени произрастания, по сходству с другим объектом на основе определенного признака, по действию), которые указывают на тенденцию к категоризации предметов природного происхождения на основе общего фамильного признака. Выявлены и описаны случаи реализации отношений словообразовательно-пропозициональной синонимии. Показаны различия в наборе пропозиций и объяснены причины их возникновения. Полученные результаты могут быть использованы в процессе преподавания языков коренных малочисленных народов Сибири.

Ключевые слова: языки коренных народов Сибири, алтайский язык, бурятский язык, хакасский язык, шорский язык, русский язык, пропозициональная структура, пропозиция.

Цитирование. Араева Л. А., Ли С. И. Когнитивное моделирование языковой картины мира коренных народов Сибири (на материале фрейма «грибы») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 76–85. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.7>

Введение

28 января 2019 г. в Париже в штаб-квартире ЮНЕСКО состоялось открытие Международного года языков коренных народов мира. Основной задачей проведенных в течение года мероприятий было сохранение находящихся под угрозой исчезновения языков. Всеобщая декларация о культурном разнообразии, принятая ЮНЕСКО в 2001 г., является правовым документом, в котором культурное разнообразие признается достоянием человечества, а его охрана – конкретным этическим обязательством, неотделимым от уважения к человеческому достоинству (URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml).

Значительным разнообразием характеризуется языковой ландшафт России. Особо исследовательского внимания требуют языки коренных народов Сибири. В статье рассматриваются шорский, алтайский, бурятский и хакасский языки. Шорский язык используется только в быту. Шорцы – тюркоязычный народ, живущий в юго-восточной части Западной Сибири, главным образом на юге Кемеровской области. Их насчитывается около 13 тысяч человек, свыше 60 % считают родным языком русский. Алтайский, бурятский и хакасский языки, являясь языками коренных народов Сибири, сохраняются как на бытовом, так и на государственном уровне. Алтайский язык относится к тюркской языковой семье, в России насчи-

тывается около 80 тысяч носителей этого языка², они проживают преимущественно в Республике Алтай. Бурятский язык относится к монгольской ветви, в России насчитывается около 400 тысяч его носителей, они проживают преимущественно в Республике Бурятия. Хакасский язык относится к тюркской группе, в России насчитывается около 75 тысяч его носителей, они проживают преимущественно в Республике Хакасия. В Алтайской, Бурятской, Хакасской республиках государственными языками являются русский язык и алтайский, бурятский или хакасский язык соответственно. Сохранение родного языка и культурных традиций выступает первоочередной задачей в этих республиках. При этом количество носителей данных языков, как и шорского языка, стремительно сокращается. Это обусловлено тем, что для поступления в вузы России и карьерного роста необходимо хорошее знание прежде всего русского языка. В 2002 г. бурятский язык, несмотря на его государственный статус, был занесен ЮНЕСКО в список исчезающих языков. В связи с вышесказанным неслучайно, что в настоящее время государство проводит политику, направленную на сохранение национальной культуры, важное место в которой занимает концепция развития языка, призванная стать ориентиром и организационной основой решения проблемы языковой идентичности как ключевого элемента культуры и самосознания (подробнее см.: [Рупышева, 2016, с. 5]).

В начале XIX в. В. фон Гумбольдт высказал мысль о том, что естественный язык не является абсолютно достоверным отображением мира, а отражает его творческое преобразование в процессах субъективного моделирования. По мнению немецкого философа, различные языки представляют различное видение мира: «язык есть его [народа] дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить что-то более тождественное» [Гумбольдт, 1984, с. 68]. Создание картины мира в собственной языковой вселенной позволяет человеку упорядочить свою жизнь, свободно ориентироваться в окружающем мире.

Л. Вайсгербер объясняет понятие языковой картины мира через метафору звездного неба: «Объективно данный мгновенный срез с картины мира человека состоит из столь громадного числа отдельных явлений, что он не в состоянии охватить каждое из них; лишь наиболее выдающиеся звезды получают наименование. Чтобы духовно овладеть всем остальным, человек должен некоторым образом упорядочить это множество. Так, с давних времен звезды на звездной картине неба объединяются в группы. Отдельные звезды на этой картине держатся друг за друга только благодаря некогда осуществленной и закрепленной в языке классификации, с помощью которой упорядочено ночное небо. С объективным положением и подлинными взаимоотношениями звезд на небе эта картина не имеет ничего общего. Само собой разумеется, что у разных народов эта классификация звездного неба осуществлялась различным образом» (цит. по: [Караулов, 1976, с. 244]).

При когнитивном моделировании языковой картины мира необходимо сопоставление языков разных народов, которое часто осуществляется посредством сравнительно-сопоставительного метода. Его значимость подчеркивал в своих работах Г.Д. Гачев: «Каждый новый изученный национальный тип культуры становится прожектором-объяснителем всех предыдущих: вносит поправки к предыдущим тезисам, бросает на них новый свет и добавляет им в доказательности. Каждый одновременно – и объект, и инструмент» [Гачев, 1988, с. 8].

Целью данного исследования является описание фрагмента языковой картины

мира, отражающей представления коренных народов Сибири о таких природных объектах, как грибы.

Материалы и методы исследования

Для анализа взяты наиболее известные обыденному сознанию наименования таких грибов, как белый гриб, белый груздь, бледная поганка, волнушка, дождевик, лисичка, масленок, моховик, мухомор, опенок, подберезовик, подосиновик, подтопольник, рыжик, сморчок, черный груздь. У коренных народов Сибири исстари считалось, что грибы – еда только для животных (олений, белок, мышей), человек может использовать их для охоты или врачевания. В связи с этим названия грибов в исследуемых языках появились относительно поздно. У телеутов, например, сохранилось только общее наименование для всех грибов – *мешке*. Многие грибы шорцы, алтайцы, буряты и хакасы называют заимствованными из русского языка словами.

Материал для исследования отбирался из словарей рассматриваемых языков: «Бурятско-русского и русско-бурятского словаря» (2004), «Русско-хакасского словаря» (1961), «Русско-алтайского словаря» (1963), «Хакасско-русского словаря» (1953), «Шорско-русского и русско-шорского словаря» (1993), «Этимологического словаря тюркских языков» (1980). Для сопоставления привлекался материал русского языка, извлеченный из «Словаря русских народных говоров» и «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера. Кроме того, использовался материал, полученный от информантов – носителей описываемых языков: алтайского языка – Керексибесовой Урсулы Валерьевны, магистранта КемГУ (Кемерово); бурятского языка – Кулевой Анны Михайловны, учителя русского языка МБОУ СОШ № 18 (Братск); хакасского языка – Боргоковой Тамары Герасимовны, доктора филологических наук, профессора, директора института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета (Абакан); шорского языка – Косточакова Геннадия Васильевича, кандидата филологических наук,

доцента кафедры русского языка, литературы и методики преподавания НФИ КемГУ (Новокузнецк).

Для достижения поставленной цели применяется метод пропозиционально-фреймового моделирования – один из эффективных методов когнитивного анализа языка, используемый для моделирования фрагментов языковой картины мира. При анализе языковых единиц обнаруживаются пропозициональные структуры знания, представляющие собой абстрактные суждения предикативно связанных между собой актантов. В пределах пропозициональных структур (далее – ПС) реализуются пропозиции (далее – П), проявляющие под влиянием конкретной языковой формы и этнокультурных особенностей уникальный способ познания мира конкретным народом.

Одно из центральных понятий когнитивного моделирования составляет фрейм. В современной лингвистике существует три базовых подхода к исследованию фрейма – лингвокогнитивный (А.Н. Баранов, А.П. Бабушкин, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, М. Минский, Н. Хомский и др.), лингвокультурологический (В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова и др.) и психолингвистический (Р. Абельсон, И. Гоффман и др.). Наиболее признанным в когнитивной лингвистике является понимание фрейма как относительно самостоятельной структуры организации знаний и опыта человека в стереотипной ситуации. Мы анализируем фрейм с лингвокогнитивных и лингвокультурных позиций. При этом фрейм определяется как пропозиционально организованный фрагмент языковой картины мира. Конкретные стереотипные ситуации (пропозиции) реализуются в пределах пропозициональных структур знаний, направляющих мысль человека при отражении в языке (в его лексических единицах) представлений о действительности. В рамках Кемеровской дериватологической школы данные структуры рассматриваются как наиболее абстрактные суждения с предикативно связанными актантами, указывающими на место, время, средство, цель, объект действия субъекта; результат по средству, месту, субъекту изготовления; субъект, имеющий отношение к другому субъекту, место по

объекту назначения, времени использования и т. п. [Араева и др., 2016, с. 79].

Метод пропозиционально-фреймового моделирования апробирован представителями Кемеровской дериватологической школы (КемГУ) при сборе языкового материала и описании языковой картины мира бесписьменного языка коренного народа Сибири – телеутов, а также русского литературного языка и русских народных говоров (за 30 лет проведения исследований в данном направлении опубликовано более 1 000 научных работ).

Результаты и обсуждение

ПС «объект – признак», П «гриб по цвету»

Русский язык: по цвету обозначаются *белый гриб, белый груздь, черный груздь, рыжик*; волнушки названы как по форме, так и по цвету шляпки – *краснуха*; дождевик в русских говорах именуют не только по времени появления, но и по цвету шляпки – *белыш*: «Белыш. Гриб-дождевик» (СРНГ, вып. 2, с. 234).

Алтайский язык: белые грибы называют *ак мешке* (*ак* – белый, *мешке* – гриб); рыжик – *сары мешке* (*сары* – желтый, *мешке* – гриб); черный груздь – *кара мешке* (*кара* – черный, *мешке* – гриб).

Бурятский язык: по цвету названы *белый гриб – саган мөөгэ* (*сагаан* – белый, *мөөгэ* – гриб), *саган хархяаг* (*сагаан* – белый, *хархяаг* – гриб); масленок – *шара мөөгэ* (*шара* – желтый, *мөөгэ* – гриб); рыжик – *шара хархяаг* (*шара* – желтый, *хархяаг* – гриб), *шарлуу* (*шар* – рыжий; *луу* – суффикс сущ.); сморчок – *хара мөөгэ* (*хара* – черный, *мөөгэ* – гриб); по цвету шляпки назван подосиновик – *улаан толгойто хархяаг*, «красноголовый гриб».

Хакасский язык: белый гриб – *ах миске* (*ах* – белый, *миске* – гриб); масленок – *күрең миске* (*күрең* – коричневый, *миске* – гриб); рыжик – *сарыг миске* (*сарыг* – желтый, *миске* – гриб).

Шорский язык: белый гриб – *ақ мешке* (*ақ* – белый, *мешке* – гриб); подосиновик – *кызыл мешке* (*кызыл* – красный, *мешке* – гриб).

**ПС «объект – предикат – место»,
П «гриб, растущий в определенном месте»**

Русский язык: боровик – «гриб, растущий в бору»; моховик – «гриб, растущий во мху»; опенок – «гриб, растущий на пне»; подберезовик – «гриб, растущий под березой»; подосиновик – «гриб, растущий под осиной»; подтопольник – «гриб, растущий под тополем».

Алтайский язык: дождевик – *ат сидик* (*ат* – лошадь, *сидик* – моча). Такое название связано с тем, что на Алтае дождевики растут там, где пасутся лошади, то есть в данном случае при характеристике места произрастания дождевиков для алтайцев, которые занимаются коневодством, значимо указание на запах, являющийся результатом физиологических выделений лошадей. Подберезовик – *кайыҥ мешке* (*кайыҥ* – береза, *мешке* – гриб), «гриб, растущий под березой»; подосиновик – *аспак мешке* (*аспак* – осина, *мешке* – гриб), «гриб, растущий под осиной».

Бурятский язык: подосиновик – *улястай* (*уляас* – осина, *тай* – суффикс сущ.), «гриб, растущий под осиной».

Хакасский язык: волнушка – *тыт мискези* (*тыт* – лиственница, *мискези* – гриб), «гриб, растущий под лиственницей»; груздь – *тирек мискези* (*тирек* – тополь, *мискези* – гриб), «гриб, растущий под тополем»; опенок – *тјкпес мискези* (*тјкпес* – пень, *мискези* – гриб), «гриб, растущий на пне»; подберезовик – *хазыҥ мискези* (*хазыҥ* – береза, *мискези* – гриб), «гриб, растущий под березой»; подосиновик – *ос мискези* (*ос* – осина, *мискези* – гриб), «гриб, растущий под осиной»; рыжик – *харагай мискези* (*харагай* – сосна, *мискези* – гриб), «гриб, растущий под сосной».

Шорский язык: груздь / подтопольник – *терек мешке* (*терек* – тополь, *мешке* – гриб), «гриб, растущий под тополем»; подберезовик – *қазыҥ мешке* (*қазыҥ* – береза, *мешке* – гриб), «гриб, растущий под березой».

ПС «объект, по характерному признаку объекта»,

П «гриб, напоминающий другой объект по определенному признаку»

Русский язык: гриб *лисичка* метафорически ассоциируется с цветом меха лисы;

масленок – гриб с маслянистой, скользкой на ощупь шляпкой; дождевик в русских народных говорах называют *порховка* – «гриб, по результату воздействия напоминающий порох»; *пылевик* – «гриб, по результату воздействия напоминающий пыль» (эти номинации можно объяснить тем, что у созревших грибов образуется порошковая масса спор, которая напоминает по цвету и консистенции пыль); *табачный гриб* – «гриб, который по цвету и консистенции напоминает табак»: «*Порховки (грибы) не едят, пыль из нее. Порховка, как яичко куриное, а потом с голову разрастается. После дождя выходит дым из нее желтый. С маслом, сметаной смешаешь и от чирьев (прикладываешь)*. Краснояр. Енис. У, *чево дожжовиков-то! После все порховки будут, как разорвешь ее да подавишь, дак ровно дым из ее пойдет*. Перм. Вят.» (СРНГ, вып. 30, с. 113).

Алтайский язык: лисичка – *айак мешке* (*айак* – чашка, *мешке* – гриб), «гриб, по форме шляпки напоминающий чашку»; масленок – *јылјырык мешке* (*јылјырык* – слякоть, *мешке* – гриб), «гриб, по внешнему виду напоминающий слякоть».

Бурятский язык: волнушки – *долгоёдой* (*долг* – волна, *ёдой* – уменьшительно-ласкательный суффикс сущ.), «гриб, узор на шляпке которого напоминает волны»; масленок – *тоһолиг* (*тоһо* – масло, *лиг* – суффикс сущ.), «гриб, по внешнему виду напоминающий масло».

Хакасский язык: все белые грибы называются *сүт миске* (*сүт* – молоко, *миске* – гриб), «грибы, по цвету напоминающие молоко»; волнушка – *позыҥ миске* (*позыҥ* – гвоздь, *миске* – гриб), «гриб, по внешнему виду напоминающий гвоздь»; груздь – *чағ миске* (*чағ* – сало, *миске* – гриб), «гриб, по вкусу напоминающий сало»; лисичка ассоциируется с цветом меха лисы – *түлгү мискези* (*түлгү* – лиса, *мискези* – гриб); масленок – *іріңчі миске* (*іріңчі* – сопли, *миске* – гриб), «гриб, по внешнему виду напоминающий сопли»; опенок – *салаа миске* (*салаа* – палец, *миске* – гриб), «гриб, по внешнему виду напоминающий палец».

Шорский язык: данная ПС не реализуется.

**ПС «объект – действие»,
П «гриб по его действию»**

Русские язык: дождевик – бздушка, пердунок, пукалка. Эти номинации указывают на разлетающиеся при прикосновении к грибу неприятные на запах споры. «Пердунок, нка, м. Ласк. Небольшой белый гриб. *Набрали свиней да пердунок.* Смол. 1914» (СРНГ, вып. 26, с. 19); «Бздушка. Род шарообразного гриба, наполненного пылью, похожую с виду на нюхательный табак (СРНГ, вып. 2, с. 287).

Алтайский язык: бледная поганка – корон мешке (корон – ядовитый, мешке – гриб), «ядовитый гриб». Этот гриб вызывает тяжелое отравление, которое приводит к смерти в течение десяти дней.

Хакасский язык: бледная поганка – чут миске (чут – истощать, миске – гриб), «гриб, который истощает»; мухомор – одірчең миске (одірчең – убивать, миске – гриб), «убивающий гриб».

Бурятский, шорский языки: данная ПС не реализуется.

**ПС «объект – предикат – время»,
П «гриб, растущий
в определенное время»**

Русский язык: дождевик – громовик «гриб, растущий после грома»; дождевик «гриб, который появляется после дождя».

Бурятский язык: дождевик – хураша (хур – дождь, аша – суффикс сущ.), «гриб, который появляется после дождя».

Хакасский язык: дождевик – наумыр мискезі (наумыр – дождь, мискезі – гриб), «гриб, который появляется после дождя».

Алтайский, шорский языки: данная ПС не реализуется.

**ПС «объект – признак»,
П «гриб по издаваемому запаху»**

Алтайский язык: мухомор – јыду мешке (јыду – вонючий, мешке – гриб), «гриб, который воняет».

Бурятский, хакасский, шорский, русский языки: данная ПС не реализуется.

**ПС «объект – признак»,
П «гриб по способу произрастания»**

Алтайский язык: опенок – биле мешке (биле – семья, мешке – гриб), «гриб, который растет семьей» (номинация связана с тем, что опята растут большими группами).

Бурятский, хакасский, шорский, русский языки: данная ПС не реализуется.

**ПС «объект₁ – предикат – признак
объекта₂»,
П «гриб по своей структуре»**

Бурятский язык: дождевик – тэнгэрин тамхин («небесный табак»).

Алтайский, хакасский, шорский, русский языки: данная ПС не реализуется.

**ПС «объект – предикат – средство»,
П «гриб как средство»**

Бурятский язык: дождевик – тэнгэрин дулли («глухота неба»). Бурятские охотники в безветренную погоду по движению спор гриба определяли направление внешне неощутимого ветра, что помогало им подойти к зверю незамеченными.

Алтайский, хакасский, шорский, русский языки: данная ПС не реализуется.

Выводы

В каждом из языков коренных народов Сибири для номинации грибов используется суффиксоид, выражающий обобщенное значение «гриб»: в алтайском и шорском – мешке, в бурятском – мӨөгэ и һарһааг, в хакасском – миске, мискезі. Аналогичные тенденции номинации наблюдаются в этих же языках при именовании ягод [Араева, Ли, 2019].

Проанализировав наименования грибов в разных языках, мы можем восстановить представления о грибах в сознании носителей языков коренных народов Сибири, понять, по каким признакам их категоризируют.

Грибы, как правило, обозначаются по одному из признаков, однако этот признак никак не предопределяет иные признаки грибов. Например, наименование гриба по времени

произрастания (*дождевик*, *громовик*) никак не предопределяет цвет шляпки гриба, место произрастания, форму шляпки или ножки. Грибы могут именоваться не только по визуально воспринимаемому признаку (цвет, размер, форма, место произрастания), но и по прагматической значимости (способ приготовления, съедобность или несъедобность). При этом признаки, положенные в основу именования грибов, ограничиваются жизненным опытом человека. Несмотря на то что для одного этноса актуальным является цвет и форма шляпки, для другого – время произрастания и форма ножки, для третьего – запах гриба и способ произрастания, в семантике производных слов, обозначающих грибы, актуализируется целый ряд пропозиций, формирующих общий фрейм.

В названиях одного и того же объекта действительности в рамках реализации одной пропозиции может проявляться специфика. Так, цвет, лежащий в основе наименования гриба, может варьироваться в пределах одной цветовой гаммы. Например, гриб рыжик в алтайском, бурятском и хакасском языках – это гриб желтого цвета, а для носителя русского языка – рыжий гриб. Маслята в бурятском языке – желтые грибы, в хакасском – коричневые.

Носитель языка в момент называния какой-либо реалии связывает ее с другими объектами действительности по какому-то сходному признаку. Такой признак может быть специфичным для конкретного этноса. Например, русские и буряты гриб масленок из-за его скользкой шляпки сравнивают с маслом, алтайцы – со слякотью, а хакасы – с соплями. Русские и хакасы ассоциируют гриб лисичку с цветом меха лисы, алтайцы этот гриб называют по форме шляпки гриба, напоминающей чашку. Волнушка в русском и бурятском языках названа по волнистому узору на шляпке, в хакасском – по форме гвоздя.

Один и тот же гриб может называться по разным основаниям. При этом в разных языках признаки, по которым происходит процесс наименования, могут варьироваться. Для одних народов становится важным цвет шляпки гриба, время его роста и результат воздействия на него, для других – цвет гриба и то, как этот гриб можно использовать в ка-

ком-либо промысле. Например, в русском языке *дождевик* называют не только по времени роста (после дождя), но и по результату воздействия (*порховка*, *пылевик*) и цвету (*белый*). Буряты этот же гриб, как и русские, называют по времени произрастания (*хураша*: *хур* – дождь, *аша* – суффикс сущ.), однако они также используют этот гриб во время охоты для отслеживания добычи, отсюда еще одна номинация – *тэнгэриин дүлши* («глухота неба»). В хакасском и бурятском языках маслята имеют по два наименования: по цвету шляпки – в хакасском: *күрең* (*күрең* – коричневый, *миске* – гриб), в бурятском: *шара мөөгэ* (*шара* – желтый, *мөөгэ* – гриб) и по характерному признаку другого объекта – в хакасском: *іріңчі миске* (*іріңчі* – сопля, *миске* – гриб), в бурятском: *тоһолуг* (*тоһо* – масло, *луг* – суффикс сущ.).

Исследуя один и тот же объект в разных языках, мы обнаружили реализацию отношений словообразовательно-пропозициональной синонимии (далее – СПС), проявляющей стремление познающего человека с помощью дискретных единиц представить многосторонний образ этого объекта. СПС можно считать «системным явлением, эксплицирующим взаимодействие типов на уровне фрейма через разные ЛСЗ (пропозиции), сформированные пропозициональными структурами знаний» [Араева, 2015, с. 163]. Как показано А.А. Шумиловой, «в языковой картине мира через словообразовательно-пропозициональную синонимию представлена многоплановая характеристика познаваемого объекта (реализованная через характеризующие словообразовательно-пропозициональные значения), множественность возможных ситуаций функционирования этого объекта (реализованные через функциональные словообразовательно-пропозициональные значения)» [Шумилова, 2012, с. 237].

СПС, характерная для описываемых языков, имеет в каждом из них свои особенности, проявляя особенности восприятия одного и того же гриба разными этносами. Например, в русском языке образуется такой синонимичный ряд при именовании дождевика: *дождевик* – *громовик* – *белый* – *порховик* – *пердунок* – *пукалка* – *табачный гриб*. В бурятском языке наряду с употребляемым русским именованием *дождевик* существует на-

звание этого гриба, обусловленное культурными традициями: *тэнгэриин дүүлиш* («глухота неба»). В хакасском языке наряду с русским названием гриба *груздь* существует синоним этого имени – *чаг миске* «гриб, по вкусу напоминающий сало». В хакасском языке *рыжик* именуется по цвету (*сарыг миске*), как и в русском языке, и по месту произрастания (*харагай мискезі* «гриб, растущий под сосной»), что обусловлено особенностями территории, на которой произрастает этот гриб. В хакасском наряду с русским названием гриба *волнушка* используется имя *тыт мискезі* «гриб, растущий под лиственницами», что обусловлено особенностью климата и территории Хакасии, где растут лиственницы. В алтайском языке наряду с русским названием гриба *рыжик* используется синонимичное алтайское слово *сары мешке*.

Словообразовательно-пропозициональные синонимы, характерные для определенного этноса, проявляют стремление человека с помощью дискретных единиц представить с разных сторон образ того или иного гриба. Говорящий в зависимости от цели коммуникации может выбрать то или иное слово или словосочетание. По мнению Н.Д. Арутюновой, «возможность пользоваться разными именами для обозначения одного и того же конкретного предмета создает ситуации, которые можно назвать гетеронимативными. Гетеронимативность может быть следствием предидирующих возможностей номинаций, пользуясь которыми говорящий одновременно идентифицирует предмет речи для собеседника, сообщает о нем дополнительные сведения и дает ему оценку» [Арутюнова, 1999, с. 97].

Ассимиляция коренных малочисленных народов Сибири с русским населением обусловила возникновение смешанной синонимии, что видно из приведенных в статье примеров.

Кроме синонимии номинаций специфика проявляется в актуализации той или иной пропозиции. Так, в отличие от других исследуемых языков, в алтайском языке в номинации дождевика актуализируется признак места произрастания грибов, где пасутся кони. Только в алтайском языке в наименовании мухомора реализованы ПС «объект – признак», П «гриб по издаваемому запаху»: *йыду мешке* (*йыду* – вонючий, *мешке* – гриб), «гриб, который воня-

ет». Только алтайцы называют опята по способу произрастания (ПС «объект – признак», П «гриб по способу произрастания»): *биле мешке* (*биле* – семья, *мешке* – гриб), «гриб, который растет семьей». Только в бурятском языке реализованы ПС «объект₁ – предикат – признак объекта₂», П «гриб по своей структуре» и ПС «объект – предикат – средство», П «гриб как средство». Буряты раньше не употребляли грибы в пищу, а использовали их как лекарство или как инструмент во время охоты: *тэнгэриин тамхин* («небесный табак») и *тэнгэриин дүүлиш* («глухота неба»).

Заключение

Таким образом, для фрейма «грибы» в исследуемых языках характерен базовый набор пропозиций: гриб по цвету; гриб, растущий в определенном месте; гриб, напоминающий другой объект по определенному признаку; гриб по его действию; гриб, растущий в определенное время. Они выступают ориентиром и точкой соприкосновения мира идей и мира вещей, указывают на тенденцию к категоризации предметов природного происхождения на основе общего фамильного признака. При этом обнаруживаются и особенности реализации пропозиций. На то, какой признак ляжет в основу номинации, влияет множество факторов, основные из них – природно-климатические, территориальные, пищевая культура конкретного народа, количество носителей языка и др. В этом и заключается уникальность языковой картины мира каждого народа.

Полученные результаты могут найти применение в процессе преподавания языков коренных малочисленных народов. Пропозиционально-фреймовый метод позволяет включить языки малых народов в общелингвистический контекст, дает возможность обучающимся, проникая в семантику производного слова, во-первых, осмыслить этапы номинации, которые прошел какой-либо объект действительности в сознании носителя языка, а именно: этап классификации и категоризации, этап связывания одного предмета с другим посредством ассоциаций, этап создания новых слов по аналогии и т. д., а во-вторых, понять общие закономерности познания мира представителями разных народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90003 «Когнитивное моделирование языковой картины мира коренных народов Сибири (на материале имен натурфактов)».

The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project number 19-312-90003 “Cognitive modelling of linguistic world view of the indigenous peoples of Siberia (on the names of natural objects)”.

² Здесь и далее сведения о количестве носителей языка приводятся по данным переписи населения России 2010 г. (URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Араева Л. А., 2015. Одна из самых загадочных сфер языка (к вопросу о словообразовательно-пропозициональной синонимии) // *Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В.Е. Гольдина*. М.; Саратов: Амирит. С. 154–164.
- Араева Л. А., Калентьева Л. С., Кузнецова В. С., Тагаев М. Дж. 2016. Пропозициональная организация терминов некровного родства в телеутском, киргизском и китайском языках // *Вестник Кемеровского государственного университета*. № 3. С. 79–86. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-79-85>.
- Араева Л. А., Ли С. И., 2019. Метод пропозиционально-фреймового моделирования в обучении иностранным языкам // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 1. С. 187–195. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.16>.
- Арутюнова Н. Д., 1999. *Язык и мир человека*. М.: Яз. рус. культуры. XV, 896 с.
- Гачев Г. Д., 1988. *Национальные образы мира*. М.: Сов. писатель. 233 с.
- Гумбольдт В. фон, 1984. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс. С. 37–297.
- Караулов Ю. Н., 1976. *Общая и русская идеография*. М.: Наука. 356 с.
- Рупышева Л. Э., 2016. Названия растений бурятского языка: (Флоронимическая лексика). Улан-Удэ: Изд-во Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры. 185 с.
- Шумилова А. А., 2012. Фреймовое моделирование словообразовательно-пропозициональной синонимии (на материале диалектной лексики Кемеровского района) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Т. 4, № 4. С. 236–239.

СЛОВАРИ

- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1– . М.; Л.; СПб.: Наука, 1965– . Вып. 2 / под ред. Ф. П. Филина. Л.: Наука, 1966. 317 с.; вып. 26 / под ред. Ф. П. Сороколетова. Л.: Наука, 1991. 351 с.; вып. 30 / под ред. Ф. П. Сороколетова. СПб.: Наука, 1996. 385 с.
- Бурятско-русский и русско-бурятский словарь* / под ред. С. М. Бабушкина. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. 568 с.
- Русско-алтайский словарь* / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Сов. энцикл., 1963. 875 с.
- Русско-хакасский словарь* / под ред. Д. И. Чанкова. М.: ГИИНС, 1961. 968 с.
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина*. М.: Прогресс, 1986–1987. 4 т.
- Хакасско-русский словарь* / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1953. 487 с.
- Шорско-русский и русско-шорский словарь* / сост.: Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1993. 147 с.
- Этимологический словарь тюркских языков* / сост. Э. В. Севортян. М.: Наука, 1980. 395 с.

REFERENCES

- Araeva L.A., 2015. *Oдна из самых загадочных сфер языка (k вопросу o slovoobrazovatelno-propozitsionalnoy sinonimii)* [One of the Most Mysterious Spheres of the Language (On the Issue of Word-Formation-Propositional Synonymy)]. *Yazyk v prostranstve rechevykh kultur: K 80-letiyu V.Ye. Goldina* [Language in the Space of Speech Cultures: To the 80th Anniversary of V.E. Goldin]. Moscow, Saratov, Amirit Publ., pp. 154-164.
- Araeva L.A., Kalentjeva L.S., Kuznetsova V.S., Tagaev M.J., 2016. *Propozitsionalnaya organizatsiya terminov nekovnogo rodstva v teleutskom, kirgizskom i kitayskom yazykakh* [Propositional Organization of the Terms of In-Law Relationships in the Teleut, Kirghiz and Chinese Languages]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 3, pp. 79-86. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-79-85>.
- Araeva L.A., Li S.I., 2019. *Metod propozitsionalno-freymovogo modelirovaniya v obuchenii inostrannym yazykam* [The Method of the Propositional Frame Modeling in Teaching a Foreign Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State

- University. Linguistics], vol. 18, no. 1, pp. 187-195.
DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.16>.
- Arutyunova N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. XV, 896 p.
- Gachev G.D., 1988. *Natsionalnye obrazy mira* [National Views of the World]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ. 233 p.
- Gumboldt V. fon, 1984. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniya na dukhovnoye razvitiye chelovechestva [On Language: The Diversity of Human Language-Structure and Its Influence on the Mental Development of Mankind]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress Publ., pp. 37-297.
- Karaulov Yu.N., 1976. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian Ideography]. Moscow, Nauka Publ. 356 p.
- Rupysheva L.E., 2016. *Nazvaniya rasteniy buryatskogo yazyka: (Floronimicheskaya leksika)* [Names of Plants of the Buryat Language (Floronimic Vocabulary)]. Ulan-Ude, Izd-vo Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kultury. 185 p.
- Shumilova A.A., 2012. Freymovoe modelirovaniye slovoobrazovatelno-propozitsionalnoy sinonimii (na materiale dialektnoy leksiki Kemerovskogo rayona) [Frame-Based Modelling of Word Formation Propositional Synonymy (Based on the Dialect Vocabulary of the Kemerovo District)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], vol. 4, no. 4, pp. 236-239.

DICTIONARIES

- Slovar russkikh narodnykh govoro v* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Iss. 2. Leningrad, Nauka Publ., 1966. 317 p.; iss. 26. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 351 p.; iss. 30. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996. 385 p.
- Babushkin S.M., ed. *Buryatsko-russkiy i russko-buryatskiy slovar* [Buryat-Russian and Russian-Buryat Dictionary]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, 2004. 568 p.
- Baskakov N.A., ed. *Russko-altayskiy slovar* [Russian-Altai Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1963. 875 p.
- Chankov D.I., ed. *Russko-khakasskiy slovar* [Russian-Khakas Dictionary]. Moscow, GIINS Publ., 1961. 968 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986-1987.
- Baskakov N.A., ed. *Khakassko-russkiy slovar* [Khakass-Russian Dictionary]. Moscow, Gosudarstvennoye izd-vo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 1953. 487 p.
- Kurpeshko-Tannagasheva N.N., Aponkin F.Ya., eds. *Shorsko-russkiy i russko-shorskiy slovar* [Shor-Russian and Russian-Shor Dictionary]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoye izd-vo, 1993. 147 p.
- Sevortyan E.V., ed. *Etimologicheskiy slovar tyurkskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 395 p.

Information About the Authors

Lyudmila A. Araeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University, Krasnaya St, 6, 650000 Kemerovo, Russia, araeva@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7907-3186>

Stanislav I. Li, Postgraduate Student, Assistant Lecturer, Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University, Krasnaya St, 6, 650000 Kemerovo, Russia, li.stanislav999@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0576-0511>

Информация об авторах

Людмила Алексеевна Араева, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, 650000 г. Кемерово, Россия, araeva@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7907-3186>

Станислав Игоревич Ли, аспирант, ассистент кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, 650000 г. Кемерово, Россия, li.stanislav999@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0576-0511>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.8>

UDC 81'25:316
LBC 81.18

Submitted: 21.08.2019
Accepted: 28.04.2020

ENGLISH-RUSSIAN HYBRID WORDS IN TRANSLATED TEXT: ON LINGUISTIC INTERFERENCE AND NORMS OF TRANSLATION¹

Liliya A. Nefedova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Ekaterina S. Krasnopeyeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article discusses the influence of Russian-English functional bilingualism of IT and tech specialists on the formation of translation norms in the corresponding field. The research is carried out within the framework of sociology of translation and descriptive approach in translation studies. It investigates the patterns in the usage of hybrid lexemes combining Russian and English graphemes, e.g. IoT-устройство (IoT-device), API-интерфейс (API-interface) and Open Source-приложение (open source application) in translations. Methodologically, the study resorts to the theoretical stance of sociology of translation, namely the concepts of translation norm, represented in the works by G. Toury and A. Chesterman, translator's habitus and the field of translation, as well as corpus-based methodology. It utilizes a comparable corpus of translated and non-translated articles published by Russian IT business magazines itWeek, Computerworld and Novosti Elektroniki (Electronics News) in 2017. Hybrids are shown to be more common in non-translated text, which can be viewed as an aspect of the expectancy norm. Qualitative study revealed the following patterns in hybrid usage in translation. Most of the hybrids used in translation are the direct result of the transfer of original English analytical structures. Hybrids are also used in translation as part of pragmatic positive interference, which shows the translator's reliance on the recipient's extensive background knowledge of the subject, as well as command of the English language. Interference, both positive and negative, is argued to be the aspect of the expectancy norm present in the field of technology-oriented media translation.

Key words: interference, bilingualism, globalisation, sociology of translation, norm of translation, corpus-based translation studies, hybrid words, English-Russian hybrid words.

Citation. Nefedova L.A., Krasnopeyeva E.S. English-Russian Hybrid Words in Translated Text: On Linguistic Interference and Norms of Translation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 86-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.8>

УДК 81'25:316
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 21.08.2019
Дата принятия статьи: 28.04.2020

АНГЛО-РУССКИЕ ГИБРИДНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА: О МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ НОРМ¹

Лилия Амиряновна Нефёдова

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Екатерина Сергеевна Краснопева

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В статье с позиций социологии перевода и дескриптивного подхода в переводоведении обсуждается вопрос формирования переводческих норм в условиях русско-английского функционального

биллингвизма специалистов сферы информационных технологий и электроники. В качестве теоретико-методологической базы выступает концепция нормы в трактовке Г. Тури и Э. Честермана. Динамика норм показана на примере результатов количественного и качественного исследования употребления гибридных образований вида *IoT-устройство*, *API-интерфейс* и *Open Source-приложение* в составленном авторами корпусе переводных и непереводных материалов отраслевых изданий «itWeek», «Computerworld» и «Новости электроники», выпущенных в 2017 году. Выявлено, что дефисные гибридные образования преобладают в изученных непереводных текстах. Установлено, что в переводных текстах гибридные образования создаются как при калькировании аналитических конструкций оригинального текста – межъязыковой интерференции, так и по инициативе переводчика, ориентирующегося на норму ожидания – предпочтения реципиента-специалиста, не только обладающего специальными знаниями, но и готового к восприятию текста с большой плотностью англицизмов. Полученные данные позволили интерпретировать толерантность к интерференции и трансференции как аспект современной переводческой нормы, применяемой к текстам об информационных технологиях и электронике.

Ключевые слова: интерференция, биллингвизм, глобализация, социология перевода, норма перевода, корпусное переводоведение, сложные гибридные образования, англо-русский гибрид.

Цитирование. Нефёдова Л. А., Краснопева Е. С. Англо-русские гибридные образования в тексте перевода: о межъязыковой интерференции в контексте переводческих норм // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 86–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.8>

Введение

Под влиянием английского языка как *lingua franca* семиотический и дискурсивный репертуар носителей национальных языков расширяется. Множественные исследования иллюстрируют рост англо-русского биллингвизма в профессиональных областях, развитие которых связано с глобализацией. В сфере информационных технологий (далее – ИТ), банковском секторе, сфере продаж и других английский язык, по словам Е.С. Гриценко и Т.А. Ненашевой, «становится индексом профессиональных знаний и компетенций» [Гриценко, Ненашева, 2017, с. 37]. Наличие большого количества адаптированных и неадаптированных англицизмов в русскоязычном бизнес-дискурсе признается фактом. Так, специалисты сферы телекоммуникаций отмечают, что поскольку отраслевая терминология просто не имеет эквивалентов в русском языке, «самый удачный подход к работе – привыкнуть к неизбежному использованию иностранных слов» [Аджемова, Гарстенауэр, 2017, с. 184].

В условиях становления глобального английского языка и усиления языковых контактов неизбежны проявления межъязыковой интерференции. А.В. Кирилина рассуждает о феномене «наивного переводчика / адаптатора», в повседневности активно использующего лексические и синтаксические кальки ан-

лоязычных конструкций. Задача практики «наивного перевода» – миновать процесс кодирования для экономии ментальных усилий, что в итоге приводит к сглаживанию различий между языками [Кирилина, 2011, с. 32–38]. Результатом экономии ментальных усилий называют также употребление лексики в латинской графике и неадаптированных англоязычных заимствований в коммуникативном пространстве русского языка. По словам И.В. Анненковой, «это явление... пустило свои корни на уровне речевого поведения носителей русского языка... Латинская графика, выполняя важные функции точности и адекватности передачи информации адресату, экономии языковых средств, несет в себе еще и мощный заряд развития собственно русского языка» [Анненкова, 2008, с. 44].

Повсеместное распространение цифровой среды, где обесцениваются традиционные понятия языковой общности и языковой группы, размываются границы речевых норм и национальных языков, способствует гибридации дискурсов: «...языки в новых условиях коммуникации и интенсивного веб-обмена теряют чувствительность к своей традиционной, закреплённой в словарях нормативной основе» [Загидуллина, 2018, с. 68]. Медиатизированная коммуникация ведет к становлению состояния истинного языкового и культурного суперразнообразия [Varis, Wang, 2011]. В связи с этим ученые предлагают рассмат-

ривать вопросы языковой нормы и креатива с позиций концепции транслингвальности (*translanguaging*) [García, Wei, 2014, p. 21], толкуемой как «плавный синергетический переход от одной лингвокультуры к другой, в результате чего происходит некоторое их слияние, при этом отсутствует полная ассимиляция и сохраняется лингвокультурная идентичность пользователей языков, а также создается смешанный дискурс» (определение С. Канараджа, цит. по: [Прошина, 2017, с. 160]).

При этом переводоведческая проблематика остается недостаточно разработанной в научном дискурсе о глобальной динамике языков и культур [Grin, 2017, p. 156], поскольку перевод традиционно определяется как вид языкового посредничества, где границы национальных языков (*named languages*, по Ф. Грину [Grin, 2017, p. 156]) относительно прозрачны. Соответственно, существует необходимость в разработке методик, приемов и подходов к изучению «сдвигов в общеязыковой и переводческой нормативности» [Ривлина, 2018, с. 47]. М. Албл-Микаса фиксирует формирование отдельного направления исследований (автор объединяет их под названием *ITELF* – *interpreting, translation and English as a lingua franca*), затрагивающих следующие вопросы взаимодействия глобального английского языка и практики межъязыкового перевода: особенности устного и письменного перевода текстов, составленных на различных вариантах глобального английского языка (*World Englishes*); дидактика перевода текстов, отражающих различные варианты глобального английского языка; изменение социального статуса переводчика и др. [Albl-Mikasa, 2017, p. 369]. Вероятно, в проблемное поле *ITELF* возможно интегрировать и аспекты трансформации практики перевода на национальные языки в условиях «глобанглизации» (см., например: [Власенко, 2008; Орёл, 2008, 2010; Ривлина, 2018]).

В данной статье мы обращаемся к вопросу формирования переводческих норм в условиях русско-английского функционального билингвизма. С опорой на положения социологии перевода и дескриптивного подхода в переводоведении представляем рассуждение о роли английского языка как *lingua franca* в трансформации практики перевода на русский

язык, а также иллюстрируем теоретические положения результатами частного сравнительно-сопоставительного исследования особенностей употребления слов-гибридов с элементом в латинской графике вида *IoT-устройство*, *PIN-код*, *Bluetooth-модуль* в переводных и непереводаемых текстах изданий, посвященных ИТ и электронике.

Материал и методы исследования

Одним из ключевых инструментов дескриптивного подхода к исследованию переводческой деятельности признается концепция норм перевода – объяснительных гипотез, аналитических конструктов, позволяющих интерпретировать фиксируемые в тексте перевода закономерности и строить рассуждение о мотивированности переводческих решений [Chesterman, 2016, p. 109]. Нормы локальны и обусловлены культурным и историческим контекстом. Они постигаются индивидом в процессе социализации, при этом могут соблюдаться или же сознательно нарушаться в каждой конкретной ситуации перевода [Chesterman, 2016, p. 82]. Перевод, в свою очередь, понимается как деятельность, определяемая нормами (*a norm-governed activity*) [Toury, 2012, p. 61].

Заемствованная из методологического аппарата социологии концепция норм позволяет говорить о переводчике как об игроке в социальном поле, а перевод определять как социокультурную практику и «важный социальный фактор, несущий на себе печать места, времени, условий своего создания и влияющий на эти место, время и условия; иными словами, перевод – это социальный акт» [Тюленев, 2004, с. 106]. В соответствии с подходом П. Бурдьё нормы, традиции и культурные коды – это элементы внутри социальных полей (полей символического производства), участвующие в формировании их динамики [Bourdieu, Wacquant, 1992]. Однако в свете того, что перевод – «пограничная структура» [Тюленев, 2012, с. 116], вопрос природы данных норм остается открытым (“the question of the agency behind norms in general and behind translational norms in particular, begs for an answer”) [Simeoni, 1998, p. 6].

Э. Честерман, опираясь на подход Г. Тури, выделяет две обширные категории переводческих норм: профессиональные нормы (professional norms) и нормы ожидания (потенциального реципиента) (expectancy norms) [Chesterman, 2016, p. 62–65]. Первые формируются под воздействием вторых и непосредственно подчинены им [Chesterman, 2016, p. 62–65]. Таким образом, можно заключить, что переводчик по определению является агентом двух полей практики: поля, которое можно условно назвать полем рецепции перевода, а также непосредственно поля практики перевода, агенты которого – профессиональные переводчики, преподаватели, критики и другие специалисты.

Д. Симеони, одним из первых предложивший рассматривать перевод сквозь призму социологии П. Бурдьё, сделал акцент на необходимости внедрения габитусного измерения в исследования переводческой деятельности [Simeoni, 1998]. Как отмечает Э. Прунч, габитус «является социокогнитивным конструктом и представляет собой интериоризированные индивидом правила и нормы поведения в поле. Он является отражением и прототипом взаимодействий между группами или классами внутри определенного поля» [Прунч, 2015, с. 362]. Д. Симеони рассуждает о традиционной нестабильности поля перевода (и относительной невозможности его выделения) и заключает, что «настройка» габитуса переводчика происходит не в поле перевода, а в поле символического производства (например, образования, медиа, литературы, науки и пр.) [Simeoni, 1998, p. 17–20] – в поле, которое мы назвали полем рецепции перевода.

Сегодня эта позиция становится как никогда актуальной в связи с появлением перевода, выполняемого билингвами без специальной подготовки (например, любительский и пользовательский перевод в цифровых пространствах), а также с активным распространением постредактирования машинного перевода. Независимо от того, кем выполнена работа (переводчиком-любителем или профессионалом), перевод как вид социальной практики осуществляется с соблюдением языковых и поведенческих норм, определяемых динамикой поля, в котором перевод выполняется, в том числе онлайн-полей, формируемых

социальными сетями (подробнее об этом см.: [Krasnopeyeva, 2018]). Взаимодействие перечисленных факторов приводит к состоянию профессионального поля перевода, описанному С. Тюленевым как *in statu nascendi* – стадия становления [Тюленев, 2014, p. 78].

Тем не менее на современном этапе происходит активное формирование поля «индустрии перевода». Об этом свидетельствует процесс его именованья – закрепления таких терминов, как «индустрия» (language services industry), «отрасль», «перевод как бизнес», – в совокупности с появлением специализированных цифровых инструментов [Remkhe, Nefedova, Gillespie, 2017], выходом на поле новых игроков (крупных переводческих компаний), а также укреплении профессиональных сообществ (в России – Союз переводчиков России, Национальная лига переводчиков и др.). Это поле характеризуется определенной динамикой, социальными позициями и профессиональными нормами, оказывающими влияние на другие поля. Например, реклама, техническая документация, а также непосредственно продукция различных отраслей могут создаваться с учетом требований локализации. Кроме того, сегодня практика профессионального перевода во многом институционализирована не только благодаря работе профессиональных организаций, но и благодаря заключению норм ожидания в «рекомендуемые нормы» («recommendable norms», по Э. Честерману [Chesterman, 2016]) – в руководства по стилю для конкретных проектов / заказчиков. Для вхождения в такое профессиональное поле требуется некоторый объем культурного капитала и специализированный профессиональный габитус.

Возвращаясь к концепции норм, подчеркнем следующие ключевые положения. Переводчики не только соблюдают нормы, но и участвуют в их формировании («translators govern norms as much as their behaviour is governed by them» [Simeoni, 1998, p. 24]). Нормы ожидания динамичны, именно они отражают возможности нестандартного использования языка [Chesterman, 2016, p. 65] и реагируют на все появляющиеся в узусе тенденции и способствуют их закреплению.

Одной из таких тенденций выступает межъязыковая интерференция, связанная с

глобальным статусом английского языка. В отличие от профессиональных переводчиков, «в сознании “наивных билингов” при интенсивных контактах границы языков размываются, они неосознанно воспринимают языки как единую сущность, и “наивный перевод” принимает форму динамического “сближения” языков, “перетекания” языков друг в друга, адаптации» [Ривлина, 2018, с. 45]. Результатом такого процесса являются транслингвальные практики и гибридные тексты. Соответственно, формируются особые нормы ожидания, оказывающие влияние на характеристики межъязыкового перевода-процесса и переводов-результатов (“non-translations comprise part of the context of translations, as well as vice versa” [Toury, 2012, p. 85]).

В традиционном представлении переводчик осознанно противодействует межъязыковой интерференции [Мунэн, 1978]. В связи с этим особый интерес представляет изучение соотношения межъязыковой интерференции, переводческой интерференции, носящей характер универсалии [Mauganen, 2004], и трансференции в переводе – мотивированного отражения элементов языка оригинала в языке перевода (термин В.И. Черемисина, цит. по: [Умерова, 2003, с. 78]). Г. Тури считает интерференцию одним из законов перевода (Law of Interference), указывая, что при переводе феномены, определяющие организацию текста оригинала, чаще всего переносятся в текст перевода [Toury, 2012, p. 310]. Основания данного закона двойственны: они и когнитивные, и социокультурные. То, какую силу имеет данный закон в условиях конкретной коммуникативной ситуации, зависит от профессионализма переводчика и его опыта, а также от условий, в которых текст перевода порождается и воспринимается [Toury, 2012, p. 311], то есть от аспектов, характеризующихся понятием норм перевода.

М.А. Орёл, рассуждая о повышении переводимости в пределах пары «английский – русский», фиксирует трансформацию конвенциональной² нормы перевода: «...распространение в переводческой практике подходов и приемов, направленных на сохранение формально-структурных характеристик оригинальных текстов... является одновременно и следствием, и причиной сближения англий-

ского и русского языков. Ряд русскоязычных текстов приобретают все больше иноязычных черт. Отличительные особенности некоторых разновидностей дискурса изменяются, что впоследствии оказывает влияние на ход и результат переводческого процесса» [Орёл, 2010, с. 32]. Мы проиллюстрируем данное положение на примере дискурса отраслевых СМИ сферы ИТ и электроники.

Количественное исследование переводных и непереводаемых текстов, а также качественное сравнительное исследование оригиналов и переводов, в которых употребляются подобные гибриды, позволят нам выявить тенденции использования данных нестандартных единиц и охарактеризовать формирование «нормемы» (normeme) – частной нормы, которая должна рассматриваться в совокупности с рядом социокультурных факторов, вступающих в системное взаимодействие в изучаемом контексте [Toury, 2012, p. 89].

На предварительном этапе настоящего исследования³ мы провели сравнительный анализ оригиналов и переводов статей, опубликованных в отраслевом журнале «itWeek» (<https://www.itweek.ru/>) в 2016 году. В 17 рассмотренных статьях были использованы 53 термина, более 30 % которых в переводе приобрели форму англо-русских гибридов, например *low-code platforms* – *low-code-платформы*, *CRM system* – *CRM-система*, *wildcard certificates* – *wildcard-сертификаты*. Употребительность терминов такой структуры послужила причиной обращения к гибридам при изучении трансформации переводческой нормы в условиях «глобализации».

Сложные слова, «первая часть которых – иноязычная и пишется при этом латиницей, а вторая русская или также иноязычная, но пишущаяся кириллическим шрифтом», Л.П. Крысин именуется метафорически – «слова-кентавры» [Крысин, 2010, с. 575]. Предмет нашего исследования наиболее точно определяется термином Е.П. Снеговой – «сложные (дефисные) гибридные образования», толкуемые как «дефисные образования с первым компонентом – иноязычным словом или, гораздо чаще, иноязычной аббревиатурой» [Снегова, 2011, с. 643] (далее – ДГО, гибриды).

Спорным остается вопрос о включенности ДГО в лексическую систему русского языка и, соответственно, о нормативности употребления подобных единиц. Л.П. Крысин отмечает, что «слова-кентавры» – одно из свидетельств того, что язык не консервативен: он живо реагирует на изменяющуюся реальность, и в нем появляются не только новые номинации, но и новые модели, по которым эти номинации образуются [Крысин, 2010, с. 577]. По словам С.В. Друговойко-Должанской, «распространенность подобных образований и активность модели не позволяет нам отрицать их существование в лексической системе русского языка» (<http://gramma.ru/RUS/?id=1.6>). На основе данной модели создаются разнообразные единицы, в том числе терминологического характера, при этом подобные образования зачастую не зафиксированы словарями, и переводчику необходимо решать вопрос о допустимости употребления гибрида самостоятельно.

Мы обратились к трем крупным российским изданиям в сфере ИТ и электроники: «itWeek» (до 2018 г. – «PC Week»), «Computerworld» и «Новости электроники», публикующим как оригинальные статьи на русском языке, так и переводы с английского языка. На основе архива материалов за 2017 г. составлен корпус объемом 1 155 430 словоупотреблений (см. таблицу)⁴. В корпус вошли 859 непереводных статей и 448 переводных. В частотных списках подкорпусов автоматически отобраны 2 762 англо-русских ДГО. Отметим, что все отобранные единицы соответствовали модели «иноязычный элемент + русскоязычная основа», образований с обратным порядком элементов не выявлено.

Количественная характеристика подкорпусов Corpora characteristics

Quantitative Corpora characteristics

Название журнала	Количество статей	Общее количество словоупотреблений	Количество словоупотреблений гибридов
Подкорпус непереводных материалов			
«itWeek»	522	332 547	738
«Computerworld»	243	202 710	174
«Новости электроники»	94	279 784	1 273
Подкорпус переводных материалов			
«itWeek»	170	131 090	335
«Computerworld»	249	156 626	90
«Новости электроники»	29	52 673	152

Посредством теста правдоподобия (log-likelihood, LL) определены некоторые значимые различия: при сравнении массивов переводных и непереводных статей как двух отдельных подкорпусов было отмечено, что авторы непереводных статей используют значительно больше гибридов, чем переводчики (LL = 104,36, $p < 0,05$). Соответственно, межъязыковая интерференция в большей степени характерна для текстов, изначально написанных на русском языке, что свидетельствует о закреплении в узусе тенденции к употреблению гибридов.

Анализ частотного списка ДГО, представленных в переводных статьях, позволил обнаружить наиболее употребительные иноязычные элементы: *Open Source*- (52 примера), *API*- (42), *3D/2D*- (34), *IoT*- (30), *Linux*- (27), *PIN*- (23), *Windows*- (19), *SiC*- (15), *Bluetooth*- (13), *OLED*- (13), *SQL*- (11), *NoSQL*- (10). Все 260 примеров использования данных популярных гибридов были сопоставлены с оригинальными контекстами на английском языке, а также с прецедентными переводами в словарях и вариантами в подкорпусе непереводных текстов, в результате чего в переводческих решениях выявлены определенные тенденции.

Результаты и обсуждение

Как показывает сравнительный анализ оригиналов и переводов, чаще всего гибриды появляются в переводе в результате калькирования аналитической конструкции, выраженной атрибутивно-именным сочетанием, что закономерно: *IoT device* – *IoT-устройство*, *3D printer* – *3D-принтер*, *Linux company* – *Linux-компания* (см. пример 1).

Пример 1

Оригинал	Перевод
In addition, Vertica 9 natively integrates with key ecosystem technologies and open source innovation , including Microsoft PowerBI, Cloudera Manager and Apache Spark 2.1.	В дополнение к этому Vertica 9 естественным образом интегрируется с ключевыми экосистемными технологиями и Open Source-инновациями , включая Microsoft PowerBI, Cloudera Manager и Apache Spark 2.1.
You can also run popular open-source programming languages such as python, perl, ruby, php, and gcc.	Вы также можете работать с популярными Open Source-языками программирования , такими как Python, Perl, Ruby, PHP и GCC.

Как видим в примере 1, зачастую калькируется цепочка лексем.

Одним из наблюдаемых переводческих приемов является также лексическое добавление: иноязычный элемент соединяется с русскоязычным словом, которое чаще всего называет родовое понятие или поясняет смысл иноязычного элемента в контексте (*3D – 3D-модуль, PIN – PIN-код*).

Так, в примере 2 переводчик использует модель при совершении грамматической трансформации: *3D* выступает в качестве определяющего элемента к слову *имитация*,

которое появилось в результате замены глагола *simulate*.

Тенденцией в переводческих решениях выступает закрепление сочетаемости: иноязычный элемент используется с русскоязычной основой (зачастую она является калькой традиционной англоязычной сочетаемости), хотя в оригинале этой основы нет (пример 3).

Особый исследовательский интерес вызывают переводы, в которых гибриды употребляются по инициативе переводчика.

Так, в примере 4 проявляется свобода переводчика в использовании гибридной мо-

Пример 2

Оригинал	Перевод
While headgear is typically required, Bjarin said one of the most impressive VR demos he’s seen simulates a heart surgery procedure in 3D by a company called zSpace.	Хотя здесь обычно требуются специальные очки или шлем, он назвал одной из самых впечатляющих из виденных им VR-демонстраций 3D-имитацию процесса операции на сердце, созданную компанией zSpace.

Пример 3

Оригинал	Перевод
OLED screens began appearing in smartphones several years ago and are used today in phones from Samsung, LG, and other competitors.	OLED-экраны начали появляться в смартфонах еще несколько лет назад, ими снабжены сегодня телефоны Samsung, LG и ряда других производителей.
Now that Apple has finally released its home button-less OLED iPhone that’s been rumored for years, we can start focusing on what’s inside the phone.	Теперь, когда Apple наконец выпустила iPhone с OLED-экраном , слухи о котором ходили долгие годы, компания может сосредоточиться на том, что находится внутри устройства.

Пример 4

Оригинал	Перевод 1	Перевод 2
Oracle has reportedly made a new round of staff cuts to its Solaris and SPARC (Scalable Processor Architecture) businesses.	Корпорация Oracle, по слухам, приступила к очередному раунду сокращения персонала, занимающегося ОС Solaris и процессорной RISC-архитектурой SPARC .	Корпорация Oracle, по слухам, приступила к очередному раунду сокращения персонала, занимающегося направлениями, связанными с операционной системой Solaris и архитектурой RISC-процессоров SPARC .

дели как инструмента. Переводчик на основе собственных фоновых знаний эксплицирует термин *Scalable Processor Architecture*. В оригинале нет ни аббревиатуры *RISC*, ни расшифровки [*RISC* (англ. *reduced instruction set computer* – компьютер с набором коротких (простых, быстрых) команд)]. Термин *RISC* зафиксирован в большом количестве словарей и имеет несколько аналогов: *процессор (микروпроцессор) с упрощенным (сокращенным) набором команд, ЭВМ с сокращенным набором команд* (СТП). Оба используемых переводчиком ДГО – *RISC-архитектура* и *RISC-процессор* – закреплены в словарях, как англо-русских, так и специальных одноязычных.

В примере 5 в оригинале дважды используется аббревиатура *IoT* (англ. *internet of things*). Переводчик не калькирует конструкцию полностью, а, исходя из контекста и используя фоновые знания, добавляет русскоязычную основу, чтобы разграничить два понятия в одном предложении и сделать перевод более прозрачным.

Таким образом, установлены тенденции, характеризующие как проявления переводческой и межъязыковой интерференции, так и трансференции в переводе. Рассмотрим обнаруженные тенденции в социокультурном контексте, в котором осуществляется перевод и рецепция анализируемого материала.

Издания «itWeek», «Computerworld» и «Новости электроники» можно охарактеризовать как бизнес-СМИ – деловые специализированные журналы, освещающие события отечественного и мирового рынков ИТ и электронных компонентов. Издания имеют печатные и онлайн-версии (в статье мы не затрагиваем аспект гипертекстуальности и связанных с ней предпосылок употребления неадаптированных заимствований). Целевая аудитория журналов составляет несколько групп реципиентов-специалистов: руководители

ИТ-подразделений предприятий и топ-менеджеры по развитию бизнеса, разработчики программного обеспечения, дистрибьюторы ИТ-продукции (<https://www.itweek.ru/>); ИТ-менеджеры информационных служб предприятий различных отраслей (<https://www.osp.ru/cw/>); разработчики электронной техники, руководители конструкторских и проектных отделов (<https://www.compel.ru/lib/ne/2019>). Перечисленные характеристики позволяют нам причислить рассматриваемые издания к категории качественной прессы.

Переводные статьи в этих журналах чаще всего не обозначены как таковые: они не выделены в самостоятельный раздел, не имеют ключевого слова «перевод» в метаданных, не снабжаются гиперссылкой на текст оригинала (за редким исключением), не имеют указаний на имя переводчика. Таким образом, отличить переводы от статей, изначально написанных на русском языке, можно только по транскрибированному иноязычному имени автора статьи, и редакция не подразумевает, что реципиент будет сравнивать оригинал и перевод. Именно поэтому можно говорить о принадлежности рассматриваемых переводов к категории «скрытых» (*covert translation*) – переводов-инструментов, которые, по определению Ю. Хаус, визуально и функционально не отличаются от текстов, изначально созданных на языке перевода (подробнее о концепции Ю. Хаус см.: [Прунч, 2015, с. 204]).

По словам редактора журнала «itWeek», редакция сотрудничает с переводчиками-профессионалами, имеющими определенные знания в области ИТ (<https://www.itweek.ru/about/faq/>). Редакции необходим качественный, четкий и грамотный перевод: даже при работе с внештатными переводчиками к их материалам предъявляются строгие требования в отношении стиля и объема. Переводчик в сфере ИТ может не быть программистом. Одна-

Пример 5

Оригинал	Перевод
Dell is contributing its Fuse IoT code base as the initial code for EdgeX Foundry, providing an open framework for IoT interoperability.	В качестве программной основы для него компания Dell предоставила базу исходного кода своего IoT-проекта Fuse – открытого фреймворка для обеспечения операционной совместимости различных IoT-устройств .

ко, как отмечает Е. Бартов, руководитель ГК «Альянс ПРО» – бюро рекламно-технических англо-русских переводов для ИТ-компаний, переводчик должен понимать: «а) как мыслит его (переводчика) целевая аудитория; б) как работает переводимый продукт; в) что реально имел в виду автор» (<https://tran.su/tehnikeskij-perevod/>). Переводчик начинает освоение предметной области с изучения параллельных текстов, прецедентных переводов, существующих рекомендаций коллег и предпочтений заказчика. Результатом этого процесса становится специализация переводческого габитуса и регистрация соответствующих норм, необходимых для производства текста перевода в условиях конкретной переводческой задачи.

В русскоязычном непереводном дискурсе отраслевых медиа сферы ИТ употребляются многочисленные вариативные эквиваленты англоязычной компьютерной терминологии. По замечанию А.Б. Кутузова, помимо семантических эквивалентов (*сеть, данные, маршрутизатор*), калькированных конструкций (*application server – сервер приложений, hyperlink – гиперссылка, peer2peer – каждый-с-каждым*) и заимствований через транскрипцию (*принтер, сканер, файл*), в текстах компьютерной тематики традиционно используются неадаптированные единицы в латинской графике (названия корпораций, технологические стандарты и названия программных продуктов, например *Nvidia, AMD, Novell, Microsoft, Intel* и др.) [Кутузов, 2007]. А.Б. Кутузов приводит рекомендуемый алгоритм работы переводчика с компьютерной терминологией, в котором отражена непосредственная подчиненность практики перевода полю рецепции: следует проверить, не относится ли термин к группе непереводимых; если нет, выяснить, существует ли уже устоявшийся в сообществе вариант перевода этого термина (не стоит предлагать компьютерному сообществу изменить сложившееся для того или иного объекта название); в маловероятном случае, когда традиционного эквивалента еще не появилось, переводчик вправе самостоятельно выбрать способ перевода [Кутузов, 2007].

Представленные в нашем исследовании примеры перевода и множество других при-

меров современной переводческой практики показывают, что в контексте глобализации как интерференция, так и трансференция в переводе допустимы. Они определяются нормой ожидания. Язык СМИ в области ИТ и электроники – во многом продукт «глобального языкового метаболизма» (термин С.В. Власенко [Власенко, 2008]), результата становления транслингвального пространства и господства английского языка как *lingua franca* в сфере инноваций и технического прогресса.

Выводы

Наиболее частотные иноязычные элементы, используемые переводчиком в ДГО, – названия корпораций, технологические стандарты, названия программных продуктов, аббревиатуры, названия определенных компонентов операционных систем и т. д. (*Open Source, API, IoT, Linux, OLED* и др.) – можно отнести к группе непереводимых (по А.Б. Кутузову). Большинство гибридов в переводных текстах образовано путем калькирования аналитической конструкции языка оригинала: иногда, несмотря на существующие русскоязычные аналоги, в том числе закрепленные в словарях, переводчики используют уже существующие ДГО или создают их сами. Зачастую, даже если в оригинале нет непосредственного эквивалента ДГО, переводчик считает необходимым его использование. Плотность гибридных образований в переводных текстах не столь велика, как в непереводных, что может объясняться сознательным противостоянием интерференции со стороны переводчика. Однако сопоставительное исследование оригиналов и переводов показывает обратное – ориентацию на трансференцию (использование гибрида как инструмента, эффективно воплощающего номинативную функцию и экономящего речевые усилия). Интерференция в переводе очевидна, но ее природа меняется. Различия между переводными и непереводными текстами стираются, а переводчик участвует в формировании языковой и переводческой нормы.

Создавая новый гибрид, переводчик осуществляет компрессию смысла, ориентируясь как на сложившуюся традицию, функциональный билингвизм / диграфию потенциального

реципиента, так и на его специальные знания. Уместное в ситуации перевода употребление гибрида, на наш взгляд, позволяет говорить о высокой специализации (или «тонкой настройке») лингвистического и профессионального габитуса переводчика, или, другими словами, о сформированности «интралингвальности» – компетенции «медиатора социального взаимодействия посредством текстов» [Овчинникова, Павлова, 2016, с. 268].

Трансформация практики англо-русского перевода в условиях глобального языкового метаболизма – сложный объект, требующий комплексного, системного изучения. Проведенное нами исследование, безусловно, носит частный характер, однако в нем достигнута поставленная цель: на примере гибридных образований мы проследили, как формируется норма ожидания и как характер неперевода оказывает влияние на практику перевода. В качестве перспектив работы обозначим выявление дополнительных факторов, детерминирующих формирование нормы перевода бизнес-СМИ рассмотренной тематики. Для этого необходимо провести анализ характеристик ДГО, используемых в переводном и непереводаемом дискурсах; описать особенности рецепции переводных и непереводаемых материалов, содержащих ДГО; изучить переводческий процесс и этапы работы с текстом в редакции журналов на основе наблюдения и интервью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания МОиН РФ по проекту № 34.6111.2017/БЧ «Медиаперевод в современных информационных условиях».

The research is carried out within the framework of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation state assignment, project no. 34.6111.2017/ВСН Translating media texts within the context of modern tendencies in mass communication.

² В понимании В.Н. Комиссарова, конвенциональная норма – аспект переводческой нормы, заключающий в себе взгляды на цели и задачи перевода и пути достижения этих целей, принятые в языковом коллективе на определенном историческом этапе [Комиссаров, 1990, с. 229].

³ В исследовании использованы материалы выпускной квалификационной работы, выполнен-

ной студенткой Челябинского государственного университета В.Д. Аристовой под научным руководством Е.С. Краснопеевой.

⁴ Программное обеспечение, использованное в исследовании: WebBootCat (M. Baroni and S. Bernardini. 2004. BootCaT: Bootstrapping corpora and terms from the web. Proceedings of LREC 2004; <https://bootcat.dipintra.it/>); AntConc (L. Anthony; <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/>); UCREL log-likelihood wizard (P. Rayson; <http://corpora.lancs.ac.uk/clmtp/2-stat.php>); Microsoft Excel 2007 (<https://products.office.com/en-us/previous-versions/microsoft-excel-2007>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аджемова А., Гарстенауэр Т., 2017. «Бум» англицизмов в современном деловом дискурсе // Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ : коллектив. моногр. / отв. ред. Т. А. Милехина, Р. Ратмайр. М. : ЯСК. С. 173–184.
- Анненкова И. В., 2008. Принципы использования латинской графики в СМИ // Мир русского слова. № 3. С. 41–47.
- Власенко С. В., 2008. Адаптивность русского как переводящего языка в англо-русском коммуникативном взаимодействии с позиций переводоведения // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс. Вып. 36. С. 70–82.
- Гриценко Е. С., Ненашева Т. А., 2017. Индексальный потенциал английского языка в русскоязычном коммуникативном пространстве // Вопросы психолингвистики. № 3. С. 32–47.
- Загидуллина М. В., 2018. Панмедиатизация как основа ментально-языковых трансформаций // Ментально-языковые трансформации русской лингвокультурной личности: поиск идентичности в медиатизированном обществе : коллектив. моногр. / науч. ред. М. В. Загидуллина. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та. С. 41–79.
- Кирилина А. В., 2011. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики. № 13. С. 30–39.
- Комиссаров В. Н., 1990. Теория перевода: лингвистические аспекты. М. : Высш. шк. 253 с.
- Крысин Л. П., 2010. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-«кентавры» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 4 (2). С. 575–579.
- Кутузов А. Б., 2007. Прологомены к денотативной модели перевода компьютерных терми-

- нов // Languages and Literatures. № 22. URL: <https://web.archive.org/web/20130201020331/http://frgf.utmn.ru/mag/22/46>.
- Мунэн Ж., 1978. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / вступ. ст. и общ. ред. В. Н. Комиссарова. М. : Междунар. отношения. С. 36–41.
- Овчинникова И. Г., Павлова А. В., 2016. Переводческий билингвизм. По материалам ошибок письменного перевода. М. : Флинта. 304 с.
- Орёл М. А., 2008. Перевод с английского на англо-русский, или Кто виноват и что делать? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 87–97.
- Орёл М. А., 2010. Перевести нельзя перенести (Часть вторая) // МОСТЫ. № 3 (27). С. 29–33.
- Прошина З. Г., 2017. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования : Языки и специальность. № 2. С. 155–170.
- Прунч Э., 2015. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М. : Р. Валент. 512 с.
- Ривлина А. А., 2018. Перевод в эпоху глобализации английского языка и усиления транслингвальной практики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. 15, № 1. С. 43–49.
- Снегова Е. П., 2011. О лексикографическом представлении сложносоставных слов с иноязычным компонентом // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. С. 643–646.
- Тюленев С. В., 2004. Теория перевода. М. : Гардарики. 336 с.
- Тюленев С. В., 2012. Что перевод системе? Что ему она? // Логос. № 3 (87). С. 106–130.
- Умерова М. В., 2003. Лингвистический статус языка переводов : дис. ... канд. филол. наук. М. 279 с.
- Albl-Mikasa M., 2017. ELF and Translation / Interpreting // The Routledge Handbook of English as a Lingua Franca / ed. by J. Jenkins, W. Bake, M. Dewey. L. ; N. Y. : Routledge. P. 369–384.
- Bourdieu P., Wacquant L. J. D., 1992. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago : The University of Chicago Press. 332 p.
- Chesterman A., 2016. Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. 225 p.
- García O., Wei L., 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. Palgrave Macmillan. 176 p. DOI: 10.1057/9781137385765.
- Grin F., 2017. Translation and Language Policy in the Dynamics of Multilingualism // International Journal of the Sociology of Language. № 243. P. 155–181. DOI: 10.1515/ijsl-2016-005.
- Krasnopeyeva E., 2018. Understanding the Dynamics of User-Generated Translation on YouTube: A Bourdieusian Perspective // New Voices in Translation Studies. № 18. P. 38–83.
- Mauranen A., 2004. Corpora, Universals and Interference // Translation Universals : Do They Exist? Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. P. 15–33.
- Remkhe I., Nefedova L., Gillespie D., 2017. Rethinking the Translator's Role Within the GILT Project: An Integrated Approach // Russian Journal of Linguistics. № 21 (4). P. 910–926. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-910-926.
- Simeoni D., 1998. The Pivotal Status of the Translator's Habitus // Target. № 10 (1). P. 1–39. DOI: 10.1075/target.10.1.02sim.
- Toury G., 2012. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. 350 p. DOI: 10.1075/btl.100.
- Tyulenev S., 2014. Translation and Society. L. ; N. Y. : Routledge. 210 p. DOI: 10.4324/9781315775593.
- Varis P., Wang X., 2011. Superdiversity on the Internet : A Case from China // Diversities. Vol. 13, № 2. P. 71–83.

СЛОВАРЬ

СТП – Справочник технического переводчика // Интент. Инженерная переводческая компания. URL: <http://intent.gigatran.com>.

REFERENCES

- Adzhemova A., Garstenaer T., 2017. «Bum» anglitsizmov v sovremennom delovom diskurse [Influx of Anglicisms in Modern Business Discourse]. Milekhina T.A., Ratmayrz R., eds. *Korporativnaya kommunikatsiya v Rossii: diskursivnyy analiz: kollektiv. monogr.* [Corporate Communication in Russia: Discourse Analysis. Collective Monograph]. Moscow, YaSK Publ., pp. 173-184.
- Annenkova I.V., 2008. Printsipy ispolzovaniya latinskoy grafiki v SMI [Principles of Latin Script Usage in Media]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word Journal], no. 3, pp. 41-47.
- Vlasenko S.V., 2008. Adaptivnost russkogo kak perevodyashchego yazyka v anglo-russkom kommunikativnom vzaimodeystvii s pozitsiy

- perevodovedeniya [Adaptability of the Russian Language as a Target Language in English-Russian Communication from the Perspective of Translation Studies]. Krasnykh V.V., Izotov A.I., eds. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Consciousness, Communication. Collection of Articles]. Moscow, MAKS Press, iss. 36, pp. 70-82.
- Gritsenko E.S., Nenasheva T.A., 2017. Indeksalnyy potencial angliyskogo yazyka v russkoyazychnom kommunikativnom prostranstve [Indexical Capacities of English in Russian-Based Communication]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 3, pp. 32-47.
- Zagidullina M.V., 2018. Panmediatizatsiya kak osnova mentalno-yazykovykh transformatsiy [Pan-Mediatization as the Basis of Mental-Linguistic Transformations]. *Mentalno-yazykovye transformatsii russkoy lingvokulturnoy lichnosti: poisk identichnosti v mediatizirovannom obshchestve: kollektiv. monogr.* [Mental-Linguistic Transformations of Russian Linguocultural Personality. In Search for Identity in Mediatized Society. Collective Monograph]. Chelyabinsk, Izd-vo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 41-79.
- Kirilina A.V., 2011. Perevod i yazykovoie soznanie v dinamicheskoy sinkhronii: psikhicheskie granitsy yazyka (na materiale russkogo yazyka Moskvy [Translation / Interpretation and the Language in the Dynamic Synchrony: The Mental Boundaries of the Languages (On the Material of Russian in Moscow)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 13, pp. 30-39.
- Komissarov V.N., 1990. *Teoriya perevoda: lingvisticheskie aspekty* [Theory of Translation: Linguistic Aspects]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 253 p.
- Krysin L.P., 2010. O nekotorykh novykh tipakh slov v russkom yazyke: slova-“kentavry” [On Some New Types of Words in Russian Language: “Centaur-Words”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 4(2), pp. 575-579.
- Kutuzov A.B., 2007. Prolegomeny k denotativnoy modeli perevoda kompyuternykh terminov [Prolegomena to Denotational Model of Translation of Computer Terms]. *Languages and Literatures*, no. 22. URL: <https://web.archive.org/web/20130201020331/http://frgf.utmn.ru/mag/22/46>.
- Mounin G., 1978. Teoreticheskie problemy perevoda. Perevod kak yazykovoy kontakt [Theoretical Issues of Translation. Translation as Language Contact]. Komissarov V.N., ed. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike* [Theoretical Issues of Translation in Foreign Linguistics]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 36-41.
- Ovchinnikova I.G., Pavlova A.V., 2016. *Perevodcheskiy bilingvizm. Po materialam oshibok pismennogo perevoda* [Translational Bilingualism. The Issue of Errors in Translation]. Moscow, Flinta Publ. 304 p.
- Oryol M.A., 2008. Perevod s angliyskogo na anglo-russkiy, ili Kto vinovat i chto delat? [Translation from English to Russian-English. Who to Blame and What to Do?]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin], iss. 4, pp. 87-97.
- Oryol M.A., 2010. Perevesti nelzya perenesti (Chast vtoraya) [To Translate or to Transfer. Part Two]. *MOSTY* [Bridges], no. 3 (27), pp. 29-33.
- Proshina Z.G., 2017. Translingvizm i ego prikladnoe znachenie [Translingualism and Its Application]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya. Yazyki i spetsialnost* [RUDN Journal of Language and Translingual Practices], no. 2, pp. 155-170.
- Prunch E., 2015. *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoy asimmetrii k politicheskoy* [The Directions of Development of Western Translation Studies. From Language Asymmetry to Political Asymmetry]. Moscow, R. Valent Publ. 512 p.
- Rivlina A.A., 2018. Perevod v epokhu globalizatsii angliyskogo yazyka i usileniya translingvalnoy praktiki [Translation in the Era of English Language Globalization and Emergence of Translingualism]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, vol. 15, no. 1, pp. 43-49.
- Snegova E.P., 2011. O leksikograficheskom predstavlenii slozhnosostavnykh slov s inoyazychnym komponentom [On Lexicography of Compound Words with Borrowed Components]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 6, pp. 643-646.
- Tyulenev S.V., 2004. *Teoriya perevoda* [Theory of Translation]. Moscow, Gardariki Publ. 336 p.
- Tyulenev S.V., 2012. Chto perevod sisteme? Chto emu ona? [What Is the Relation of Translation to the System? What Is the Relation of the System to Translation?]. *Logos*, no. 3 (87), pp. 106-130.
- Umerova M.V., 2003. *Lingvisticheskiy status yazyka perevodov: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Status of the Language of Translation. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 279 p.

- Albl-Mikasa M., 2017. ELF and Translation / Interpreting. Jenkins J., Bake W., Dewey M., eds. *The Routledge Handbook of English as a Lingua Franca*. London, New York, Routledge, pp. 369-384.
- Bourdieu P., Wacquant L.J.D., 1992. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago, The University of Chicago Press. 332 p.
- Chesterman A., 2016. *Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company. 225 p.
- García O., Wei L., 2014. *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. Palgrave Macmillan. 176 p. DOI: 10.1057/9781137385765.
- Grin F., 2017. Translation and Language Policy in the Dynamics of Multilingualism. *International Journal of the Sociology of Language*, no. 243, pp. 155-181. DOI: 10.1515/ijsl-2016-005.
- Krasnopeyeva E., 2018. Understanding the Dynamics of User-Generated Translation on YouTube: A Bourdieusian Perspective. *New Voices in Translation Studies*, no. 18, pp. 38-83.
- Mauranen A., 2004. Corpora, Universals and Interference. *Translation Universals: Do They Exist?* Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 15-33.
- Remkhe I., Nefedova L., Gillespie D., 2017. Rethinking the Translators Role Within the GILT Project: An Integrated Approach. *Russian Journal of Linguistics*, no. 21 (4), pp. 910-926. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-910-926.
- Simeoni D., 1998. The Pivotal Status of the Translators Habitus. *Target*, no. 10 (1), pp. 1-39. DOI: 10.1075/target.10.1.02sim.
- Toury G., 2012. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. 2nd ed. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company. 350 p. DOI: 10.1075/btl.100.
- Tyulenev S., 2014. *Translation and Society*. London, New York, Routledge. 210 p. DOI: 10.4324/9781315775593.
- Varis P., Wang X., 2011. Superdiversity on the Internet: A Case from China. *Diversities*, vol. 13, no. 2, pp. 71-83.

DICTIONARY

Spravochnik tehničeskogo perevodchika [Technical Translator's Guide]. *Intent. Inzhenernaya perevodcheskaya kompaniya* [Intent. Engineering Translation Company]. URL: <http://intent.gigatran.com/>.

Information About the Authors

Liliya A. Nefedova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Dean of the Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University, Bratyev Kashirinykh St, 129, 454001 Chelyabinsk, Russia, lan2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3105-766X>

Ekaterina S. Krasnopeyeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Chelyabinsk State University, Bratyev Kashirinykh St, 129, 454001 Chelyabinsk, Russia, ye.kr121csu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3503-1849>

Информация об авторах

Лилия Амирянвна Нефёдова, доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет, ул. Братьев Кашириных, 129, 454001 г. Челябинск, Россия, lan2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3105-766X>

Екатерина Сергеевна Краснопева, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Челябинский государственный университет, ул. Братьев Кашириных, 129, 454001 г. Челябинск, Россия, ye.kr121csu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3503-1849>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.9>

UDC 81'271:004.946
LBC 81.006.3

Submitted: 04.10.2019
Accepted: 28.04.2020

CONCEPT "FREUNDSCHAFT" ("FRIENDSHIP") IN VIRTUAL COMMUNICATION

Maria A. Ivanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The paper focuses on the influence of virtual communication on the German language, exemplified by linguistic and cultural concept "Freundschaft" ("Friendship"). The research aims to distinguish and systematize linguistic means that objectify the concepts "Freundschaft" and "Netzfreundschaft" in real and virtual communication, and to characterize their notional, image and value components. The peculiarities of German-language virtual communication are presented. It is shown that active use of social networks and messengers has led to the development of the new concept "Netzfreundschaft" ("Internet friendship"). Its notional component is explicated through the new meanings of lexical units *Freund* and *Freundschaft*. In order to nominate new phenomena, the lexemes and word-combinations (*entfreunden*, *Überfreundung*, *Freundschaft kündigen*) appear. They were not previously represented in the lexical and semantic system of the language or have gained new meanings under the influence of virtual communication. The image component of concept "Netzfreundschaft" is characterized by new metaphorical models, as compared to concept "Freundschaft". The author concludes that verbalization of the processes of emergence, development and termination of friendship, regarded as virtual contact, is established to differ from concept "Freundschaft"; it is represented in the value component of concept "Netzfreundschaft". The phenomenon described in the article is a vivid example of concept sphere evolution under the influence of network communication.

Key words: linguistic and cultural concept, metaphoric concept, structure of concept, virtual communication, metaphoric model, German language.

Citation. Ivanova M.A. Concept "Freundschaft" ("Friendship") in Virtual Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 99-108. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.9>

УДК 81'271:004.946
ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 04.10.2019
Дата принятия статьи: 28.04.2020

КОНЦЕПТ FREUNDSCHAFT (ДРУЖБА) В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мария Александровна Иванова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье на примере лингвокультурного концепта *Freundschaft* (Дружба) изучается влияние виртуальной коммуникации на немецкий язык. Цель статьи – выделить и систематизировать языковые средства, объективирующие концепты *Freundschaft* и *Netzfreundschaft* в реальной и виртуальной коммуникации, и охарактеризовать понятийную, предметно-образную и ценностную стороны этих концептов. Для этого в работе описаны особенности немецкоязычной виртуальной коммуникации. Показано, что активное использование социальных сетей и мессенджеров привело к возникновению нового концепта *Netzfreundschaft* (Дружба в социальных сетях). Его понятийная составляющая эксплицируется лексическими единицами *Freund* и *Freundschaft* в новых значениях. Для номинации новых явлений возникают лексемы и словосочетания (*entfreunden*, *Überfreundung*, *Freundschaft kündigen*), которые или не были ранее представлены в лексико-семантической системе языка, или получили новые значения под влиянием виртуальной коммуникации. Предметно-образную сторону концепта

Netzfreundschaft отличают новые по отношению к концепту Freundschaft метафорические модели. Иная по сравнению с концептом Freundschaft вербализация процессов зарождения, развития и завершения дружеских отношений как виртуального контакта находит свое отражение в ценностной стороне концепта Netzfreundschaft. Исследованное в работе явление – актуальный пример трансформации концептосферы под влиянием сетевых коммуникаций.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, метафорический концепт, структура концепта, виртуальная коммуникация, метафорическая модель, немецкий язык.

Цитирование. Иванова М. А. Концепт Freundschaft (Дружба) в виртуальной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 99–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.9>

Введение

Интернет как особый инструмент общения, по словам А.В. Анищенко, «является источником новых форм коммуникативного поведения, что требует создания новых языковых средств передачи информации или трансформации старых. Изменения в процессах социального взаимодействия и возникновение новых форм коммуникации расширяют представление о традиционных способах реализации концептов» [Анищенко, 2011, с. 15]. В статье на примере концепта Freundschaft (Дружба) изучается влияние виртуальной коммуникации на современный немецкий язык и процессы трансформации и возникновения новых концептов в результате этого влияния.

Дружба всегда рассматривалась как важное социальное взаимодействие, основанное на взаимном доверии и надежности. С развитием социальных сетей, где каждый входящий в список контактов обозначается существительным *Freund* (друг), слово *Freundschaft* (дружба) приобретает новое значение – «дружба в социальных сетях» («Netzfreundschaft»). В работе проанализированы языковые средства, объективирующие концепт Freundschaft в реальной и виртуальной коммуникации. Отношения коммуникантов, построенные в рамках виртуального общения, отличаются от отношений, складывающихся в реальном общении. Их можно представить как концепт Netzfreundschaft (Дружба в социальных сетях). Цель статьи – выяснить, является ли концепт Netzfreundschaft трансформацией концепта Freundschaft или активное использование социальных сетей привело к возникновению нового концепта.

Материал и методы исследования

В данной работе используется лингвокультурный подход, при котором концепт определяется как «сгусток культуры в сознании человека», как «единица ментальности данной культуры» [Аскольдов, 1997, с. 269; Степанов, 2004, с. 40–41]. Представители этого подхода – Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, А. Вежбицкая и др. – утверждают, что вся культура понимается как своего рода комплекс концептов и связей между ними.

В.И. Карасик, опираясь на труды Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров, 2005], отмечает, что «культурный концепт в языковом сознании представлен как многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими... единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими... повторяющиеся фрагменты социальной жизни» [Карасик, 2002, с. 172].

Кроме того, для нашей работы важны результаты исследований Дж. Лакоффа и М. Джонсона по теории когнитивной метафоры, так как «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 27].

По мнению В.И. Карасика, концепт принадлежит сознанию и включает не только описательно-классификационные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики. Ученый выделяет понятийную, предметно-образную и ценностную стороны (составляющие) культурного концепта. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопостави-

тельные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов; предметно-образная составляющая концепта понимается как целостное, обобщенное представление в сознании индивида, которое ассоциируется с каким-либо событием, предметом, качеством; ценностная сторона концепта соотносится со значимостью этого феномена как для индивидуума, так и для коллектива и является определяющей [Карасик, 2002, с. 89–116].

Концепт Freundschaft – один из ключевых концептов культуры [Вежбицкая, 2001]. В данной статье нами рассматриваются трансформации в трех компонентах концептов Freundschaft и Netzfreundschaft на основе анализа объективирующих их языковых средств с учетом специфики виртуальной коммуникации.

Компьютерно-опосредованные формы общения разнообразны. Можно выделить асинхронные формы общения, такие как переписка по электронной почте или обмен мнениями на форумах (где мгновенный ответ не предполагается, поэтому каждое сообщение может быть продумано), и синхронные (точнее, квазисинхронные, где ответ приходит почти незамедлительно), например в системах обмена мгновенными сообщениями или в чатах.

В качестве источника материала избраны синхронные формы виртуальной коммуникации, а именно чат-коммуникации, с появлением и началом активного использования которых лексемы *Freund* и *Freundschaft* приобретают новые значения.

В рамках данной работы под чат-коммуникацией понимается коммуникация в Сети между двумя и более участниками, осуществляемая в реальном времени. Мы придерживаемся точки зрения Ю. Шпитцмюллера, который относит чат к отдельной форме коммуникации, а не к типу текста или типу диалога, так как в чатах встречаются разные типы текста [Spitzmüller, 2005].

С социолингвистической точки зрения, как показано У. Виртом, основной особенностью чатов является то, что письменная форма языка используется для прямой, синхронной коммуникации в рамках определенной ситуации. Чат создан для общения, которое традиционно было устным. Однако коммуникан-

ты, как правило, не вступают в «традиционную устную» коммуникацию непосредственно ни до, ни после общения в чате, ограничиваясь только письменными средствами. Как и телефонный разговор, чат-коммуникация имеет характеристики «временной близости» и «пространственной отдаленности». Однако компьютерно-опосредованная форма общения задает определенные рамочные условия, которые превращают чат в письменный диалог в реальном времени между людьми, находящимися на расстоянии, что создает эффект так называемого «далекого присутствия» (*ferne Anwesenheit*) [Wirth, 2005].

Чат-коммуникация отличается тесной взаимосвязью «письменности» (*Schriftlichkeit*) и «устности» (*Mündlichkeit*). Виртуальное общение осуществляется в форме «полуспонтанной» вторичной письменности (*sekundäre Schriftlichkeit*), когда посредством современных технологий имитируются некоторые характеристики, присущие устной коммуникации [Deppermann, Linke, 2010].

Развитие новых коммуникационных технологий оказывает влияние на язык, прежде всего на язык молодежи. В рамках магистерской диссертации автором были проанализированы языковые средства современного немецкого языка, возникновение которых обусловлено распространением социальных сетей [Иванова, 2019]. С развитием сетевой коммуникации (в блогах, чатах, форумах и социальных сетях) можно говорить о формировании новой разновидности языка – языка социальных сетей (*Netzsprache*). Особенности языка социальных сетей, обусловленные спецификой виртуальной коммуникации, проявляются на всех языковых уровнях.

На лексическом уровне для языка социальных сетей, как и для непосредственно устного общения, характерно активное использование новых лексем из молодежной речи (*Jugendsprache*): *Likegeilheit* «желание, чтобы сообщение (пост) в социальных сетях собрал как можно больше отметок “мне нравится” и “лайк”»; *Emoji-Tourette* «чрезмерное использование эмодзи»; *entfreunden* «удалить из списка друзей»; *rumkumpeln* «чем-то заниматься с друзьями»; *Exting* «закончить отношения с кем-то посредством сообщения в социальных сетях».

В виртуальной коммуникации обнаруживается значительное влияние английского языка на немецкий язык: появляется все больше англицизмов, которые начинают изменяться по правилам немецкой морфологии (например, *autocorrecten* «полагаться на автозамену в смартфоне»; *realliften* «быть оффлайн»; *liken* «отмечать посты в социальных сетях как “мне нравится” и “лайк”»; *whatsappen* «общаться с кем-то в мессенджере WhatsApp»; *Offliner* «человек, который редко и неумело использует новые технологии»).

К графо-лексическим особенностям языка социальных сетей следует отнести сокращения и аббревиатуры, которые выполняют в основном функцию экономии времени и пространства: *OMG (Oh my god)*, *HDL (Hab dich lieb)*, *lol (laughing out loud)*, *BFF (best friends forever)*, *LG (Liebe Grüße)*, *ka (keine Ahnung)*, *cu (see you)*. Для быстрого набора текста часто используется написание с заменой сочетаний нескольких латинских букв на похожие по звучанию цифры и символы, называемое Leetspeak: *m8 (mate)*; *gn8 (gute Nacht)*, *me2 (me too – ich auch)*.

Необходимость быстрого написания сообщения проявляется в редукции звуков / букв: *brauch (brauchen)*; *nich (nicht)*; *nen Sockel (einen Sockel)*; *she'n (sehen)*, редукции, сопровождаемой стяжением слов: *gibt's (gibt es)*; *hassu (hast du)*; *wars (war es)* и т. д. Таким образом, мы, по сути, наблюдаем фонетически записанную разговорную речь: *Kommste etwa auch?*; *Sin noch inna Schule или Noch n schönen Tag!* (Herrich).

Для социальных сетей, как и для устной коммуникации, важным фактором является возможность адекватной трансляции эмоций разными способами: многократным повторением букв в одном слове (*früüüühling*, *kaputtttt*), графическим выделением написанного прописными буквами (*WICHTIGE FRAAAGE*, *HÖR AUF*), использованием нефлексивных форм глагола с астерисками для выделения звукоподражания или описания мимики и жестов: **gähn**, **grummel**, **seufz**, **knuddel**, **kopfkraatz**, **grins**, **liebguck**.

Кроме того, для придания письменной речи более точной экспрессивно-эмоциональной окраски в виртуальной коммуникации часто используются эмодзи (смайлики, эмод-

жи). Их можно отнести к таким средствам письменной коммуникации, которые не являются речевыми единицами, но сопутствуют последним с целью уточнения, конкретизации смысла основного сообщения (Herrich). Помимо этого, эмодзи часто заменяют пунктуационные знаки в онлайн-коммуникации, например точки в предложениях.

Сетевые формы коммуникации создают иллюзию непосредственного общения, несмотря на то, что участники речевого общения в Сети могут находиться на разных континентах, никогда не вступая в непосредственный контакт. Список пользователей, так называемых «друзей», в социальных сетях может содержать сотни человек. Молодежь особенно активно пользуется социальными сетями, строит и поддерживает дружеские отношения «онлайн». В результате складываются доверительные отношения, основанные исключительно на виртуальном общении.

Возникающее в рамках виртуальной коммуникации социальное взаимодействие и его речевое воплощение проанализировано нами с опорой на модель концепта, предложенную В.И. Карасиком. Для того чтобы выявить сходства и различия между дружбой в реальной и виртуальной коммуникации, мы описали понятийную, предметно-образную и ценностную стороны концептов *Freundschaft* и *Netzfreundschaft*.

Материалом для исследования составляющих концепта *Freundschaft* послужили лексикографические источники («Duden Wörterbuch», «DWDS», Dornseiff F. «Der Deutsche Wortschatz nach Sachgruppen»), труды, посвященные анализу и описанию дружбы в немецкоязычной лингвокультуре (Daemmerich H.S., Daemmerich I.G. «Themen und Motive in der Literatur. Ein Handbuch»; Kracauer S. «Über die Freundschaft. Essays»; Pflieger A. «Der erinnerte Freund. Das Thema der Freundschaft in der Gegenwartsliteratur»; Schobin J., Leuschner V., Flick S. «Freundschaft heute. Eine Einführung in die Freundschaftsoziologie»). Для изучения концепта *Netzfreundschaft* использовались лексикографические источники («100 % Jugendsprache 2019», «Glossar zu Social Media»), сообщения в чатах и на форумах (в социальных сетях Facebook, StudiVZ, Twitter, на сайтах YouTube, Wix), находящиеся в открытом доступе,

опубликованные носителями немецкого языка не ранее 2010 г. (не менее 500 сообщений, или 20 000 знаков), статьи в газетах и журналах («Süddeutsche Zeitung», «FOCUS», «ZEIT» и др.), вышедшие не ранее 2010 г. (более 70 статей); немецкоязычная детская и подростковая литература, тематизирующая коммуникацию в виртуальной среде (Kaster A. «K.L.A.R. Ich hab schon über 500 Freunde»; Kreller S. «Schneeriese»).

Результаты и обсуждение

Концепт Freundschaft (Дружба)

Чтобы описать понятийную сторону концепта Freundschaft обратимся к дефиниции слова *Freundschaft* – имени этого концепта. В толковых словарях дается следующее значение существительного *Freundschaft*: «auf gegenseitiger Zuneigung beruhendes Verhältnis von Menschen zueinander» (отношения людей, построенные на взаимной симпатии) (Duden Wörterbuch). Лексема *Freundschaft* имеет в немецком языке положительную коннотацию, что можно показать на примерах атрибутивных связей лексемы: *echte, enge, feste, getreue, herzliche, wahre, unvergängliche, langjährige, tiefe Freundschaft*. Понятийные признаки исследуемого концепта реализуются в синонимическом ряду с доминантой *Freundschaft*: *Vertrautheit, Brüderlichkeit, Brüderschaft, Einigkeit, Harmonie, Intimität, Kameradschaft, Vertraulichkeit, ein Herz und eine Seele* (Dornseiff, S. 284). Таким образом, лексикографические сведения позволяют интерпретировать дружбу как отношения, которые строятся не только на «взаимной симпатии», но и на более глубоких связях, таких как взаимопонимание, привязанность, общность интересов и т. д.

Концепт Freundschaft невозможно представить в виде определенного наглядного образа, однако выделяются следующие модели метафорической концептуализации «дружбы».

Дружба – пространственная близость: *enge Freunde / Freundschaft; eng befreundet sein; sich nahe stehen; durch Freundschaft verbunden sein; untrennbare Freunde; die Bande der Freundschaft*.

Дружба – живой организм: *eine Freundschaft schläft ein; Freundschaft lebt;*

Freundschaft stirbt; starke Freundschaft; dicke Freunde; alte Freundschaft.

Дружба – богатство: *teure Freunde; wertvolle Freundschaft; neue Freunde gewinnen; Freundschaft bewahren; Freundschaft schenken; verlorene Freunde*.

Дружба – хрупкий объект: *zerbrochene Freundschaft; Freundschaft brechen; unverbrüchliche Freundschaft; Freundschaft hat einen Riss bekommen; Freundschaftsbruch; Freundschaft zerreißen*.

Дружба – здание: *feste Freundschaft; in Freundschaft leben; Freundschaft aufbauen; Freundschaft zerstören; Fundament der Freundschaft; Freundschaft befestigen*.

Представленные модели метафорической концептуализации «дружбы» позволяют утверждать, что дружба в немецкоязычной культуре ассоциируется с пространственной близостью, с чем-то нерушимым и ценным. Дружба – это взаимное доверие, готовность прийти на помощь в любую минуту. Друг, как правило, гораздо больше, чем родственник. Друг ассоциируется с защитником или даже ангелом-хранителем.

Фразеологические единицы немецкого языка дают возможность раскрыть ценностную сторону этого концепта.

Дружба познается в беде: *Den Freund erkennt man in der Not. Glück macht Freunde, Unglück prüft. Freundschaft prüft man in Sturm*.

Дружба – процесс, требующий усилий: *Freunde finden, ist leicht; sie behalten, schwer. Freundschaft ist wie Geld, leichter gewonnen als erhalten*.

Дружба – самое ценное сокровище: *Freunde sind über Silber und Gold. Freundschaft ist das halbe Leben*.

Дружба проверяется временем: *Alte Freundschaft währt ewig. Ein alter Freund ist zwei neue wert*.

Дружба противопоставляется деловым отношениям: *In Geschäftssachen hört die Freundschaft auf. Im Spiel gibt es keine Freundschaft*.

Дружба противопоставляется любви: *Freundschaft ist Liebe mit Verstand. Freundschaft ist Liebe ohne Flügel*.

В ходе исследования ценностной стороны концепта нами были учтены работы линг-

вистов, которые рассматривают экспликацию понятия дружбы в произведениях немецкой литературы. Дружба в литературе эпохи Средневековья и Ренессанса связана с близкими, романтическими отношениями (например, в «Ritter Galmy» Йёрга Викрама). В XVIII в. дружба считалась достойной восхищения добродетелью, что нашло отражение в журналах «Der Freund» (1754–1756), «Der Gesellige» (1745–1746). Кроме того, дружба – это и гармония душ, например в произведениях И.В. Гете, Ф. Шиллера, Ф. Шлегеля и др. В XIX в. понятие «дружба» обычно применялось к взаимоотношениям небольшого круга людей, которые отвергали систему ценностей, принятую в обществе (А. Штифтер, В. Раабе) [Daemmrich H.S., Daemmrich I.G., 1995, S. 168–171]. В XX в. дружба как отношения, построенные на доверие и чести, стала подвергаться сомнению. Как отмечает А. Флегер, в произведениях Б. Брехта и А. Дёблина мир показан без надежных, дружественных связей, но в то же время в произведениях, посвященных войне (Э.М. Ремарк, С. Цвейг), воспевался дух товарищества [Pfleger, 2009, S. 216–225].

Отметим, что на протяжении веков тема дружбы оставалась и остается одной из центральных в литературе. И хотя представления о дружбе претерпевают трансформации, неизменным остается ее высокая значимость в немецкоязычной культуре.

Концепт *Netzfreundschaft* (Дружба в социальных сетях)

Понятийная сторона концепта *Netzfreundschaft* отражается в значении существительного *Freund*, которое формулируется как «Nutzer, den man in sozialen Netzwerken zu einer Kontaktliste hinzufügt» (пользователь, который добавлен в список контактов в социальных сетях). В этом значении лексема *Freund* входит в состав большого количества словосочетаний, что можно проиллюстрировать примерами, взятыми из интернет-ресурсов: *die Freundschaft kündigen; den Freund löschen; entfreunden; die Anzeige der Freunde abschalten; Freundschaften schnell und unkompliziert knüpfen; tausend; hunderte virtuelle Freunde (Facebook-Freunde); irgendwelche Facebook-Freunde* и т. д. Лек-

сема *Freund* обнаруживает в языке социальных сетей высокую словообразовательную активность, результатом которой стало возникновение новых лексем (*Face-Freund, Überfreundung, entfreunden, Freundesliste* и др.) и формирование словообразовательного гнезда с корнем *-Freund-*.

Появление ряда синонимов лексемы *Netzfreund* (друг в социальных сетях), которые все более активно используются в языке молодежи и в социальных сетях (например, *Bruh, Brudingo, ChinChillar, mois mate (m8), Süßmo, bae, ABF – allerbeste Freundin, BGF – beste gute Freunde*) (100 % Jugendsprache 2019), демонстрирует границы между реальными и виртуальными друзьями. В разных социальных сетях процессы, связанные с «дружбой», обозначаются по-разному. Согласно исследованиям Т. Ванхоффа, в популярной в Германии социальной сети *StudiVZ* используется термин *Freund*, в немецкоязычной версии *Facebook* употребляются *Freund, Fan, Friends*, в других социальных сетях (*XING, wer-kennt-wer*) можно встретить *Leute, Kontakte* [Wanhoff, 2001].

Реконструкция предметно-образной стороны рассматриваемого концепта свидетельствует о том, что в социальных сетях дружба – это поверхностные отношения. Она ассоциируется со списком контактов, в который включены и близкие родственники, и лучшие друзья, и коллеги по работе, и просто знакомые, при этом удалить или добавить «друга» можно щелчком мыши. В отличие от традиционного представления дружба в социальных сетях не имеет однозначно положительной коннотации, что можно проиллюстрировать следующими цитатами, взятыми из интернет-блогов: *Du kannst 3000 Freunde auf Facebook haben. Ohne Internet bist du allein* (У тебя может быть 3000 друзей в Facebook. Без Интернета ты остаешься один); *Das Internet ist nicht unbedingt ein guter Ort, um Freunde zu finden. Aber ein gutes Hilfsmittel, um die Freundschaften zu pflegen, die man hat* (Интернет – не лучшее место для поиска друзей. Но хорошее средство для поддержания уже имеющихся дружеских отношений); *Sie heißen zwar Freunde, doch viele kennen ihre nicht persönlich: die Kontakte in den sozialen Netzwerken* (Хотя они и называются друзья-

ми, но многие из них не знают друг друга лично: контакты в социальных сетях); *Das Paradox des Internets: Es bringt Menschen näher, die weit entfernt sind und entfernt uns von denjenigen, die nah sind* (Парадокс Интернета: он сближает людей, которые находятся далеко друг от друга, но и отдаляет тех, кто рядом); *Die meisten Freunde auf Facebook kann man mit echten nicht vergleichen, weil man sie gar nicht kennt. <...> Du weißt nie, wie die Menschen aus dem Internet wirklich sind* (Большинство друзей в сети Facebook нельзя сравнить с настоящими друзьями, так как ты их совсем не знаешь. <...> Ты не знаешь, какой человек из Интернета в реальной жизни).

Кроме того, выявленные метафорические модели, концептуализирующие дружбу, показывают, что в виртуальной коммуникации она ассоциируется со списком контактов: *Freundschaft bestätigen, Freunde hinzufügen oder löschen, entfolgen, adden, entfreunden* и т. д. – и может быть представлена такими характеристиками, как большое количество друзей (*zahlreiche oder viele Facebook-Freunde, tausend, dutzende, hunderte virtuelle Freunde*), легкость начала дружеских отношений (*Freundschaften schnell und unkompliziert knüpfen, leicht bekommene virtuelle Freunde*).

Различия ценностных сторон рассматриваемых концептов проявляются в том, как начинается, развивается и заканчивается дружеское взаимодействие. В реальной жизни существует первое приглашение или договоренность, риск столкнуться с незаинтересованностью. Реальная дружба предполагает встречи и расставания, живое общение, искренний обмен впечатлениями, представлениями о жизни. Окончание же дружбы обычно связано с серьезным конфликтом. В социальных сетях все устроено проще. Полностью отсутствует интимность дружбы, поскольку в интернет-коммуникации пользователь имеет дело не с реальным человеком, а с его образом, часто не имеющим отношения к реальности. Абсолютно незнакомого человека можно добавить или удалить из списка друзей.

Концепт *Netzfreundschaft* находит свое отражение в современной детской и подростковой литературе. Так, в ориентированном на

читателей-подростков романе С. Креллер «Снежный великан» (Kreller S. «Schneeriese») рассказывается история двух лучших друзей, один из которых (Адриан) не зарегистрирован в социальной сети Facebook. В одном из диалогов друзья говорят о том, что, если Адриан зарегистрируется, они смогут наконец-то быть «друзьями»: – *Meld dich doch auch an, wir könnten uns **anfreunden**, das wär doch was, wenn wir endlich mal **Freunde** wären! – **Elektrofreunde**, nein danke! <...> – Okay... Dann eben keine **Freunde*** (Kreller, S. 30).

Приведем еще один пример, раскрывающий понятие дружбы в социальных сетях. Он взят из романа А. Кастера «У меня уже более 500 друзей» (Kaster A. «Ich hab schon über 500 Freunde!»), рассказывающего историю девочки, у которой мало друзей в школе, но после регистрации в социальной сети Facebook ее круг «друзей» увеличивается в сотни раз. Феномен «дружба в социальных сетях» в романе раскрывается в следующем диалоге: – *Und was ist mit **neuen Freunden**? – Meinst du Facebook oder **in echt**? – Beides! – Bei Facebook ein paar. Und in meiner neuen Schule auch* (Kaster, S. 117).

В приведенных диалогах подростки проводят границу между реальными и виртуальными друзьями, но при этом интернет-друзья обозначаются словом *Freund*, что подчеркивает отсутствие различий между двумя феноменами на лексическом уровне.

Выводы

Итак, можно утверждать, что развитие и активное использование социальных сетей привело к возникновению нового концепта *Netzfreundschaft* (Дружба в социальных сетях). Ядро этого концепта образовано лексемами *Freund* (друг) и *Freundschaft* (дружба), однако его понятийное, предметно-образное и ценностное наполнение отличается от наполнения концепта *Freundschaft*.

Понятийная составляющая концепта *Netzfreundschaft* эксплицируется лексически единицами *Freund* и *Freundschaft* в новых значениях. Для номинации новых явлений возникают лексемы и словосочетания (*entfreunden, Überfreundung, Freundschaft kündigen*), которые или не были ранее пред-

ставлены в лексико-семантической системе языка, или получили новые значения под влиянием виртуальной коммуникации. Отличия, связанные с возникновением новых по отношению к концепту *Freundschaft* метафорических моделей и ассоциаций, характеризуют предметно-образную сторону концепта *Netzfreundschaft*. Иная по сравнению с концептом *Freundschaft* вербализация процессов зарождения, развития и завершения дружеских отношений как виртуального контакта находит свое отражение в ценностной стороне концепта *Netzfreundschaft*. Кроме того, ценностная составляющая концепта *Netzfreundschaft* эксплицируется в современной художественной литературе.

Итак, в результате проведенного исследования мы можем утверждать, что в немецкой лингвокультуре сформирован новый концепт *Netzfreundschaft*, в основе которого лежит метафорический перенос из области источника «*Freundschaft*» на область цели «*Netzfreundschaft*», проявляющийся в том, что единицы лексико-семантического поля «*Freundschaft*» используются в новом поле «*Netzfreundschaft*». Этот перенос привел к формированию метафорической модели «*Internetnutzer als Freund*» (Пользователь социальных сетей как друг).

Формирование нового концепта *Netzfreundschaft* можно рассматривать как пример эволюции современного языка под влиянием сетевых коммуникаций. Технологическое развитие ведет к социокультурным изменениям коммуникации (трансформируются форматы взаимодействия субъектов, смещается граница приватного и публичного и т. д.). Вместе с языком меняется и процесс коммуникации, и коммуникативный опыт субъекта.

В заключение следует подчеркнуть, что процесс языковых и ментальных изменений под влиянием виртуальной коммуникации еще не завершен. В настоящее время виртуальная коммуникация быстро развивается, количество активных пользователей социальных сетей неуклонно растет, поэтому естественно предположить, что и многие другие базовые концепты будут трансформироваться под влиянием виртуальной коммуникации, а это в свою очередь потребует лингвистического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анищенко А. В., 2011. О некоторых особенностях реализации эмоциональных концептов в компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 624. С. 15–22.
- Аскольдов С. А., 1997. Концепт и слово // Русская словесность : От теории словесности к структуре текста : Антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М. : Academia. С. 267–279.
- Вежбицкая А., 2001. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Яз. слав. культуры. 288 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 2005. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М. : Индрик. 1037 с.
- Иванова М. А., 2019. Концепт «ДРУЖБА» в виртуальной коммуникации : [дис. магистра лингвистики]. М. 95 с.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М., 2004. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС. 256 с.
- Степанов Ю. С., 2004. Константы : Словарь русской культуры. М. : Акад. проект. 824 с.
- Daemmrich H. S., Daemmrich I. G., 1995. Themen und Motive in der Literatur. Ein Handbuch. Tübingen ; Basel : Francke Verlag. 348 S.
- Deppermann A., Linke A., 2010. Einleitung : Warum “Sprache intermedial”? Berlin : Walter de Gruyter. 492 S.
- Kracauer S., 1971. Über die Freundschaft. Essays. Berlin : Suhrkamp. 105 S.
- Pfleger A., 2009. Der erinnerte Freund. Das Thema der Freundschaft in der Gegenwartsliteratur. Würzburg : Verlag Königshausen & Neumann GmbH. 243 S.
- Schobin J., Leuschner V., Flick S., 2016. Freundschaft heute. Eine Einführung in die Freundschaftsoziologie. Bielefeld : Transcript Verlag. 232 S.
- Spitzmüller J., 2005. Spricht da jemand? Repräsentation und Konzeption in virtuellen Räumen // Aktualnije problemi germanistiki i romanistiki / hrsg. von G. Kramorenko. Smolensk : SGPU. Bd. 9/I, S. 33–56. URL: <http://www.spitzmueller.org/docs/chat-05.pdf>.
- Wanhoff T., 2001. Wa(h)re Freunde. Wie sich Unsere Beziehungen in Sozialen Online-Netzwerken verändern. Heidelberg : Spektrum Akademischer Verlag. 259 S.
- Wirth U., 2005. Chatten. Plaudern mit anderen Mitteln // Webspraache.net : Sprache und Kommunikation im Internet (Linguistik – Impulse & Tendenzen) / hrsg. von T. Siever, P. Schlobinski, J. Runkehl. Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 2005. Bd. 10, S. 67–84.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- 100 % Jugendsprache 2019 – 100 % Jugendsprache 2019. München : Langenscheidtadden GmbH&Co. KG 2019. 156 S.
- Dornseiff – Dornseiff F. Der Deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin : Walter de Gruyter, 2004. 933 S.
- Duden Wörterbuch – Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Freundschaft> (date of access: 25.09.2019).
- DWDS – DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/Freundschaft> (date of access: 25.09.2019).
- Herrich – Herrich P. LOL, BFF, Grummel – Wie die sozialen Netzwerke unsere Sprache verändern und welcher “Stilmittel” wir uns bedienen // Netzgeflüster. 2014. URL: <http://blogs.hmkw.de/netzgefluester/?p=6442> (date of access: 25.09.2019).
- Kaster – Kaster A. K.L.A.R. Ich hab schon über 500 Freunde. Mülheim an der Ruhr : Verlag an der Ruhr, 2012. 112 S.
- Kreller – Kreller S. Schneeriese. Hamburg : Carlsen Verlag GmbH, 2014. 208 S.

REFERENCES

- Anishchenko A.V., 2011. O nekotorykh osobennostyakh realizatsii emotsionalnykh kontseptov v kompyuterno-oposredovannoy kommunikatsii [Peculiarities of Representation of Emotional Concepts in Computer Communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], no. 624, pp. 15-22.
- Askoldov S.A., 1997. Kontsept i slovo [Concept and Word]. Neroznak V.P., ed. *Russkaya slovesnost: Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya* [Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of the Text. An Anthology]. Moscow, Academia Publ., pp. 267-279.
- Vezhbitskaya A., 2001. *Ponimanie kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures Through Their Key Words]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 288 p.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G., 2005. *Yazyk i kultura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and Culture: Three Linguocultural Theories: Lexical Background, Speech and Behavioral Tactics and Sapientems]. Moscow, Indrik Publ. 1037 p.

- Ivanova M.A., 2019. *Kontsept «DRUZhBA» v virtualnoy kommunikatsii: [dis. magistra lingvistiki]* [Concept “FRIENDSHIP” in Virtual Communication. Masters Thesis]. Moscow. 95 p.
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Person, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Lakoff Dzh., Dzhonson M., 2004. *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS Publ. 256 p.
- Stepanov Yu.S., 2004. *Konstanty: Slovar russkoy kultury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd edition. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. 824 p.
- Daemmrich H.S., Daemmrich I.G., 1995. *Themen und Motive in der Literatur. Ein Handbuch. Die 2. Auflage*. Tübingen, Basel, Francke Verlag. 348 S.
- Deppermann A., Linke A., 2010. *Einleitung: Warum “Sprache Intermedial”?* Berlin, Walter de Gruyter. 492 S.
- Kracauer S., 1971. *Über die Freundschaft. Essays*. Berlin, Suhrkamp. 105 S.
- Pfleger A., 2009. *Der erinnerte Freund. Das Thema der Freundschaft in der Gegenwartsliteratur*. Würzburg, Verlag Königshausen & Neumann GmbH. 243 S.
- Schobin J., Leuschner V., Flick S., 2016. *Freundschaft heute. Eine Einführung in die Freundschaftssoziologie*. Bielefeld, Transcript Verlag. 232 S.
- Spitzmüller J., 2005. Spricht da jemand? Repräsentation und Konzeption in virtuellen Räumen. Kramorenko G., Hrsg. *Aktualnije Problemi Germanistiki i Romanistiki*. Smolensk, SGPU. Bd. 9/1. S. 33-56. URL: <http://www.spitzmueller.org/docs/chat-05.pdf>.
- Wanhoff T., 2001. *Wa(h)re Freunde. Wie sich Unsere Beziehungen in Sozialen Online-Netzwerken verändern*. Heidelberg, Spektrum Akademischer Verlag. 259 S.
- Wirth U., 2005. Chatten. Plaudern Mit Anderen Mitteln. Siever T., Schlobinski P., Runkehl J., Hrsg. *Websprache.net : Sprache und Kommunikation im Internet (Linguistik – Impulse & Tendenzen)*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, Bd. 10. S. 67-84.

SOURCES AND DICTIONARIES

- 100 % Jugendsprache 2019. München, Langenscheidtadden GmbH&Co. KG, 2019. 156 S.
- Dornseiff F. *Der Deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 8. Auflage*. Berlin, Walter de Gruyter, 2004. 933 S.

Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Freundschaft> (accessed 25 September 2019).

DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/Freundschaft> (accessed 25 September 2019).

Herrich P., 2014. LOL, BFF, Grummel – Wie die Sozialen Netzwerke Unsere Sprache Verändern und Welcher

“Stilmittel” Wir uns Beienen. *Netzgeflüster*. 2014. URL: <http://blogs.hmkw.de/netzgefluester/?p=6442> (accessed 25 September 2019).

Kaster A., 2012. *K.L.A.R. Ich hab Schon über 500 Freunde*. Mülheim an der Ruhr, Verlag an der Ruhr. 112 S.

Kreller S., 2014. *Schneeriese*. Hamburg, Carlsen Verlag GmbH. 208 S.

Information About the Author

Maria A. Ivanova, Postgraduate Student, Lecturer, Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38-1, 119034 Moscow, Russia, mashaliva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6849-0614>

Информация об авторе

Мария Александровна Иванова, аспирант, преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38-1, 119034 г. Москва, Россия, mashaliva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6849-0614>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.10>

UDC 811.161.1:025.4
LBC 81.411.2-003

Submitted: 19.06.2019
Accepted: 28.04.2020

RUSSIAN PAREMIAS AND THE MECHANISMS OF HUMAN THINKING (THE EXPRESSION OF GENERALIZED VALUE)

Natalia A. Potapova

Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia

Daria A. Shchukina

Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. In the article proverbs and sayings reflecting the scope of human knowledge about the surrounding world are characterized as the material that allows to investigate cogitative processes of the native speaker. The structural and substantial features of paremias are considered, which makes it possible to use proverbs and sayings as a diagnostic tool in studying the thesaurus, peculiarities of person's psyche; in identification and investigation of disorders in operational side of thinking in psychology, pathopsychology and pedagogy. Russian paremias recorded in the National corpus of the Russian language, which were used in psychological tests to study the level of thinking, were analyzed. The results of the questionnaire survey of students of technical and humanitarian specialization, which reflect the thesaurus, the level of judgment, the development of logical thinking and intelligence, cultural values, individual knowledge and preferences of native speakers of modern Russian language are described. It is concluded that, on the basis of recipients' comprehension of generalized meaning of Russian paremias, which reflects the ability to perceive and highlight generalized conclusions about the typical life situation, it is possible to investigate the specificity of thinking of native speakers, caused by mental peculiarities, selectivity of memory mechanisms, the level of logical thinking and intelligence, and also the degree of formation of linguistic, cultural and professional competence of a modern Russian language native speaker.

Key words: paremia, thinking, psychology, generalized meaning, thesaurus, National corpus of the Russian language.

Citation. Potapova N.A., Shchukina D.A. Russian Paremias and the Mechanisms of Human Thinking (The Expression of Generalized Value). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 109-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.10>

УДК 811.161.1:025.4
ББК 81.411.2-003

Дата поступления статьи: 19.06.2019
Дата принятия статьи: 28.04.2020

РУССКИЕ ПАРЕМИИ И МЕХАНИЗМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ (ВЫРАЖЕНИЕ ОБОБЩЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ)

Наталья Александровна Потапова

Санкт-Петербургский горный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Дарья Алексеевна Щукина

Санкт-Петербургский горный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье актуальные пословицы и поговорки, отражающие базу человеческих знаний об окружающем мире, охарактеризованы как материал, который позволяет исследовать мыслительные процессы носителя языка. Рассмотрены структурные и содержательные особенности паремий, дающие возможность применять пословицы и поговорки в качестве диагностического инструмента при описании тезауруса, психики индивидуума, выявлении и изучении нарушений операционной стороны мышления в психологии, патопсихологии и педагогике. Проведен анализ русских паремий, использованных в психологических тестах по определению уровня мышления и зафиксированных в Национальном корпусе русского языка. Представлены результаты анкетного опроса студентов технического и гуманитарного профилей обучения, отражающие тезаурус, уровень суждения, развития логического мышления и интеллекта, культурные ценности, индивидуальные знания и предпочтения носителей современного русского языка. Сделан вывод о том, что на основе понимания реципиентами обобщенного значения русских паремий, которое отражает способность к обобщению типичных жизненных ситуаций, можно исследовать специфику мышления носителей языка, обусловленную психическими особенностями, избирательностью механизмов памяти, уровнем логического мышления и интеллекта, а также степенью сформированности языковой, общекультурной и профессиональной компетенций современного носителя русского языка.

Ключевые слова: паремия, мышление, психология, обобщенное значение, тезаурус, Национальный корпус русского языка.

Цитирование. Потапова Н. А., Щукина Д. А. Русские паремии и механизмы человеческого мышления (выражение обобщенного значения) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 109–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.10>

Введение

Основным в исследовании является вопрос о восприятии действительности, характерном для носителей конкретного языка, о соотношении мыслимого мира человека и реальности, языкового знака и реальности. Еще В. фон Гумбольдт отмечал, что объективное знание невозможно, так как между человеком и реальностью стоит третий мир – мир языка, фактически определяющий реальность, которая дана человеку [Гумбольдт, 2000].

Материалом для изучения послужили русские паремии. Паремии рассматриваются в лингвистике как единицы фразеологии (В.Т. Бондаренко, В.Н. Телия), краткие и образные единицы фольклора (В.П. Аникин, А.Н. Мартынова, Г.Л. Пермяков), афоризмы народного происхождения (Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов, З.К. Тарланов). К паремиям прежде всего относятся пословицы и поговорки, поскольку они выражают культурные стереотипы, базовые ментальные представления конкретного этноса о мире. В.М. Мокиенко отмечает, что древнерусское слово *пословица* было многозначным: оно характеризовало и любой словесный договор, и соглашение между отдельными людьми, и «соумышление», и

вообще – согласие, мир. Одним из значений было и «краткое выразительное изречение, иносказание, сентенция» [Мокиенко, 2015, с. 7]. Пословица – суждение, обобщенный вывод о типичной жизненной ситуации – характеризует типичное лицо или явление. Поговорка, согласно определению Н.Н. Семенов и Н.Ф. Алефиренко, служит «средством стереотипизации образной номинации денотатов быденного сознания» [Семенов, Алефиренко, 2010]. По мнению исследователей, в основе образования пословиц и поговорок лежит категоризация – механизм креативного речемышления человека, основанный на сравнении объектов действительности, определении их сходства и метонимизации. Выступая в виде лаконичного мини-текста, пословицы и поговорки выражают комплекс базовых ценностей русской национальной культуры, отражая понятие об одном фрагменте окружающей действительности через сравнение, противопоставление с другими ее фрагментами. Такой способ презентации значения позволяет широко посмотреть на действительность, дать обобщенную оценку человеку, его действиям и поступкам. А.Н. Мартынова, в частности, отмечает, что пословицы представляют собой явления мысли, языка и искусства, а по-

говорки делают речь красочной, выразительной и яркой (Пословицы..., с. 6–9).

С нашей точки зрения, русские поговорки (пословицы и поговорки) – народные изречения, характеризующиеся устойчивостью, емкостью, структурными и семантическими особенностями, обобщенным значением, в котором заключен богатый опыт русского народа, и значимостью в языке и речи. Они содержат базовые сведения об основных ценностях национальной культуры, об общественных идеалах, отношении к жизни, истории, естественной природе, человеку, обществу, событиям и явлениям окружающей действительности, об особенностях человеческого сознания. Специфика поговорок заключается в их двуплановой структуре, что позволяет использовать их в разнообразных ситуациях общения.

Пословицы и поговорки – это высказывания, раскрывающие предметный мир, окружавший человека в разное время, в связи с чем поговорки соотносятся с определенным набором абстрактных объектов действительности, осознание и понимание которых является важным для культурной сферы.

Определяя природу поговорок как знаков ситуации, Г.Л. Пермяков отмечал, что главный смысл изречений заключен в инвариантной паре, под которой понимается абстрактный элемент, состоящий из двух противоположных сущностей, образующих значение изречений. Оно универсально, поэтому может относиться к нескольким поговоркам, что позволяет классифицировать их по смыслу и значению [Пермяков, 1988]. Абстрактные языковые единицы представляют собой обобщенные образы реальной действительности, так называемые сущности предметного мира, воспроизводимые в текстах поговорок. Например, поговорка часто выражает ряд понятий, лексически не представленных в ее структуре: *Нашла коса на камень* (обман; воля); *Под лежащий камень и вода не течет* (труд; жизнь – деяние; жизнь – прозябание; время; забота – опыт; путь – дорога; родина – чужбина).

Отражая народное миропонимание, богатый комплекс культурных смыслов, поговорки и поговорки выполняют дидактическую и прагматическую функции, способствующие формированию в смысловой структуре поговорок культурно-этнических ценностей. Г.Л. Пер-

мяков выделяет семь прагматических функций: 1) моделирующую функцию, демонстрирующую модель какой-либо жизненной ситуации; 2) поучительную, раскрывающую картину мира; 3) прогностическую; 4) магическую; 5) орнаментальную, придающую фразе яркость и выразительность; 6) негативно-коммуникативную, отражающую возможность для говорящего с помощью поговорок уйти от ответа; 7) развлекательную [Пермяков, 1975, с. 254–255]. С.В. Сидорков, который также занимался изучением прагматических функций поговорок, отмечал констатирующую, регулятивную, метаязыковую и экспрессивную функции поговорок [Сидорков, 2003].

Проводя исследование в рамках когнитивного направления в современной поговорковедении, Н.Н. Семенов указывает на необходимость выделения понятия «когнитивно-денотативное пространство» русской поговорок, понимая его как систему обобщенных образов жизненных реалий, описываемых поговоркой. В ее работах подчеркивается способность поговорок отражать систему понятий, важных для каждой этнической культуры, ментальные особенности, определяющие стереотипы национального мышления [Семенов, 2008, с. 75–76]. Обобщенность эксплицируется в структуре поговорок. Так, внутренняя форма русских поговорок позволяет выделить обобщенное значение, которое возникает вследствие семантических изменений слов-компонентов, утративших референцию, а также в связи с использованием в поговорке разных тропов. Большинство русских поговорок не содержит слов с конкретной референцией (личные имена, местоимения и прилагательные), которые указывают на конкретную ситуацию и точное время действия. При этом слова-компоненты, входящие в некоторые поговорки, обозначают лицо, однако оно не конкретное, а типичное: *Богатый не золото ест, а бедный не камень гложет; Голодный откусил бы и камня*. В поговорках указание на лицо может осуществляться с помощью глаголов, для которых не характерна референция: *Не умел шить золотом, так бей молотом; Железо уваришь, а злая жена не угорит; Что написано пером, того не выробишь топором; Хочешь есть калачи, не сяди на печи; За недобрый пойдешь, на*

беду набредешь. З.К. Тарланов указывает на два важных признака обобщенного значения пословицы: отсутствие указания на конкретное лицо, выполняющее действие, и наличие указания на конкретное время действия [Тарланов, 1999, с. 44].

Возможность выразить обобщенное значение обусловлено и тем, что организация содержания и объективация предметно-событийной основы паремий осуществляется посредством метафоры, олицетворения, сравнения и градации. Так, в паремии *Ржа ест железо, а беда – сердце* процесс ржавления железа в результате олицетворения соотносится с физическим и эмоциональным состоянием человека, которое он испытывает в минуты несчастья. Будучи средством образования новых значений, метафора в пословицах и поговорках способна выразить какие-либо понятия, не имеющие семантической связи со словами-компонентами паремий. Данный факт отмечаем в пословицах и поговорках, раскрывающих логику событий: *Время дороже золота; Вода и камень долбит; С камня лык не надерешь; Заря золотом осыплет; Слово – серебро, а молчанье – золото; Думой камня с пути не своротишь*. В смысловой структуре данных паремий отражается желание человека познать суть фактов и явлений через привычные и понятные метафорические образы окружающей действительности.

Именно в силу обобщенности выражаемого значения паремии могут рассматриваться как важная характеристика тезауруса носителей языка, показатель уровня владения языком, осознания национальных стереотипов, развития логического мышления и речи.

Выявление особенностей восприятия и понимания русских паремий – один из эффективных способов исследования в рамках психологии и психологии уровня и целенаправленности мышления, развития речевых процессов, умения понимать и использовать глубинный переносный смысл устойчивых выражений. Например, А.А. Моисеева описывает метод применения пословиц при изучении психики и личности человека, основанный на многогранности русских паремий, в которых раскрываются черты человеческой личности, сложность характера и особенности поведения [Моисеева, 2013; 2014].

Человеческое мышление выступает как отражение действительности, как результат усвоения и использования определенных знаний, накопленных с годами. Т.С. Зевахина подчеркивает, что в процессе понимания устойчивого высказывания семантический мир осмысливается человеком на основе образа реальной жизненной ситуации, которая соответствует типу вербальной метафоры [Зевахина, 2002]. Психологи И.В. Дубровина и О.Н. Арестова рассматривают русские паремии как способ изучения механизмов человеческого мышления, выявляя причины неполного или искаженного понимания и интерпретации смысловой структуры пословиц и поговорок.

Благодаря тому, что паремии способны отражать обобщенное значение, они активно используются психологами при изучении особенностей человеческого мышления. Так, И.В. Дубровина обращается к пословицам с целью описания познавательной деятельности и индивидуально-психологических особенностей младших школьников [Дубровина, 1975]. О.Н. Арестова, исследуя искажение в понимании и толковании русских пословиц, зависящее от эмоционального фона, характеризует трансформации мышления современного человека. В паремиях реализуется возможность человеческого мышления переходить от общих представлений к определенной ситуации и подводить конкретный жизненный случай к общему значению [Арестова, 2007].

Многие отечественные и зарубежные ученые (Л.С. Выготский, Б.В. Зейгарник, Ж. Пиаже, К. Шнейдер, Э. Гадлих, К. Гольдштейн) изучали понимание людьми с заболеваниями центральной нервной системы переносного смысла пословиц и метафор, подчеркивали связь между осознанием переносного значения и степенью образования понятий, а также показывали, что люди с нарушением мышления не способны определить обобщенное значение паремий, отвлечься от конкретных характеристик предметов, прямого содержания, осознать условность задания, передать переносный смысл.

Учитывая указанные возможности паремий, мы определили целью данной работы выявление актуальных русских паремий, выражающих обобщенное значение, на основе которых можно исследовать тезаурус, а также мыслительные процессы современного носителя языка.

Материал и методы исследования

Отбор материала исследования производился с применением метода направленной выборки пословиц и поговорок из психологических тестов, работ в области педагогической психологии. Универсальность отобранных поговорок проверена с использованием данных Национального корпуса русского языка.

Существует большое количество разнообразных тестов, позволяющих определить уровень мышления и интеллектуальной адекватности людей разных возрастов, профессий и предполагающих объяснение переносного смысла метафор или пословиц (см., например: (ПостНаука)). Так, психолог О.Н. Арестова, исследуя уровень мышления на основе анализа понимания переносного смысла поговорок испытуемыми, общающимися в социальных сетях, говорит о низком уровне понимания поговорок в современном обществе, что указывает на глобальные изменения человеческого мышления [Арестова, 2006].

В области возрастной и педагогической психологии отметим экспериментальное исследование, представленное в диссертационной работе Н.В. Асафьевой «Психологические особенности понимания произведений фольклора детьми младшего школьного возраста», цель которого заключалась в изучении процесса осознания и интерпретации пословиц и сказок младшими школьниками, в выявлении психологических особенностей процесса понимания [Асафьева, 1998]. Педагоги отмечают, что разнообразные тематические группы русских поговорок можно использовать при работе с детьми в логопедической группе, что является эффективным способом развития логического мышления, формирования речемыслительной деятельности, расширения тезауруса и обучения пониманию пословиц и поговорок (см., например: (Открытый урок)).

Применяемые в рассмотренных психологических, педагогических тестах и психологическом эксперименте поговорки (*Куй железо, пока горячо; Не все то золото, что блестит; Тише едешь – дальше будешь; Любишь кататься – люби и*

саночки возить; Не в свои сани не садись) зафиксированы в основном, газетном и устном корпусах НКРЯ. В художественных и публицистических произведениях XIX–XXI вв. выявлено 29 контекстов с поговоркой *Куй железо, пока горячо*, например: *Куй железо, пока горячо – учит народная мудрость* (Владимир Линц. Стальные узоры // «Техника – молодежи», 1975)¹; *Из-за возможности получить материальную поддержку произошло сокращение активного периода репродукции: семьи реализовали свои планы раньше, чем хотели, по принципу «куй железо, пока горячо», – предупреждает Белобородов* (Форум: 10 поводов для гордости // «Русский репортер», 2012). В текстах XX–XXI вв. поговорка *Куй железо, пока горячо* определяется авторами как народная мудрость, как жизненные принципы людей конкретной эпохи, что характеризует их мышление и мировоззрение.

В художественных и публицистических текстах XX–XXI вв. основного корпуса НКРЯ *Слово – серебро, (а) молчание – золото* также определяется авторами текстов как «народная мудрость», «вечная истина», известное изречение, которое содержится в памяти людей, отражая оценку действий и поступков в разных жизненных ситуациях, например: *Воистину, наиболее безопасная форма присутствия служивых доцентов и докторов наук в Сети – умудренное молчание. И вообще, «слово серебро, молчание золото». Следует ли этой народной мудрости кто-нибудь из сетевых завсегдаев?* (Валерий Сердюченко. Личное. 2003 // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.08.04).

Работа с базой текстов основного корпуса НКРЯ показала, что русские поговорки активно употребляются во многих произведениях различной жанрово-стилистической и временной принадлежности, в заголовках статей, что отражает их воспроизводимость в речи, глубокое понимание их смысла и отнесение к базовым знаниям, составляющим русский тезаурус, определяет языковую и общекультурную компетенцию носителя языка. Приведем примеры: *Про упрямых говорят: «Нашла коса на*

камень» (Леонид Яхнин. Слова знакомые и незнакомые: Метафоры // «Мурзилка», 2002); *Решение принято – надо работать. Под лежащий камень вода не течет. «Помирать, дочурка, собирайся, а поле сей...»* (Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)).

В газетном и устном корпусах НКРЯ находим универсальные пословицы *Куй железо, пока горячо; Не все то золото, что блестит; Сердце не камень; Нашла коса на камень; Без труда не вытащишь и рыбку из пруда; Тише едешь – дальше будешь*, отражающие общеизвестные истины, правила поведения в разных жизненных ситуациях и эксплицирующие тезаурус носителя языка: «*Куй железо, пока горячо*», – сказал своей команде мэр Илич, и она, чтобы не затягивать события, с ходу снесла бульдозером вход в телецентр (Бородич Виктор. Революция с запахом гари и французских духов // Труд-7, 2000.10.12); *Сердце не камень, и грудной ребенок с голодными глазами вызывает законную жалость* (Павел Садков. Московские бродилки: Отдай копейку крокодилу! // Комсомольская правда, 2006.12.18).

Таким образом, паремии *Куй железо, пока горячо; Не все то золото, что блестит; Слово – серебро, молчание – золото; Под лежащий камень и вода не течет; Без труда не вытащишь и рыбку из пруда; Нашла коса на камень; Тише едешь – дальше будешь* и др., выделенные в большом количестве текстов НКРЯ, отражающие русский тезаурус, динамику личностных процессов, включены в анкету для опроса с целью определения уровня суждения, развития мышления и интеллекта современного носителя языка.

Важно подчеркнуть, что паремии, выбранные для проведения анкетного опроса, являются актуальными, универсальными и прецедентными, отражают базовые культурные ценности русского народа и позволяют судить о когнитивных механизмах, характерных для человеческого сознания.

Результаты и обсуждение

В анкетном опросе приняли участие 48 студентов, 24 студента первого курса нефтегазового факультета Санкт-Петербургско-

го горного университета и 24 студента филологического факультета Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Ограниченное число респондентов объясняется тем, что данный опрос проводился в качестве пилотного эксперимента, определяющего особенности работы человеческого мышления. Респондентам технического и гуманитарного профилей обучения было предложено дать толкование актуальных паремий *Куй железо, пока горячо; Не все то золото, что блестит; Правда дороже золота; На одном месте лежа и камень мхом обрастает; Нашла коса на камень; Слово – серебро, молчание – золото*. В приведенной ниже таблице представлены общие результаты понимания обобщенного значения исследуемых русских паремий.

Респонденты обоих профилей обучения раскрыли обобщенное значение таких паремий, как *Куй железо, пока горячо; Не все то золото, что блестит; Правда дороже золота; На одном месте лежа и камень мхом обрастет; Сказанное слово – серебро, несказанное золото*, что характеризует содержание тезауруса и способность современного носителя русского языка определять глубинный (имплицитный) смысл паремий, применяемых в различных жизненных ситуациях.

Данные таблицы также иллюстрируют, что многие респонденты гуманитарного профиля обучения (37,5 %), в отличие от студентов технического профиля обучения, не выявили обобщенного значения паремии *Нашла коса на камень*, что отражает низкий уровень суждения, зависящий, по-видимому, от степени сформированности языковой, общекультурной и профессиональной компетенций.

Толкование одной из актуальных паремий *Куй железо, пока горячо* студентами технического и гуманитарного профилей демонстрирует способность выделить и описать обобщенное значение, что характеризует содержание тезауруса и уровень логического мышления респондентов (см. рис. 1).

Большинство студентов (91,6 %), получающих техническое образование, верно раскрыли смысловое содержание и описали обобщенное значение пословицы *Куй железо, пока*

Результаты пилотного эксперимента на понимание обобщенного значения поговорок студентами технического и гуманитарного профилей

The results of a pilot experiment on understanding the generalized meaning of proverbs by technical and humanitarian students

Пословица	Студенты технического профиля обучения, %			Студенты гуманитарного профиля обучения, %		
	определившие обобщенное значение поговорок	представившие иные варианты толкования	не определившие значения поговорок	определившие обобщенное значение поговорок	представившие иные варианты толкования	не определившие значения поговорок
<i>Куй железо, пока горячо</i>	91,6	8,2	–	91,6	–	8,3
<i>Не все то золото, что блестит</i>	87,3	12,3	–	87,4	12,5	–
<i>Правда дороже золота</i>	95,8	4,1	–	87,5	–	12,5
<i>На одном месте лежат и камни мхом обрастают</i>	91,6	8,3	–	79,1	16,6	4,1
<i>Нашла коса на камень</i>	70,7	12,3	16,6	49,9	12,3	37,5
<i>Слово – серебро, молчание – золото</i>	91,6	4,1	4,1	79,1	16,4	4,1

Рис. 1. Количественная характеристика ответов студентов технического профиля при толковании смысла поговорок

Fig. 1. Quantitative characteristic of answers of technical students interpreting the meaning of proverbs

горячо – «делать все вовремя, пока есть возможность». Результаты эксперимента показывают, что в сознании респондентов содержится обобщенное значение, закрепленное за данной поговоркой, отражающее окружающую действительность. Небольшое количество респондентов технического профиля обучения (8,2 %) дали иные интерпретации данной поговорки, что подчеркивает ее универсальность и многозначность, то есть возможность употребления в различных жизненных обстоятельствах, а также отражает способность человеческого мышления переходить от об-

щих воззрений к определенной житейской ситуации, связывая конкретный жизненный случай с общим значением. Так, один из студентов технического профиля выделил в поговорке *Куй железо, пока горячо* тему воспитания – «воспитывай детей в раннем возрасте».

Результаты, представленные на второй диаграмме (см. рис. 2), показывают, что большинство студентов гуманитарного профиля обучения (91,6 %) аналогично описали обобщенное значение поговорки *Куй железо, пока горячо*. Важно отметить, что несколько студентов филологического факультета (8,3 %)

Рис. 2. Количественная характеристика ответов студентов гуманитарного профиля при толковании смысла паремии

Fig. 2. Quantitative characteristic of answers of humanitarian students interpreting the meaning of proemia

не смогли раскрыть переносный смысл данной паремии. Кроме того, студенты, получающие гуманитарное образование, не предоставили других интерпретаций пословицы *Куй железо, пока горячо*, что, по-видимому, отражает особенности мышления носителей русского языка, получающих техническое или гуманитарное образование, тезаурус как систему понятий, заложенных в сознании готовых словосочетаний и высказываний.

Таким образом, есть основания предполагать, что способность респондентов технического и гуманитарного профилей обучения определить и описать обобщенное значение одной из актуальных паремий характеризует высокий уровень логического мышления и интеллекта, отсутствие нарушений операционной стороны мышления, раскрывает тезаурус, некоторые черты мировоззрения, менталитета и культурные ценности, а также степень сформированности языковой и общекультурной компетенций современных носителей русского языка.

Заключение

Изложенные в научной литературе факты и их интерпретация позволяют заключить, что осознание и выделение обобщенного значения русских паремий отражают уровень развития мышления, владения языком, знание языковых стереотипов и базовых ментальных представлений, закрепленных в тезаурусе но-

сителя языка. Такие актуальные русские паремии, как *Куй железо, пока горячо*; *Не все то золото, что блестит*; *Нашла коса на камень*; *На одном месте лежа и камень мхом обрастает*; *Слово – серебро, молчание – золото*; *Сердце не камень* и др., могут использоваться в экспериментах с целью изучения когнитивной способности людей, в том числе с нарушением мышления, в разнообразных психологических тестах, раскрывающих динамику личностных процессов, степень суждения, особенности мышления и интеллекта. Паремии – это богатый материал для изучения логического мышления в области педагогики, для экспериментального исследования способности выделения обобщенного значения паремий.

Результаты анкетного опроса, проведенного среди студентов технического и гуманитарного профилей, показали, что через понимание обобщенного значения русских паремий можно исследовать особенности мышления носителей языка, получающих разные специальности. Способность к обобщенным выводам о типичной жизненной ситуации обусловлена психическими особенностями, избирательностью механизмов памяти, уровнем логического мышления и интеллекта, а также степенью сформированности языковой, общекультурной и профессиональной компетенций, которыми обладает современный носитель русского языка.

Тезаурус, характеризующий зафиксированные словесные реакции конкретных респондентов, полученные посредством анкетирования, отражает субъективность видения и осознание словесных связей, национальных стереотипов, а также уровень логического мышления и владения языком. Перспективным представляется изучение механизмов сознания и личного языкового тезауруса носителя языка с опорой на результаты анкетирования широкой аудитории респондентов разных возрастных групп и специальностей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹Здесь и далее приводятся примеры, извлеченные из НКРЯ. Ссылки на источник даны в том виде, в каком они представлены в НКРЯ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арестова О. Н., 2006. Аффективные искажения в понимании пословиц // Вопросы психологии. № 1. С. 83–93.
- Арестова О. Н., 2007. Диагностика мотивационного конфликта личности с помощью метода пиктограмм // Вопросы психологии. № 2. С. 161–170.
- Асафьева Н. В., 1998. Психологические особенности понимания произведений фольклора детьми младшего школьного возраста : дис. ... канд. психол. наук. СПб. 152 с.
- Гумбольдт В. фон, 2000. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс. 400 с. URL: https://royallib.com/read/gumboldt_vilgelm/94_izbrannie_trudi_po_yazikoznaniyu.html#0 (дата обращения: 20.04.2019).
- Дубровина И. В., 1975. Об индивидуальных особенностях школьников. М. : Знание. 75 с.
- Зевахина Т. С., 2002. Метафора мертвая и метафора живая: экспериментальный подход к паремииологии дунганского и китайского языков // «Диалог. 2002» : тр. Междунар. семинара (Протвино, 6–11 июня 2002 г.). М. : Наука. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/zevakhina/>.
- Моисеева А. А., 2013. Психологические возможности метода пословиц в исследовании психики и личности человека // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Т. 2, № 74. С. 85–88.
- Моисеева А. А., 2014. Использование пословиц и поговорок русского народа в психологической

науке // Вестник Новгородского государственного университета. № 77. С. 230–232.

- Мокиенко В. М., 2015. Аспекты исследования славянской паремииологии // Паремииология в дискурсе : Общие и прикладные вопросы паремииологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О. В. Ломакиной. М. : Ленанд. С. 4–25.
- Пермяков Г. Л., 1975. К вопросу о структуре паремииологического фонда // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. памяти В.Я. Проппа / редкол.: Д. А. Ольдерогге (пред.) [и др.]. М. : Наука. С. 247–274.
- Пермяков Г. Л., 1988. Основы структурной паремииологии. М. : Наука. 235 с.
- Семененко Н. Н., 2008. Прагматический подход к описанию когнитивно-денотативных ситуаций русских паремий // Вестник Вятского государственного университета. № 2 (2). С. 75–81.
- Семененко Н. Н., Алефиренко Н. Ф., 2010. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. Т. 85, № 6, ч. 2. С. 169–180.
- Сидорков С. В., 2003. Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса. Ростов н/Д : Изд-во СКННЦ ВШ. 214 с.
- Тарланов З. К., 1999. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск : [б. и.]. 448 с.

ИСТОЧНИКИ

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.04.2019).
- Открытый урок – Открытый урок. Первое сентября : пед. форум. URL: <https://urok.1sept.ru> (дата обращения: 19.04.2019).
- Пословицы... – Мартынова А. Н., Митрофанова В. В. Пословицы, поговорки, загадки. М. : Современник, 1986. 512 с.
- ПостНаука – Психолог Ольга Арестова о том, как толкование пословицы зависит от эмоционального фона, как нужно мыслить, чтобы понимать пословицы, и как трансформируется мышление современного человека // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/faq/89084> (дата обращения: 16.04.2019).

REFERENCES

- Arrestova O.N., 2006. Affective Distortions in Understanding Proverbs [Affective Distortions in

- Interpretation of Proverbs]. *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 83-93.
- Arestova O.N., 2007. Diagnostika motivatsionnogo konflikta lichnosti s pomoshchyu metoda piktogramm [Diagnostics of the Motivational Conflict of the Individual Using the Method of Pictograms]. *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 161-170.
- Asafyeva N.V., 1998. *Psikhologicheskie osobennosti ponimaniya proizvedeniy folklora detmi mladshogo shkolnogo vozrasta: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological Peculiarities of the Understanding of Works of Folklore of Children of Younger School Age. Cand. psych. sci. diss.]. Saint Petersburg. 152 p.
- Gumboldt V. fon, 2000. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu: per. s nem.* [Selected Works on Linguistics. Translated from German]. Moscow, Progress Publ. 400 p. URL: https://royallib.com/read/gumboldt_vilgelm/94_izbrannie_trudi_po_yazykoznaniiyu.html#0 (accessed 20 April 2019).
- Dubrovina I.V., 1975. *Ob individualnykh osobennostyakh shkolnikov* [About the Individual Features of Schoolchildren]. Moscow, Znanie Publ. 75 p.
- Zevakhina T.S., 2002. Metafora mertvaya i metafora zhivaya: eksperimentalnyy podkhod k paremiologii dunganskogo i kitayskogo yazykov [The Dead Metaphor and the Live Metaphor: An Experimental Approach to the Paremiology of the Dunganish and the Chinese Languages]. «*Dialog. 2002*»: tr. *Mezhdunar. seminara (Protvino, 6–11 iyunya 2002 g.)* [“Dialogue. 2002”. Works of International Seminar (Protvino, June 6–11, 2002)]. Moscow, Nauka Publ. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/zevakhina/>.
- Moiseeva A.A., 2013. Psikhologicheskie vozmozhnosti metoda poslovits v issledovanii psikhiki lichnosti cheloveka [Psychological Potential of the Method of Proverbs in the Investigation of Human Mind and Personality]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], vol. 2, no. 74, pp. 85-88.
- Moiseeva A.A., 2014. Ispolzovanie poslovits i pogovorok russkogo naroda v psikhologicheskoy nauke [The Ways of Using Russian Proverbs and Sayings in Psychological Science]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], no. 77, pp. 230-232.
- Mokienko V.M., 2015. Aspekty issledovaniya slavyanskoy paremiologii [Aspects of the Study of Slavic Paremiology]. *Paremiologiya v diskurse: Obshchie i prikladnye voprosy paremiologii. Poslovitsa v diskursei v tekste. Poslovitsa i yazykovaya kartina mira* [Paremiology in Discourse. General and Applied Questions of Paremiology. A Proverb in the Discourse and in the Text. Proverb and Language Picture of the World]. Moscow, Lenand Publ., pp. 4-25.
- Permyakov G.L., 1975. K voprosu o strukture paremiologicheskogo fonda [On the Question of the Structure of the Paremiological Fund]. *Tipologicheskie issledovaniya po folkloru: sb. st. pamyati V.Ya. Proppa* [Typological Research on Folklore. Collection of Articles in Memory of V.Ya. Propp]. Moscow, Nauka Publ., pp. 247-274.
- Permyakov G.L., 1988. *Osnovy strukturnoy paremiologii* [Fundamentals of Structural Paremiology]. Moscow, Nauka Publ. 235 p.
- Semenenko N.N., 2008. Pragmaticheskiy podkhod k opisaniyu kognitivno-denotativnykh situatsiy russkikh paremiy [The Pragmatic Method of Describing of Cognitive-Denotative Situations of Russian Paremiology]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], no. 2 (2), pp. 75-81.
- Semenenko N.N., Alefirenko N.F., 2010. Znachenie i smysl russkikh paremiy v svete kognitivnoy pragmatiki [Meaning and Sense of the Russian Parables in the Aspect of Cognitive Pragmatics]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], vol. 85, no. 6, part 2, pp. 169-180.
- Sidorkov S.V., 2003. *Poslovichno-pogovorochnye paremiy kak faktor strukturno-smyslovoy organizatsii diskursa* [Proverbial Paremiology as a Factor of Structural and Semantic Organization of Discourse]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNNTsVSh. 214 p.
- Tarlanov Z.K., 1999. *Russkie poslovitsy: sintaksis i poetika* [Russian Proverbs: Syntax and Poetry]. Petrozavodsk, [s. n.]. 448 p.

SOURCES

- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed 16 April 2019).
- Otkrytyy urok. Pervoe sentyabrya: ped. forum* [Open Lesson. September 1. Pedagogical Forum]. URL: <https://urok.1sept.ru> (accessed 19 April 2019).
- Martynova A.N., Mitrofanova V.V. *Poslovitsy, pogovorki, zagadki* [Proverbs, Sayings, Riddles]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986. 512 p.

Psikholog Olga Arestova o tom, kak tolkovanie poslovitsy zavisit ot emotsionalnogo fona, kak nuzhno myslit, chtoby ponimat poslovitsy, i kak transformiruetsya myshlenie sovremennogo cheloveka [Psychologist Olga Arestova on How the Interpretation of a Proverb

Depends on the Emotional Background, How to Think to Understand Proverbs, and How the Thinking of a Modern Person Is Being Transformed]. *PostNauka*. URL: <https://postnauka.ru/faq/89084> (accessed 16 April 2019).

Information About the Authors

Natalia A. Potapova, Candidate of Sciences (Philology), Assistant Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Saint Petersburg Mining University, Malyy prospect Vasilyevskogo ostrova, 83, 199406 Saint Petersburg, Russia, natpotaprabota@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0978-6949>

Daria A. Shchukina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Saint Petersburg Mining University, Malyy prospect Vasilyevskogo ostrova, 83, 199406 Saint Petersburg, Russia, dshukina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2312-2794>

Информация об авторах

Наталья Александровна Потапова, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и литературы, Санкт-Петербургский горный университет, Малый проспект Васильевского острова, 83, 199406 г. Санкт-Петербург, Россия, natpotaprabota@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0978-6949>

Дарья Алексеевна Щукина, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы, Санкт-Петербургский горный университет, Малый проспект Васильевского острова, 83, 199406 г. Санкт-Петербург, Россия, dshukina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2312-2794>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.11>

UDC 81'27-053.81
LBC 81.006.2

Submitted: 30.09.2019
Accepted: 28.04.2020

SOCIOLINGUISTIC MONITORING OF WORD USAGE FREQUENCY OF YOUTH SOCIOLECT¹

Anna A. Petrova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Nadezhda A. Sytina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena S. Aleksandrova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The current paper describes the lexical units of youth sociolect and is aimed at monitoring youth speech. Special attention is given to heterogeneous social factors that influence the word usage in youth sociolect and involve micro- and macrosociolinguistic pilot projects on frequency occurrence of English words in a multicultural society. Microsociolinguistic analysis was focused on societal and gender differences in youth sociolect. The initial stage of the macrosociolinguistic monitoring included the questionnaire development, setting the boundaries of a sociolinguistic survey and the number of lexical items under consideration. The second step in the project was monitoring itself. Finally, the results of the monitoring were analyzed. The study was carried out through an online questionnaire, face-to-face and remote interviewing, with native English speakers and speakers of other languages from different countries and regions. The monitoring of usage frequency demonstrated that a limited number of English lexical units are used in interpersonal and professional communication; the other part of words presents a diverse picture. The respondents involved in professional activity tend to demonstrate more tolerance to the youth sociolect than ordinary people. The analysis proved the point about the heterogeneous character of sociolect usage by youth and its dependence on the sphere of communication.

Key words: youth sociolect, micro- and macrosociolinguistic monitoring, frequency of word use, individual factors, social factors.

Citation. Petrova A.A., Sytina N.A., Aleksandrova E.S. Sociolinguistic Monitoring of Word Usage Frequency of Youth Sociolect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 120-132. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.11>

УДК 81'27-053.81
ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 30.09.2019
Дата принятия статьи: 28.04.2020

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ЧАСТОТНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВ МОЛОДЕЖНОГО СОЦИОЛЕКТА¹

Анна Александровна Петрова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Надежда Александровна Сытина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Сергеевна Александрова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются лексические единицы молодежного социолекта с социолингвистической точки зрения. Прикладной аспект данной проблемы заключается в дифференцированном мониторинге молодежной речевой коммуникации. Вариативность употребления лексических единиц связана с неоднородностью социальной базы носителей языка, а также с индивидуальными факторами. В статье представлены результаты реализованных авторами микро- и макросоциолингвистических пилотных проектов. Микросоциолингвистическое исследование было посвящено гендерным особенностям употребления лексических единиц молодежного социолекта. На первом этапе реализации макросоциолингвистического проекта были сформированы анкеты, определены границы социолингвистического опроса и количество лексических единиц, подвергаемых мониторингу в поликультурном обществе; на втором этапе был проведен мониторинг; на третьем этапе был осуществлен анализ результатов мониторинга. Работа выполнена на основе онлайн-анкетирования и полевых исследований. Результаты мониторинга свидетельствуют о том, что использование английских слов молодежного социолекта в межличностной и профессиональной коммуникации имеет ограниченный характер. Респонденты (участники, занятые в профессиональной коммуникации) демонстрируют большую терпимость к английским словам молодежного сленга по сравнению с другими участниками общения. Полученные данные подтверждают гетерогенность употребления респондентами английских слов молодежного социолекта. *Вклад авторов.* Под руководством А.А. Петровой сформулирована концепция исследования, разработаны анкеты, проведен макросоциолингвистический мониторинг и обобщены полученные результаты. Н.А. Сытиной осуществлен микросоциолингвистический мониторинг, проанализированы и обобщены анкетные данные респондентов. Е.С. Александровой установлены особенности употребления английских слов молодежного социолекта с учетом индивидуальных и социальных факторов и обобщены результаты исследования.

Ключевые слова: молодежный социолект, микро- и макросоциолингвистический мониторинг, частотность употребления слова, индивидуальные факторы, социальные факторы.

Цитирование. Петрова А. А., Сытина Н. А., Александрова Е. С. Социолингвистический мониторинг частотности употребления слов молодежного социолекта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 120–132. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.11>

I. Introduction

Recent decades have seen different research perspectives on analyzing the English influence on receptor languages that is resembled in publications in this country and abroad. The assimilation of English words by language system and individual consciousness are not similar processes, therefore it may be helpful to look at them as an element of social behavior. The words, serving as tools of social contacts, demonstrate secondary and non-verbal meanings. The linguistic behavior itself is deprived of social regulation but when it is involved in social symbolism based on symbolic forms, linguistic models gain additional interpretation, thus serving to distinguish social relations. We assume that English words are socio-culturally marked lexical units in a receptor language that reflect the speaker's attitude to a loanword in the language, his / her status and gender as well. In other words, they may appear as an "admission ticket" to certain social groups of society. It is the youth who is mostly affected by the English language. Youth sociolect is often

made of English lexemes, words that have been actively borrowed to the vocabulary of other languages. In the linguistic literature, the youth language is viewed as a specific one, opposed to the standard language. Many studies of the youth language address this topic as "youth jargon", "youth slang" or "interjargon", using these terms interchangeably. It is known that sociolect is a subcode with socially marked lexemes, which forms a codified subsystem of a certain social community. Recent research shows that the term "sociolect" refers to a social variety of language and is deprived of an evaluation function. The youth sociolect covers a wide range of speakers and it demonstrates the tendency to borrow words from various jargons [Anishchenko, 2010, p. 35]. This article adopts an understanding of "youth language" as a language variety, thus it is youth sociolect, which is characterized by individual and social parameters (age, social status, language competence, and gender). It should be noted that if a differentiated monitoring of the youth language is carried out regularly, it may confirm that social variability in adolescents' speech is not

the only type of speech variation [Mihailova, Solnyshkina, 2017; Petrova, Sytina, Ergunova, 2019]. This heterogeneity is mainly related to the social background of young people. The regional variation of the youth language has so far received little attention. For example, M.A. Kropacheva conducted several experiments aimed at differentiating youth words used in conversation in some regional areas of Russia. According to the results of the survey, students living in different cities have a variable perception of slang words as the informants actualize in speech various meanings of the same word. Nevertheless, there is a certain unity in youth jargon on the entire territory of Russia as most meanings coincide and their frequency features are similar [Kropacheva, 2013]. This idea is confirmed by the research findings of A.V. Degaltseva [Degaltseva, 2013], which proved that most jargon words used by bank employees are the words of youth sociolect and computer jargon.

Changing linguistic situation in youth sociolects due to internalization and globalization of languages and cultures have spurred a lexicographical boom. On the one hand, it accounts for the seek to capture all language developments in dictionaries, on the other hand, this process is determined by external sociolinguistic causes, namely the growing role of various information sources, as well as an attempt to respond to language users requests.

The purpose of the paper is to monitor how youth sociolect speakers use English slang words, codified in dictionaries, taking into account individual and social factors. We assume that the complex language analysis calls for differential scientific and practical monitoring in the following key areas: a) sociolinguistic, monitoring the youth speech behavior from various perspective (age groups, regional linguistic variants, etc.); b) linguostylistic, studying the youth-specific lexicon, that is, socially marked language means, organized into the youth “novoyaz”; c) communicative and functional, investigating strategies and tactics of communication within youth communities; d) didactic, achieving the objectives related to developing the competent linguistic identity and teaching speech culture to young people.

The applied aspect of the issue under study is related to a differentiated approach to the youth

speech monitoring. It involves the pilot experiment that focuses on the research theories or hypotheses about the youth language and development of an average linguistic identity. Moreover, the study provides data to consider some language-related problems, as follows: development of the dictionary, containing the most popular among youth word forms and lexemes, psycholinguistic assessment of linguistic norms in conversational interaction, as well as academic writing, a youth sociolect analysis in terms of new words creation and classification of lexical items (jargon words, neologisms, dialect words, etc.) from various perspectives.

This article presents the results of micro- and macrosociolinguistic monitoring of the frequency use of English words by youth sociolect speakers. The words are taken from the codified Dictionary of Youth Slang (English, German, French, and Russian Languages) [Rebrina et al., 2017] as well as English Slang dictionaries [Beale, ed., 1989; Nado li znat...].

The monitoring was carried out in two stages in the years 2014 to 2018. The first stage included microsociolinguistic monitoring. It concerned the differences between gender and age of speakers in the use of English words. The second stage of the macrosociolinguistic monitoring was conducted between 2016 and 2018. Several individual factors (gender, age, the country of residence and language competence) as well as social factors (occupation and social status) were taken into account in the monitoring of most frequently used words of youth sociolect.

II. Methods

The study is based on the methods adopted in the area of macro- and microsociolinguistics: field study, questionnaire, face-to-face, and on-line interviewing, statistical data processing as well as methods of scientific description: observation, collection of information, interpretation, and classification. The analytical method of correlation is used to understand the links between dependent (linguistic factors) and independent (social factors) variables where such variables as age, education, social status, geographic distribution, and others are described in terms of quantity.

III. Discussion of results

Microsociolinguistic pilot project (2014–2016)

This study treats anglicisms in the youth sociolect as agnomims, the words that are little understood or misunderstood by speakers whose languages are others than English [Morkovkin, Morkovkina, 1997]. This suggests that anglicisms, found at the periphery of linguistic consciousness, may serve as a code of identity in terms of social status as well as gender. Gender studies play a significant role in human sciences as they bring new perspectives on social development [Tannen, 1994]. It has been observed for a long time that speech production is sex-associated. Differences in male and female speech are reported in studies: [Goroshko, 1997; Günthner, 2001; Kotthoff, 2002; Lakoff, 1973]. Most studies in this area make use of the two paradigms, that of difference and that of dominance. The difference theory interprets male and female unlikeness due to the subcultural distinction. The second is associated with the idea of the subordination position of women in society [Skrynnikova, Astafurova, Aleksandrova, 2017]. A review of the scientific literature has revealed that there has been no empirical study of anglicisms in the gender perspective and this fact explains the choice of the topic of the article.

V.I. Grishkova [Grishkova, 2006] points out that the gender peculiarities of the youth language are characterized by the certain parameters (see Fig. 1).

Thus, following Grishkova's understanding of gender as a cognitive category, we assume that being a stable component, gender may influence a foreign word meaning experiences of a speaker.

The sociolinguistic study was conducted among the students of Volgograd State University as well as high school students. The study covered

15 full-time university students and 14 high school students. The target resource audience includes 18 females (62%) and 11 males (38%), aged 15–17 (45%) and 18–20 (55%). 20 English words of youth sociolect were analyzed. The Russian respondents were asked to provide answers to the following research questions (RQs):

RQ 1: Do you use English words in the speech in the Russian style? (always; often; sometimes; hardly ever; never).

RQ 2: In what spheres do you mostly use them? (parents; friends / peers; university / school).

RQ3: What anglicisms do you mostly use? (Choose from the given list).

According to the research, it was found out that, firstly, young people use anglicisms in their speech. The answers to the RQ1 and RQ2 provide that about 80% of university and high school students sometimes use English words in their speech and mostly in conversations with friends / peers. At the same time, 50% of respondents admit that they can do without anglicisms and use them as an index of prestige within a social group. Secondly, English loan-words demonstrate some peculiarities in terms of gender.

The results of the student audience survey are following. The reactions were classified according to nominations. Several semantic fields were revealed with a number of lexico-semantic groups. For example, both female and male university and higher school students use English words in the topics related to semantic field “human”, subdivided into 5 semantic subclasses: 1) nomination of social groups: *teaching staff* – *мичер* (*teacher*), *representatives of the youth environment* – *зайз* (*guys*), *пупл* (*people*); 2) personal relations: *зафрендить* (*friend*), *сестер* (*sister*), *бро* (*brother*); 3) leisure activities and amusement: *клуббится* (*clubbing*), *денсать* (*dance*); 4) food and drink nominations: *потамошка* (*potato*), *дринк* (*drink*), *фаст-*

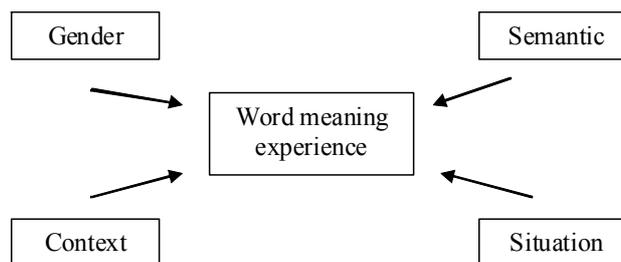

Fig. 1. Gender parameters

фуд (fast food); 5) computer nominations: *юзать (use)*, *лайкать (like)*, *заскринить (screen)*, *зачекиниться (check in)*, *зафолловить (follow)*, *сделать сэлфи (selfie)*, *банить (ban)*. As education is the main sphere of activity, it might be expected that the language of students will demonstrate anglicisms, characterizing the student life, spheres of social and practical activity. Contrary to expectation, based on the respondents' answer analysis, it is possible to conclude that there are few cases of such nominations, namely, nominations of the teaching staff, some subjects and activity nominations.

English loan-words demonstrate some peculiarities in terms of gender. The gender asymmetry is demonstrated in the number of lexical units used by the students. Females are more likely to use some few anglicisms and these words are mostly interjections and adjectives, "the evaluation words", expressing the attitude to the situation itself. For example, *мей би (may be)*, *вай нот (why not)*, in the situation when the partner does not agree with the suggestion. It confirms the fact that females tend to use more imperatives and phrases expressing uncertainty. As to the indicative of vocabulary diversity, female students demonstrate in their speech words related to life-style and appearance: *лук (look)*, *аутфит (outfit)*, *мейк ап (make up)*, *бра (bra)*. There are also words that describe interpersonal relations. For example, the word *френдзонить* characterizes the idea of getting apart but having friendly relations with the ex-partner. Moreover, female students are more creative in their style of communication, forming new words when an English element is used in combinations with some native elements, adding Russian inflectional suffixes to a borrowed English word. For example, *отчетить* is a blending of the Russian word *отчет*, *отчитаться* and the anglicism from the computer discourse *chat*.

In contrast to female students, male students use lexical items which are found in computer games: *дамаг (damage)* – losses which a character suffers in a computer game, *голда (gold)* – money in computer games; some verbs: *бафнуть (buff)* – to improve the results or the features of a character; *спойлернуть (spoil)* – to damage something, and vulgar words.

In the publication we have come across, some researchers claim that there are no language differences in the spoken speech of higher school

and university students. As expected, the answers to the RQ1 and RQ2 show no significant difference in frequency and sphere usage of anglicisms among male and female university and higher school students. However, according to RQ 3, the study provides the evidence that male higher school students tend to use more English vulgar words and words from computer discourse in their speech as compared with those of university students. This suggests that they go through the stage of maturity and identification of social and gender roles. On the one hand, male higher school students seek status support as men; on the other hand, they are still teenagers, concerned with playing computer games. Thus, it encourages higher school students to use English words in their speech, as they appear to be the quickest and most accessible symbol of status and gender. Moreover, contrary to the stereotype, which suggests that females avoid using coarse language, there is evidence that masculinity sometimes predominates in female language and it affects the vocabulary of anglicisms used by female higher school students. For instance, there are social contexts when female higher school students use the phrase *полный эбаут (about)*, driven to demonstrate equal status to men.

It may be concluded that the use of anglicisms is gender-sensitive due to psychological and social factors. Emotionality and vulnerability make females use more interjections and adjectives. Moreover, females demonstrate linguistic creativity that appears in combining English words with the words of the Russian language. Males, on the contrary, tend to use vulgar words of the youth sociolect, asserting their masculinity. Thus, the study revealed gender differences in the English word use, suggesting that female university and high school students tend to use English youth sociolect words in relation to the spheres of personal relationships, cosmetics, clothing, whereas male students tend to use more words related to computer technology.

Macrosociolinguistic pilot project (2016–2018)

At present, there is a great deal of research that is concerned with studying the youth vocabulary in one language and comparing adolescents' speech with other age

groups [Fishman, 1998; Kerswill, 1996]. Besides, there is a trend in composing youth slang dictionaries. However, data collection and macrolinguistic monitoring of English word use is a rare case. Thus, there is an urgent need comparing youth sociolect in various sociocultural contexts, identifying differences and similarities due to extra- and linguistic parameters. The applied aspect of this problem means differentiated monitoring of young people's speech and experimental checking of available research on some tendencies in youth speech as well as the development of average linguistic identity.

The study is based on works on sociolinguistics [Bogdanov, 1990; Krysin, 1976; et al.], evaluation theory [Arutyunova, 1988; Kubryakova, 1995; et al.], pragmatics [Lakoff, 1973; Searle, 2002; et al.] and youth language research [Beregovskaya, 1996; et al.]. It focuses on the lexical units from the English language, codified in the Dictionary of Youth Slang (English, German, French, and Russian Languages) [Rebrina et al., 2017]. The pilot project was developed for conducting some preliminary experiments with the goal to test the assumption that English words of the youth sociolect are used in common speech regardless of the speaker's place of residence, profession, gender and national identity. We also assume that some English words of the youth sociolect, represented in the dictionary [Rebrina et al., 2017], can be also used by elderly people.

The pilot experiment was carried out in the form of separate micro-experiments, including field studies (aimed at studying people's verbal behavior and conducted in their daily living conditions). Micro-experiments were performed through the following methods: English words of the youth sociolect were selected from the dictionary in alphabetical order by means of continuous sampling technique and each online questionnaire included not more than 20 words. A total of 32 micro-experiments were conducted. This article presents the result of one micro-experiment and shows the general conclusions on the micro-experiments as a part of the pilot project (there were 640 questionnaires with 20 English lexemes; each micro-experiment monitored 20 English words from 20 respondents).

The field study is applied to social experience in using English youth sociolect words when the massive internet interviewing as well as observing people in a contact interview are the only ways to get access to their experience. The field research involves leaving the office and observing people in their natural environment.

Following the field-study methods of Newman, the stages of the research include [Neuman, 1999]:

- choice of location and access to it (the Internet as a field platform, Google Forms and Survio for the internet interviewing);
- strategy of entering into the field: self-presentation, distraction and understanding;
- observation and data collecting, researcher conclusions, and maps and diagrams which represent the field.

The present field survey does not include the issues related to concepts and concept spheres, therefore it does not provide a core-periphery study with the schemes of a certain thesaurus as, for example, the representation of the hierarchical concepts “human – nature” in the Sami language [Ivanishcheva, 2016].

The data were collected through online interviews. The survey was carried out on such websites as Google Forms and Survio. It included Native English speakers as well as speakers of other languages from different countries of residence (Poland, United Kingdom, Russia, Viet Nam, Yemen, Thailand, Belgium, Croatia, Bulgaria, Macedonia, Turkey, Germany, Algeria, USA, Greece, Egypt, Indonesia, Russia, United Kingdom and Korea). The first stage of the study involved the survey. The second step of the project included monitoring and the analysis of the results.

In the study 640 lexical units were considered and 640 people responded to the questionnaire: 293 females, aged 19 to 52 (45.8%) and 347 males, aged 19 to 44 (54.2%). The survey on the frequency of word use included several questions: 1) What is your gender?; 2) What is your age?; 3) Is English your native language?; 4) What is your country?; 5) Specify the field of activity (student / worker); 6) Where do you usually hear it?

The examples of male and female questionnaires with answers are given below (see Fig. 2 and 3).

Where do you usually hear it? *

	Internet	TV	Everyday communication	Nowhen
Damp squib	☐	☐	☐	☒
Deadbeat	☐	☒	☐	☐
Deadpan (1)	☐	☒	☒	☐
Deadpan (2)	☐	☒	☐	☐
Deck	☒	☒	☒	☐
Dicey	☐	☒	☐	☐
Dinero	☐	☐	☐	☒
Dinosaur	☒	☐	☐	☐
Dirt	☐	☐	☒	☐
Dirty	☐	☐	☒	☐
Dodgy	☐	☐	☒	☐
Dorky	☐	☐	☒	☐
Drag queen	☐	☐	☐	☒
Duck soup	☐	☐	☐	☒
Dude	☒	☒	☒	☐
Dunno	☒	☒	☒	☐
Dynamite	☒	☒	☒	☐
Earbashing - earbash	☐	☐	☐	☒
Earworm	☐	☐	☐	☒
Emoji	☒	☒	☒	☐

Fig. 2. Example of the male questionnaire

Where do you usually hear it? *

	Internet	TV	Everyday communication	Nowhere
Damp squib	☐	☐	☐	☒
Deadbeat	☐	☐	☐	☒
Deadpan (1)	☐	☐	☐	☒
Deadpan (2)	☐	☐	☐	☒
Deck	☒	☐	☒	☐
Dicey	☐	☐	☐	☒
Dinero	☒	☒	☐	☐
Dinosaur	☒	☒	☐	☐
Dirt	☒	☒	☐	☐
Dirty	☒	☒	☐	☐
Dodgy	☐	☒	☐	☐
Dorky	☒	☒	☐	☐
Drag queen	☒	☒	☐	☐
Duck soup	☐	☐	☐	☒
Dude	☒	☒	☐	☐
Dunno	☐	☐	☐	☒
Dynamite	☐	☐	☐	☒
Earbashing - earbash	☐	☐	☐	☒
Earworm	☐	☐	☐	☒
Emoji	☒	☒	☐	☐

Fig. 3. Example of the female questionnaire

It should be noted that the field study demonstrates the results of both native English speakers and speakers of other languages in frequency usage, concerning individual (age, gender, language competence, and country of residence) and social factors (field of activity and area of work).

Field study.

The list of words for research.

- **Damp squib** (something which fails on all accounts, coming from the ‘squib’ (an explosive)).
- **Deadbeat** (totally exhausted or fatigued).
- **Deadpan** (1) (an expressionless face).
- **Deadpan** (2) (a person with an expressionless face).
- **Deck** (to hit someone).
- **Dicey** (unpredictable; risky).
- **Dinero** (money).
- **Dinosaur** (something old-fashioned or out of date).
- **Dirt** (extremely bad person).
- **Dirty** (offensive; pornographic).
- **Dodgy** (something wrong, illegal).
- **Dorky** (strange; peculiar).
- **Drag queen** (a man who dresses like a woman).
- **Duck soup** (very easy; an easy thing to do).
- **Dude** (a male).
- **Dunno** (contraction of “don’t know”).
- **Dynamite** (powerful; excellent).
- **Earbashing** – **earbash** (a non-stop chatter, or nagging, which is usually boring or annoying to others).

– **Earworm** (a melody or a portion of a piece of music that is involuntarily repeated in one’s mind; an irritatingly catchy tune).

– **Emoji** (a small digital image or icon used to express an idea, emotion, etc., in electronic communication (text messages, emails)) [Rebrina et al., 2017, pp. 27-28].

A. English words and gender.

20 respondents were involved in the survey. Figure 4 shows the gender differences: 16 males (80%) and 4 females (20%).

Speech production is known to be sex-associated, and gender may influence the usage of English words of youth sociolect by a speaker. The male and female respondents demonstrate difference in frequency and sphere usage of English words of youth sociolect. Males tend to use English words in their speech more often. Moreover, it is noted that the use of English youth words by housewives is a rare case, compared with socially needed or employed females. It contributes to the fact of the social functions of English lexemes.

B. English words and age.

As for the age differences, the popularity of youth words decreases with age due to the fact that the expressive function associated with youth sociolect is not longer dominant for the elder generation. The primary users of English words are young people aged 19 to 28. Young people are radical in every aspect of life and it encourages them to use English words of youth sociolect in their speech as they appear to be the quickest and most accessible symbol of a group membership. The results of the field study and data processing from questionnaires make it possible to conclude that the

What is your gender?

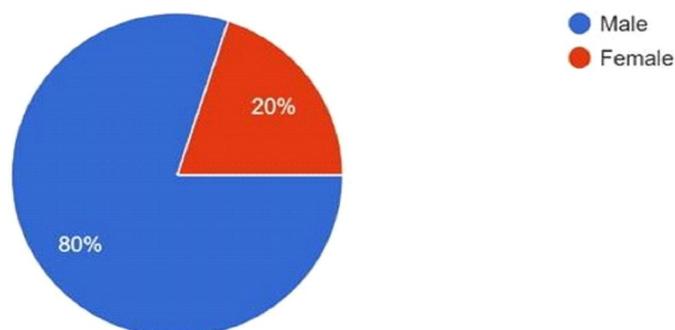

Fig. 4. Gender differences

increase in the use of English word at 20 is followed by the decrease forwards 28. So, as people are getting old, their passion for English words is becoming less. This trend is evident in Figure 5 where the horizontal line shows the age of respondents and the vertical one demonstrates the number of people who participated in the survey (Fig. 5).

C. English words and language competence.

The third question in the questionnaire relates the language competence. Comparing the cases of an English word, used by native English speakers and respondents who speak other languages than English, it is possible to note certain diversity. The spheres of usage reported by native English speakers are not the same as marked by respondents with other languages. It can be explained by their relative knowledge or lack of knowledge of a word use sphere, its semantic diversity (a lexical unit can demonstrate a semantic change of meaning different from the meaning in the language other than English) and the degree of a word novelty (a speaker of some other language with some English language proficiency cannot be familiar with a word).

D. English words and country of residence.

The study shows that the country of residence does not influence the use of English words of youth sociolect. This microproject involves respondents from 9 countries, as follows: Bolivia, China, France, Mexico, New Zealand, Russia, Sweden, USA and United Kingdom. The questionnaire data provide evidence for the fact that English words of youth sociolect are used by people from various countries. Due to the influence of global youth cultures and media as well as the Internet, English words of youth sociolect are gaining popularity, regardless of the country of residence and the most frequently used words are practically the same in these countries.

E. English words and field of activity.

Question 5 was about the field of activity (worker / student): out of 11 respondents (55%) 4 (20%) reported being students, 2 (10%) – both student and worker; 1 (5%) was a student who worked part-time; there was also a college student and one person who neither worked or studied.

F. English words and area of work.

The last question of the questionnaire about the area of work is optional for the respondents due to the previous question about the field of activity: 22.2% – marketing; 11.1% – design of architecture studio, communication, construction, customer service, project manager (55.5%); 22.2% do not work.

Generally speaking, there is an inverse correlation between the field of activity (the area of work) and acceptance of the words of youth sociolect. The higher professional training of a respondent is the more the tolerance he/ she demonstrates to English words of youth sociolect. The sphere of word use ranges from everyday communication to specialized topics in professionally-related communication [Petrova, Sytina, Ergunova, 2019]. Moreover, there are lexical units that are used by most respondents, and some English words of youth sociolect are not used at all. Thus, English words in different languages perform a double function as a sign of group membership; most interactions take place among friends and acquaintances.

The Table demonstrates the spheres where the English words are most and less frequently used.

Taking into account the use of the youth words, monitoring has demonstrated that 20% of 640 lexical units are regularly used by the respondents. 80% of English words have shown

What is your age?

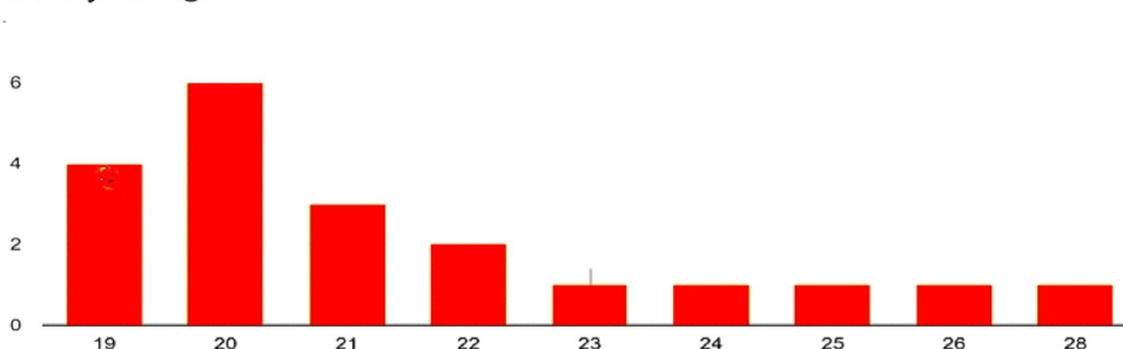

Fig. 5. Respondent age

Frequency of word usage

Word	Most frequently used spheres	Less frequently used spheres
Damp squib	Don't use	Work
Deadbeat	Friends and don't use	Home
Deadpan (1)	Don't use	Home, work and other
Deadpan (2)	Don't use	Home, work and other
Deck	Friends	Work
Dicey	Friends	Work
Dinero	Friends	Other
Dinosaur	Friends	Work
Dirt	Friends	Work and other
Dirty	Friends	Don't use
Dodgy	Friends	Other
Dorky	Friends	Home and work
Drag queen	Friends	Work
Duck soup	Don't use	Work
Dude	Friends	Work
Dunno	Friends	Work
Dynamite	Friends	Work and other
Earbashing – earbash	Don't use	Work
Earworm	Don't use	Work
Emoji	Friends	Don't use

variations in their usage: some lexical units are not completely used/ perceived/ understood, while the rest of them are rarely used / perceived / understood. In some cases, the respondents (mostly native English speakers) identified the word, but it was marked as unknown.

Thus, there is certainly diversity in the use of English words by the people from different countries. It is confirmed by the survey, involving 608 people under 52. The results of the research make it possible to conclude the dynamics of occurrence and usage of youth words of the English language. The most popular sphere of word usage is friendly-related communication. Nevertheless, it should be noted that some words are not used. This means that English words of youth sociolect are restricted in their use. Moreover, some words of the youth sociolect have become obsolete.

IV. Conclusion

Summarizing the results of the survey, we find it possible to conclude that the frequency of using English words is influenced by individual factors: gender differences, the age of a respondent, the country of residence, the language competence, and social factors as the sphere of activity and social status. Certainly,

the questionnaires of young people of the same age, the country of residence, the sphere of activity and language competence will vary (see Fig. 2 and 3). Thus, corresponding to the sphere of communication, a young person can be the bearer of various sociolects, which makes a “common youth jargon” understood by all young people regardless of their individual and social factors.

The present article shows the relevance of studying youth language in its functional environment. It should be noted that this kind of research is a rare case, mainly, English words manifestation has been given attention in fiction, mass-media, the Internet, in other words, multi-media sources. Therefore, this pilot study is an attempt to cover global and macro-sociological space of English words functioning, taken from certain dictionaries. Finally, it indicates the necessity to provide the monitoring of word use in common speech, identifying particular themes and providing transcripts as future-oriented research.

NOTE

¹ This research was financially supported by the Russian Government Program of Competitive Growth of Kazan Federal University.

REFERENCES

- Anishchenko O.A., 2010. *Genesis i funktsionirovanie molodezhnogo sotsiolekta v russkom yazyke natsionalnogo perioda* [Genesis and Functioning of Youth Sociolect in the Russian Language of the National Period]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 278 p.
- Arutyunova N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka, sobytie, fakt* [Types of Linguistic Meanings: Evaluation, Event, Fact]. Moscow, Nauka Publ. 339 p.
- Beregovskaya E.M., 1996. Molodezhnyy sleng: formirovanie i funktsionirovanie [The Youth Slang: Formation and Functioning]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 32-41.
- Bogdanov V.V., 1990. *Rechevoe obshchenie: pragmaticheskie i semanticheskie aspekty* [Verbal Communication: Pragmatic and Semantic Aspects]. Leningrad, LGU. 90 p.
- Degaltseva A.V., 2013. Nekotorye osobennosti i printsipy upotrebleniya zhargonnoy leksiki v elektronnom delovom obshchenii [Some Specific Features and Causes for Using Jargon Words in Electronic Business Communication]. *Tezisy mezhdunarodnoy konferentsii "Stratifikatsiya natsionalnogo yazyka v sovremennom rossiyskom obshchestve" (Sankt Peterburg 30 oktyabrya – 2 noyabrya)* [Proceedings of the International Conference on Stratification of National Language in Modern Russian Society (Saint Petersburg, October 30 – November 2)]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., pp. 61-66.
- Fishman P., 1998. Conversational Insecurity. Cameron D., ed. *The Feminist Critique of Language: A Reader*. London, Routledge, pp. 243-260.
- Goroshko E.I., 1997. Teoreticheskoe sostoyanie problemy polovoy dikhotomii v verbalnom povedenii [The Theoretical State of the Problem of Gender Dichotomy in Verbal Behaviour]. *Verbalnye i neverbalnye deysiya maskulinnosti i feminnosti* [Verbal and Nonverbal Deixis of Masculinity and Femininity]. Krivoy Rog, MITS ChYaKP, pp. 24-100.
- Grishkova V.I., 2006. Proyavlenie gendernogo faktora v molodezhnom zhargone [Gender Peculiarities of Youth Jargon]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost* [Bulletin of Peoples Friendship University of Russia. Series: Problems of Education: Languages and Speciality], no. 1 (3), pp. 53-56.
- Günthner S., 2001. Die kommunikative Konstruktion der Geschlechterdifferenz: sprach- und kulturvergleichende Perspektiven. *Muttersprache*, vol. 111, no. 3, pp. 205-291.
- Ivanishcheva O.N., 2016. *Saamskiy yazyk: sokhranenie yazyka v epokhu globalizatsii: monografiya* [Sami Language: The Preservation of the Language in an Era of Globalization]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ. 136 p. URL: https://books.google.de/books?id=YeJfDwAAQBAJ&pg=PA115&lpg=PA115&dq=характеристика+и+ядро+поля+в+полевых+исследователях&source=bl&ots=7Or3a2QXeb&sig=ACfU3U0yud8LH_TrOUa7iGhq6ynlv68NaQ&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewjxMjx8rLpAhVFyqQKHTbbDgYQ6AEwC3oECAyQAQ#v=onepage&q=характеристика%20и%.
- Kerswill P., 1996. Children, Adolescents and Language Change. *Language Variation and Change*, vol. 8, iss. 2, pp. 177-202. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0954394500001137>.
- Kotthoff H., 2002. Was heist eigentlich "doing gender?" *Wiener Slawistischer Almanach*, Sonderband 55, pp. 1-27. URL: https://www.projektwerkstatt.de/media/text/gender_download_doinggender2002.pdf.
- Kropacheva M.A., 2013. Regionalnoe varyirovanie molodezhnogo zhargona s tochki zreniya chastotnykh kharakteristik leksicheskikh edinit (na primere studencheskogo zhargona g. Glazova i g. Sankt-Peterburga) [Regional Variation of Youth Jargon in Terms of Frequency of Lexical Units (In Case of Students Jargon of Glazov City and Saint Petersburg)]. *Tezisy mezhdunarodnoy konferentsii "Stratifikatsiya natsionalnogo yazyka v sovremennom rossiyskom obshchestve" (Sankt-Peterburg 30 ortyabrya – 2 noyabrya)* [Proceedings of the International Conference on Stratification of National Language in Modern Russian Society (Saint Petersburg October 30 – November 2)]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., pp. 91-96.
- Krysin L.P., 1976. Rechevoe obshchenie i sotsialnye roli govoryashchikh [Verbal Communication and Social Roles of Speakers]. *Sotsialno-lingvisticheskie issledovaniya* [Socio-Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publ., pp. 42-52.
- Kubryakova E.S., 1995. Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka [Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century]. Stepanov Yu.S., ed. *Yazyk i nauka kontsa XX veka: sb. st.* [Language and Science in the Late 20th Century. Collection of Articles]. Moscow, Izdatelskiy tsentr RGGU, pp. 144-238.
- Lakoff R., 1973. Language and Womans Place. *Language in Society*, vol. 2, no. 1, pp. 45-80.

- Mihailova M.A., Solnyshkina M.I., 2017. Photographers Nomenclature Units: A Structural and Quantitative Analysis. *Journal of History Culture and Art Research*, vol. 6, no. 5, pp. 166-172. DOI: <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v6i5.1266>.
- Neuman L., 1999. Polevoe issledovanie [Field Research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 4, pp. 110-121. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/763/784/1217/015_nyuman_Sotsiologiya_za_rubezhom_1.pdf.
- Petrova A.A., Sytina N.A., Ergunova O.T., 2019. Professionally-Related Common Communication: Sociolinguistic Monitoring of Most Frequently Used Words of Youth Sociolect. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. Vol. 483. *The 1 International Scientific Practical Conference "Breakthrough Technologies and Communications in Industry" (20–21 November, Volgograd, Russia)*. DOI: 10.1088/1757-899X/483/1/012014.
- Searle J., 2002. *Consciousness and Language*. Cambridge, Cambridge University Press. 267 p.
- Skrynnikova I.V., Astafurova T.N., Aleksandrova E.S., 2017. Mass Media Discourse Deployment and Its Gender Specificity: Sociolinguistic Perspective. *XLinguae*, vol. 10, iss. 3, pp. 300-311.
- Tannen D., 1994. *Gender and Discourse*. Oxford, Oxford University Press. 216 p.

DICTIONARIES

- Beale P., ed., 1989. *A Concise Dictionary of Slang and Unconventional English: From a Dictionary of Slang and Unconventional English by Eric Partridge*. London, Routledge. XXVI, 534 p.
- Morkovkin V.V., Morkovkina A.V., 1997. *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znayem)* [Russian Agnonims (Words That We Do Not Know)]. Moscow, Astra sem Publ. 195 p.
- Nado li znat molodezhnyy sleng [Whether One Should Know Youth Slang]. *EnglishFull.ru*. URL: <http://englishfull.ru/znat/angliysky-sleng.html>.
- Rebrina L.N., Alekseenko D.S., Anepir E.R. et al., 2017. *Slovar molodezhnogo slenga (na materiale angliyskogo, nemetskogo, frantsuzskogo i russkogo yazykov)* [Dictionary of Youth Slang (English, German, French, and Russian Languages)]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 384 p.

Information About the Authors

Anna A. Petrova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Research Laboratory "Intellectual Technologies of Text Management", Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, AnnaAlePetrova@kpfu.ru, petrova16@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4322-1324>

Nadezhda A. Sytina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Germanic and Romance Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, n.sytina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8247-6157>

Elena S. Aleksandrova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, e.aleksandrova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5445-0048>

Информация об авторах

Анна Александровна Петрова, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИЛ «Интеллектуальные технологии управления текстами», Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, AnnaAlePetrova@kpfu.ru, petrova16@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4322-1324>

Надежда Александровна Сытина, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, n.sytina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8247-6157>

Елена Сергеевна Александрова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, e.aleksandrova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5445-0048>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.12>

UDC 81'42:003.074
LBC 81.055.51.3

Submitted: 02.09.2019
Accepted: 28.04.2020

NATIONAL STEREOTYPES OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR IN VIRTUAL BUSINESS COMMUNICATION

Olga A. Uskova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Le Thi Phuong Linh

Hochiminh City University of Education, Hochiminh City, Vietnam

Abstract. The article is devoted to cross-cultural issues of virtual business communication. The urgency of this research is in finding out the causes of failures in virtual business communication between Russian and Vietnamese business partners. In the aspect of intercultural communication, national stereotypes of communicative behavior (hereinafter NSCB) that impede the effective business communication of Russian and Vietnamese speakers have been identified. In the aspect of virtual communication, based on linguistic and cultural analysis, the specifics of electronic business letters in Russian, English and Vietnamese is revealed. The results of the study indicated the following reasons of failures in virtual intercultural business communication: lack of direct interactions between business partners – speakers of different languages; representation of communicative intentions in written form; peculiarities in NSCBs, reflected in the national language; cultural differences in NSCBs of business partners; each language has its own means of verbalizing the communicative intentions associated with the NSCBs of the native speaker of that language. The study resulted in distinguishing the types of speech and etiquette violation in virtual business communication between Russian and Vietnamese partners, which might help in lessening communicative misunderstanding and achieving extra-linguistic goals of communication.

Key words: commercial letters, cross-cultural business communication, business culture, virtual communication, communicative behavior, national stereotype.

Citation. Uskova O.A., Le Thi Phuong Linh. National Stereotypes of Communicative Behavior in Virtual Business Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 133-144. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.12>

УДК 81'42:003.074
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 02.09.2019
Дата принятия статьи: 28.04.2020

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ

Ольга Александровна Ускова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Ле Тхи Фьонг Линь

Педагогический университет г. Хошимина, г. Хошимин, Вьетнам

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем виртуального межкультурного бизнес-общения. Актуальность проведенного исследования заключается в выявлении причин коммуникативных неудач бизнес-партнеров России и Вьетнама. Установлены и охарактеризованы национальные стереотипы коммуникативного поведения, препятствующие эффективному общению носителей русской и вьетнамской лингвокультур. В аспекте виртуальной коммуникации на основе лингвокультурологического анализа определена

специфика электронных деловых писем на русском, вьетнамском и английском языках. Полученные результаты позволили установить причины коммуникативных неудач: отсутствие непосредственного взаимодействия между бизнес-партнерами – носителями разных языков; выражение коммуникативных намерений исключительно в письменной форме; наличие национальных стереотипов коммуникативного поведения и обусловленных ими различий в средствах вербализации коммуникативных намерений. Проведенное исследование дало возможность систематизировать виды нарушений речевых и этикетных норм в общении русских и вьетнамских бизнес-партнеров, что может способствовать решению проблем, связанных с достижением экстралингвистических целей общения.

Ключевые слова: коммерческое письмо, межкультурная бизнес-коммуникация, бизнес-культура, виртуальная коммуникация, коммуникативное поведение, национальный стереотип.

Цитирование. Ускова О. А., Ле Тхи Фьонг Линь. Национальные стереотипы коммуникативного поведения в условиях виртуальной бизнес-коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 133–144. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.12>

Introduction

In recent years, under the general influence of global economy development, Russia has been paying more attention to economic cooperation worldwide, including Vietnam, especially after Vietnam signed The Free Trade Agreement (FTA) with Kyrgyzstan and members of the Eurasian Economic Union (EAEU), which officially comprises Armenia, Belarus, Kazakhstan and Russia in May 2015. Increasing joint business activities between Russia and Vietnam require their participants to know the national stereotype of communicative behavior of each other. Additionally, the development of a number of modern means of communication nowadays helps business activities be conducted mainly by exchanging commercial letters via e-mail, electronic trade platforms, social networks (i.e. via virtual communication). However, unlike the communication in reality, where the purposes of communication can be achieved through face-to-face interactions between participants, in virtual communication most of communicative intentions are conveyed mainly by texting (writing). Meanwhile, every language has its own ways of expressing communicative intentions, which makes realization of communicative goals complicated, as business partners from different cultures could face mutual misunderstanding in virtual business communication.

The article offers analysis of business letters, which represents some features of national stereotypes of communicative behavior (NSCB) in virtual business correspondence with the practical aim – to reduce challenge in virtual business communication between Vietnamese and Russian partners.

Materials and research methods

The materials used in this research consist of about 2500 electronic commercial letters in Russian, English and Vietnamese, which were written and exchanged via email by Russian and Vietnamese business partners (the original orthography and punctuation are preserved in sample letters). Dealing with these authentic electronic business letters in different languages and their logical interpretation with intention to discover points of cultural misunderstanding that occur in the process of virtual business correspondence between Russian and Vietnamese business partners made it possible to distinguish generalization of NSCBs of native speakers of these languages in virtual business communication.

The main method used in this research is linguocultural analysis that consists of studying the linguistic and cultural characteristics of business letters and making their interpretative analysis. The research conducted is based on difficulties faced by Russian and Vietnamese speakers in the process of business communication via e-mail. Having considered complexity and possible incomprehension, the authors managed to highlight causes of failures in virtual communication due to differences in their national stereotypes of communicative behavior and offered theoretical provisions on linguocultural specificity of business letters in Russian and Vietnamese, finally, typical features of virtual business correspondence were described as the NSCBs of Russian and Vietnamese business partners in virtual business communication.

Results and discussion

The concept “national stereotype of communicative behavior” (NSCB)

The concept of *communicative behavior* was first used in Russian linguistics and defined by I.A. Sternin as a set of communicative standards or traditions of an individual or a group of people that are united by age, gender, profession, some other social marks. Close to it stands the term *national communicative behavior*, a set of standards or traditions of communication of a linguistic and cultural community [Sternin, 2000a]. In the work of Yu.E. Prokhorov there were some other terms introduced – *stereotype of verbal communication* and *stereotype of speech behavior* as representative communicative patterns of a socio-cultural group or an ethnic that can be realized in their verbal behaviors [Prokhorov, 1996]. The linguistic aspect of communicative behavior was considered as a combination of verbal and nonverbal actions of an individual or a group of people that is regulated by the communicative standards or socially excepted traditions [Prokhorov, Sternin, 2006]. Following the ideas of Yu.E. Prokhorov and I.A. Sternin, the term *national stereotype of communicative behavior* (hereinafter NSCB) is defined in this study as a model of communicative behaviors of an individual or group of people, through which we can identify their social and national group reference.

A good example of NSCB and its influence on communication is the phenomenon of smile in the Russian national culture. It is known that Russians hardly smile when communicating with strangers in public places such as banks, supermarkets or service centers and it is a NSCB of the Russians [Arapova, 2007; Camille, 2018; Sternin, 2000b]. This feature may have a ruinous effect on business communication in case when Russians communicate with American or Asian business partners. For instance, in Vietnam if bank officers or cashiers in supermarkets do not smile to their customers, it can be understood that they don't like their clients or are not happy in their jobs. That is the reason why Vietnamese usually misunderstand the communicative intentions of Russian business partners. From the point of the Vietnamese view, Russians are too severe and

unemotional in business communication. According to I.A. Sternin and M.A. Arapova, the smile of Russians tends to be used to demonstrate sincerity, it is not considered vital in achieving commercial or social goals in communication. In reality, Russians believe that communicative behaviors in business should be strict, serious and demonstrate their reliability.

There are some verbal differences that mark NSCB in communication. The Vietnamese usually make the question “How old are you?” when they communicate for the first time with those who seem to be at their same age. That is because in Vietnamese culture the difference in age of the participants in communication determines the way, in which they address each other and behave themselves. For instance, the younger (even only one year) has to address the elder by *Bì*, but can not by *Tì* (in Russian). There are some variations of addressing the younger to the elder in Vietnamese, that depend on difference in age and gender, the speaker may choose *anh* (older brother), *chị* (older sister), *cô* or *đì* (aunt), *chú* or *bác* (uncle), *ông* (grandfather), *bà* (grandmother), etc., which will have a strong influence on the mode of communication. In particular, the younger must demonstrate more respect toward the elder and will use an equivalent to a Russian *Bì*, but the elder will address him by *Tì*, in Vietnamese different pronouns will be used: *em* (younger sister or brother), *con* (daughter or son), *cháu* (niece or nephew) and so on [Nguyen Vu Khyong Ti, 2010]. If Russians do not acknowledge this Vietnamese NSCB, they (especially Russian women) could feel displeased or have a negative impression on Vietnamese when being asked how old they are, because, according to the Russian culture of communication, it is not nice to ask about the age of interlocutors, especially of women.

Thus, knowing NSCBs is very important in business communication, especially in cross-cultural situations with unpredictable impressions and perceptions about the partners. On one hand, it helps to avoid cultural shocks as well as undesirable misunderstandings by choosing more tolerant reaction while responding. On the other hand, being aware of the differences in NSCBs the partners can modulate or coordinate their communicative behaviors.

*The problems of cross-cultural
business communication
via virtual correspondence*

As mentioned above, in virtual business communication almost all business activities are conducted mainly via e-mail without face-to-face interactions between business partners. Consequently, advantages of paralanguage factors such as communicative space, body language (gestures, facial expressions, intonation, timbre, pauses of speech, ect.) are not applied. In the absence of ability to visualize the appearance and communicative behavior of counterparts, the language of a business correspondence will be the only means of impression. Thus, when receiving Letter 1, a Vietnamese partner could think that his Russian partner is an excitable person.

In this letter, the statements *I early told you in the skype conference about the requirements of the table. I need the codes UKP* show that the sender of this letter is very irritated, because *in the second table there are not these codes*. This makes the addressee of the letter (a Vietnamese speaker) feel uncomfortable as if he did something seriously wrong. Actually, the excitability was confirmed as a character of Russians by R.D. Lewis. According to Lewis, Russians easily get angry especially in disgruntled situations.

Nevertheless, he also approved that they can control themselves very quickly after that [Lewis, 2006].

The verb *Прошу* is used for making a request. When it is translated into English as following: *I ask* and into Vietnamese *Tôi yêu cầu*, it makes the tone of this letter sound like an order. Besides, if the translation is more qualified by using the imperative mood of the verb following the verb *Прошу*, it will become *Provide the table with codes* in English and *Cung cấp bảng này với mã code* in Vietnamese, which makes the letter sounds compulsory.

Therefore, combining the above mentioned facts, Vietnamese business partners (in this letter are the addressees with email addresses: *ltl@globalrustrade.com* and *amisu.exim@gmail.com*) feel as if they are not treated as an equal partners in this business co-operative relationship, although in this situation they play the role of clients (buyers), who, according to business culture in Vietnam, are considered as God. Furthermore, in case of business letters sent to a group of addressees, such a letter breaks the principle of face-work in business communication. According to this principle, participants in communication should keep the face (honor) for their counterpart in the situations of negative communication or conflicts [Kim, Guan, Park, 2012; Oetzel, et al., 2001; Vương, 2009, tr. 53; Walsh et al., 2003].

Letter 1

Literally translated into English	Original letter in Russian
<p>20.10.2017, 17:58 Kisetov Stanislav Vladimirovich <stanislav.kisetov@uniconf.ru> To: ltl@globalrustrade.com Cc: 'eeb@globalrustrade.com', 'amisu.exim@gmail.com', Prikhno Alexandr Nikolaievich</p> <p>Dear colleagues, I early told you in the skype conference about the requirements of the table. I need the codes UKP. In the second table there are not these codes. I ask you to / Please provide the table with codes.</p> <p>Best regards, Kisetov Stanislav</p>	<p>20.10.2017, 17:58 "Кисетов Станислав Владимирович" <stanislav.kisetov@uniconf.ru> Вам и ещё 3: ltl@globalrustrade.com Cc: 'eeb@globalrustrade.com', 'amisu.exim@gmail.com', Прихно Александр Николаевич</p> <p>Уважаемые коллеги, Я ранее Вам сообщил в скайп конференции требования к таблице. Мне нужны коды УКП. Вторая таблица списка кодов не имеет. Прошу Вас предоставить таблицу с кодами.</p> <p>Best Regards, Kisetov Stanislav</p>

Hence, the problem of cross-cultural business communication via virtual correspondence is that the language used by the addressers to express their communicative intentions in business letters could be taken into consideration.

In Letter 2 written by a Russian partner, there are some more examples of difficulties of Vietnamese partners in comprehending communicative attitude of the Russian partner due to the difference in the language features of business correspondence in Russian and Vietnamese.

In this letter there are some phrases that may be appreciated as standard in Russian, but when translated into English and Vietnamese, they will seem quite strange to a Vietnamese:

1. Часть позиций выпало по причине их полного отсутствия.

English	<i>Some of the items have been left out due to complete shortage</i>
Vietnamese	<i>Một vài sản phẩm đã bị bỏ đi do hoàn toàn thiếu hụt (đơn đặt hàng)</i>

2. Есть вопросы по выбранному ассортименту:

English	<i>There are questions about the selected items:</i>
Vietnamese	<i>Có một số câu hỏi về các sản phẩm đã được lựa chọn</i>

3. Обсудите данный вопрос с клиентом

English	<i>Discuss this issue with the client</i>
Vietnamese	<i>Hãy thảo luận vấn đề này với khách hàng</i>

Letter 2

Literally translated into English	Original letter in Russian
<p>23.10.2017, 16:33 Kisetov Stanislav Vladimirovich <stanislav.kisetov@unicconf.ru>: To: ltl@globalrustrade.com, 'eeb@globalrustrade.com' Cc: 'tea@ic-cc.ru', 'ibi@globalrustrade.com', Prikhno Alexandr Nikolaievich</p> <p>Dear colleagues, Global Rus Trade Some of the items have been left out due to the complete shortage (maybe of orders). There are some questions about the selected assortment: – I highlighted items, which, in my opinion, is not suitable for sale in Vietnam due to the short shelf life. – About 2 months for delivery (from 30 to 50 days) + distribution to TT (2 weeks) + possible downtime during shipping, clearance at customs, etc. force majeure (2 weeks). – For products with the shelf life of 8 months or less, it already takes more than 1/3 of the shelf life upon arrival in Vietnam, taking into account of all above listed factors. – Discuss this issue with the client. From our side, I do not see the sense in importing such an assortment. We suppose that the minimum shelf life should be from 9 months. – In this case, caramel is a suitable product since it has a shelf life of 15 months. It is ideal for hot countries.</p> <p>Best Regards, Kisetov Stanislav</p>	<p>23.10.2017, 16:33 "Кисегов Станислав Владимирович" <stanislav.kisetov@unicconf.ru>: Вам и ещё 4: я (ltl@globalrustrade.com), 'eeb@globalrustrade.com' Cc: 'tea@ic-cc.ru', 'ibi@globalrustrade.com', Прихно Александр Николаевич</p> <p>Уважаемые коллеги, Global Rus Trade, Часть позиций выпало по причине их полного отсутствия. Есть вопросы по выбранному ассортименту: – Выделил заливкой ассортимент, который, по моему мнению, не подходит для реализации во Вьетнаме по причине коротких сроков хранения. – До 2 месяцев доставка (от 30 до 50 дней) + дистрибуция по ТТ (2 недели) + возможный простой при отгрузках, таможне и т.д. форс мажор (2 недели). – Для продукции со сроком годности в 8 месяцев и меньше это уже более 1/3 по факту прибытия во Вьетнам с учетом всевозможных факторов. – Обсудите данный вопрос с клиентом. С нашей стороны не вижу обоснованного смысла даже пытаться импортировать такой ассортимент. Считаем, минимальный срок годности от 9 месяцев. – Карамель в данном случае, подходящий продукт т.к. 15 месяцев срок годности. Для жарких стран подходит идеально.</p> <p>С уважением, Кисетов Станислав</p>

The first phrase *Some of the items have been left out due to complete shortage*, in opinion of Vietnamese, is not nice for clients to receive, as it is a negative answer about the absence of products, which the clients had taken time to choose carefully from the list that the seller had sent to them. In this situation, according to the etiquette of business communication in Vietnam, the sentence should be written as following: “*Sorry for this inconvenience, but unfortunately, some items that you chose are currently out of stock or not available in store because of being eliminated due to the shortage of orders* (then the seller should provide the list of these unavailable items so that clients don’t waste their time to choose them again).

The second phrase *Есть вопросы по выбранному ассортименту* (in Russian) applies the possessive structure in Genitive case “*у кого есть что*” – “*someone has something*” with the omission of possessive pronoun “*у кого*” (*someone*). Thus, when translated into English, it becomes *There are some questions about the selected assortment* and into Vietnamese *Có một số câu hỏi về các sản phẩm đã được chọn* that sounds rather rude to Vietnamese speakers because of the absence of the subject of the activity in the sentence. In Vietnamese, this kind of sentence is used only in the situations of extreme arguments, in which interlocutors neither want to address one and another by personal pronouns nor look at each other as if they are speaking to the air and don’t pay attention to the presence of their counterpart. Therefore, when reading such a sentence, Vietnamese business partners feel that Russian partners don’t respect them or don’t want to build a business relationship with them. Unfortunately, this structure is rather popular in Russian. According to Vietnamese etiquette, this sentence should be written as following: *Tôi có một số câu hỏi về các sản phẩm đã được chọn* (*I have some questions about the selected items*) with the presence of subject I.

In the third example *Discuss this issue with the client* the imperative form of verb is used, which, as mentioned above, makes it sound like an obligation. It is not appropriate for business communication, especially with potential clients, because they will feel that the addresser (seller)

is at the position of a ‘superior’ and it is not fair (efficient) for them to join in this business. In our opinion, the imperative form of verbs should be used only in the contexts, where the addresser is at a higher status than the addressee, for example, the employer to his employees, but it is not wise to use it in cross-cultural communication. According to the requirement of business letters in English and Vietnamese, a letter of request or inquiry should be written in a happy and polite manner with the use of an interrogative sentence model [Cecil, 2010; Kamalipour, Greidina, 2017; Trong, 2009] like *Could you please discuss this issue with the client*, or at least by expressing a desire: *I would like you to help me discuss this issue with the client*.

Thus, in virtual cross-cultural communication, business letters play the role of the representative of a company or an enterprise and the characteristics of the text used in them could be understood as NSCBs of this representative. In order to increase the efficiency of virtual business communication with Russian partners, some Russian stereotypes of communicative behavior typical of business correspondence should be distinguished.

Representation of Russian stereotypes of communicative behavior in virtual business correspondence

According to the requirement of genres of business letters in the Russian, the language used in them should be standard, accurate, clear, formal, informative, concise, impersonal and neutral (i.e. do not use statements or words expressing emotion as well as assessment) [Burova, 2010; Le Thi Phuong Linh, 2020; Nguyen Tkhi Bik Lan, 2006; Trofimova, Kupchik, 2010; Uskova, 2006; Uskova, Trushina, 2002; Vasilyeva, Uskova, 2016; Veselov, 1990].

The analysis of business letters composed by Russian partners and delivered as virtual correspondence aimed at distinguishing some features of the Russian NSCB, resulted in making a list of the following characteristics: being dominant, uncompromising, adherent to their principles, explicit in expressing intentions and requirements. Some explanations on how these features get their lexical implementation follow below.

Being dominant. The tendency of dominance in communication by Russian partners is usually realized in their business letters with the way they use language to express requests or communicative intentions. Letter 3 is an example.

In this letter, the statement *I ask you the next time to write the proposal for samples with the product codes, with the correct names* leads the readers (Vietnamese) to understanding that Russian partners don't treat them fairly.

In fact, this NSCB is caused by the influence of the imperativeness of business letters in Russian, which was formed in the 16th –

18th centuries, when the genres of official letters appeared during the process of building and strengthening the state-legal relations of the Moscow state. The business correspondence style requires standardization of using language in official documents [Kiyanova, 2007]. As a result, the cliché such as *We ask you to (Про-сим Вас ...)*; *Request to sign (Просьба под-писать ...)*; *We are writing to you with a request (Обращаемся к Вам с просьбой ...)* are still widely used and characterize business letters in Russian (see Letter 4 and 5). Typical of official correspondence in Russian is the use

Letter 3

Literally translated into English	Original letter in Russian
<p>25.09.2018, 15:23 Kisetov Stanislav Vladimirovich <stanislav.kisetov@uniconf.ru> To: ltl@globalrustrade.com, 'eeb@globalrustrade.com' Cc: 'tea@ic-cc.ru', 'ibi@globalrustrade.com', Prikhno Alexandr Nikolaievich</p> <p>Colleagues, hello. In the attachment you will find the expanded list of products ordered by the company. I ask you the next time to write the proposal for samples with the product codes, with the correct names. Otherwise, it is impossible to work. The process takes minutes with codes without codes takes hours.</p> <p>Thank.</p>	<p>25.09.2018, 15:23 "Кисетов Станислав Владимирович" <stanislav.kisetov@uniconf.ru> Вам и ещё 4: я (ltl@globalrustrade.com), 'eeb@globalrustrade.com' Cc: 'tea@ic-cc.ru', 'ibi@globalrustrade.com', Прихно Александр Николаевич</p> <p>Коллеги, здравствуйте. Во вложении дополненный список по продукции, которую заказала компания. Прошу Вас в следующий раз писать заявки на образцы с кодами продукции, с верными названиями. Иначе невозможно работать. Процесс занимающий минуты с кодам без кодов занимает часы.</p> <p>Спасибо.</p>

Letter 4

Literally translated into English	Original letter in Russian
<p>01.11.17, 15:04 Kisetov Stanislav Vladimirovich <stanislav.kisetov@uniconf.ru> To: me (ltl@globalrustrade.com), 'amisu.exim@gmail.com' Cc: 'eeb@globalrustrade.com', 'ibi@globalrustrade.com', 'tea@ic-cc.ru', Prikhno Alexandr Nikolaievich</p> <p>Good day. Completion of requested information is needed, please. In fact, send full details on requested information. I will further send it for checking.</p> <p>Thank.</p>	<p>01.11.17, 15:04 "Кисетов Станислав Владимирович" <stanislav.kisetov@uniconf.ru> Вам и ещё 5: я (ltl@globalrustrade.com), 'amisu.exim@gmail.com' Cc: 'eeb@globalrustrade.com', 'ibi@globalrustrade.com', 'tea@ic-cc.ru'П, Прихно Александр Николаевич</p> <p>Добрый день. Нужна полная запрашиваемая информация, пожалуйста. По факту вышлите полные данные. Я отправлю далее на проверку.</p> <p>Спасибо.</p>

Letter 5

Literally translated into English	Original letter in Russian
<p>07.11.17, 14:20 Kisetov Stanislav Vladimirovich <stanislav.kisetov@uniconf.ru> To: me (ltl@globalrustrade.com), 'amisu.exim@gmail.com' Cc: 'eeb@globalrustrade.com' 'ibi@globalrustrade.com' 'tea@ic-cc.ru'</p> <p>Colleagues, The letter of credit should be in the amount of the payment currency, i.e. in dollars or euros. The request to clarify the currency with the client and convert dong into the mentioned amount.</p> <p>Best Regards, Kisetov Stanislav</p>	<p>07.11.17, 14:20 "Кисетов Станислав Владимирович" <stanislav.kisetov@uniconf.ru> Вам и ещё 5: я (ltl@globalrustrade.com), 'amisu.exim@gmail.com' Cc: 'eeb@globalrustrade.com' 'ibi@globalrustrade.com' 'tea@ic-cc.ru'</p> <p>Коллеги, Аккредитив нужен в сумме валюты платежа, – т.е. доллары или евро. Просьба уточнить у клиенту валюту и перевести донги в указанную сумму.</p> <p>Best Regards, Kisetov Stanislav</p>

of modal verbs of obligation, such as *нужно* (should, it's necessary), *надо* (ought to, need to), *необходимо* (must, it's necessary), *придется* (have to).

It's necessary to notice that using the modal verbs of obligation and the imperative forms of verbs in business letters in Russian is not a good choice for virtual cross-cultural business communication because it makes the letters sound like commands for foreign business partners to do something. In order to avoid misunderstanding and communicative error, from our point of view, these grammatical structures shouldn't be used in virtual cross-cultural business correspondence by Russians.

Being uncompromising. Being uncompromising is observed in the process of virtual business communication with Russian partners through the fact that Russians usually use the phrases such as *На наш (мой) взгляд* – *In our (my) opinion*, *С нашей (моей) точки зрения* – *From our (my) point of view*, *По моему (моему) мнению* – *according to me*, etc. to express their opinions or assessments. For examples:

– *Выделил заливкой ассортимент, который, по-моему мнению, не подходит для реализации во Вьетнаме по причине коротких сроков хранения.*

– *Считаем, минимальный срок годности от 9 месяцев.*

– *Весовые конфеты – по моему мнению, товар также только для ТС или ТТ с кондиционерами.*

– *Я бы не советовал начинать работу с ассортиментом, со сроком годности менее 12 месяцев, если поставки планируются не самолетом. Для поставок контейнером только 12 месяцев для нового товара.*

This feature of Russians is also confirmed by Yu.E. Prokhorov and I.A. Sternin, who affirmed that Russians love to argue, to give personal opinions aiming at contributing to appropriate judgments [Prokhorov, Sternin, 2006]. It is necessary to notice that the verbs *argue* or *dispute* in Russian are understood in a positive way as providing reasons, evidences or opposing views in order to bring out the best solution for a problem. Unfortunately, in Vietnamese, if a person is said to be in an argument with another, it could be understood that he is getting stuck in a rather drastic conflict.

In fact, using phrases expressing individual opinions, from the point of view of Russians, aims at indicating the responsibility of the speaker for his statement. That is the reason, why in Russian impersonal structures such as *Надо* (must, have to), *Нужно / необходимо* (It's necessary to) without indicating the subject of activity, or nouns derived from verbs, for examples *Просьба* (A request) used to replace verbs of the first person *Прошу* (I request) and the third person *Просим*

(*We request*) are very popular. According to Russian linguists, the impersonal structures help to reduce individualization (in other words, to express the modesty and the collectivism) of the Russians [Kostina, Egorychev, Riger, 2013; Zaretsky, 2008].

Being adherent to their principles. Another NSCB of Russian partners in virtual business correspondence is presented through using templates such as *I ask you to do something* (*Прошу Вас что-нибудь сделать*); *Request to do something* (*Просьба сделать что-нибудь*); *We are writing to you with a request...* (*Обращаемся к Вам с просьбой...*); *Remind you that...* (*Напоминаем Вам, что...*); *We are forced to remind you of...* (*Мы вынуждены напомнить Вам о...*); *We hereby remind you...* (*Настоящим напоминаем Вам...*) in business letters. When directly translated in cross-cultural situations, especially in business communication, they sound inappropriate.

The adherence to principles of Russian business partners is formed under such requirements

of business letter style in Russian as standardization, accuracy, clarity, conciseness and formality, according to which the language used in commercial letters in Russian should consist of standard phrases or cliché. In real communication this feature is also confirmed by R.D. Lewis – Russians tend to maintain their disciplines and *keep their words* [Lewis, 2001]. Being not aware of this characteristic of Russian NSCBs, Vietnamese partners definitely faced the failure that follows Letter 6.

The reason to send Letter 6 is that the price of samples in invoice sent to a client in Vietnam is much lower than their real price for selling in the market. That is the reason why upon arrival in the Vietnam airport, the samples cannot pass the Vietnamese Customs. According to the client's suggestion, Russian partners should adjust the price of samples in invoice, but they stay adherent to their principles and as a result, the client cannot receive the samples. Such a situation repeated many times with clients from Vietnam.

Letter 6

Literally translated into English	Original letter in Russian
<p>05.06.18, 11:47 Prikhno Alexander Nikolaevich "alexandr.prikhno@uniconf.ru"</p> <p>To: me and 6 more: (ltl@globalrustrade.com), Anastasia Sukhova, Kisetov Stanislav Vladimirovich, Elena Erofeeva, Elena Tudyarova, Irina Ipatova, Nguyen Quynh Anh</p> <p>Dear colleagues, good afternoon! – When sending samples (JUST SAMPLES OF PRODUCT!!!), but not selling product upon a purchase agreement, we indicate the price, by which we can pay for samples. The market price of the product doesn't have any relation with the price samples. – We never send samples with the price for selling products. Payment for sending samples via DHL is based on the cost of samples indicated in invoice. – The real price of samples is what indicated in the invoice. – It is in this way that we send samples to all promising companies in Vietnam and not only (to this company).</p> <p>Best regards, Alexandr Prikhno Export Sales Director "United Confectioners Ltd."</p>	<p>05.06.18, 11:47 Re: Samples//DHL EXPRESS AWB#5913741050 Прихно Александр Николаевич «alexandr.prikhno@uniconf.ru» Вам и ещё 6: (ltl@globalrustrade.com), Сухова Анастасия Вячеславовна, Кисетов Станислав Владимирович, Елена Ерофеева, Елена Тудиярова, Irina Ipatova, Nguyen Quynh Anh</p> <p>Уважаемые коллеги, добрый день! – При отправке образцов (ИМЕННО ОБРАЗЦОВ ПРОДУКЦИИ!!!), а не продаже продукции по договору покупки мы указываем ту цену по которой мы можем отправлять образцы. К рыночной стоимости стоимость образцов не имеет никакого отношения. – Мы никогда не отправляем образцы по базовой цене продажи продукции. Оплату отправки образцов через DHL мы проводим на основании стоимости инвойса образцов. – Реальная цена образцов продукции – то что указано в инвойсе. – Именно по такой схеме мы отправляем образцы всем перспективным компаниям во Вьетнаме и не только.</p> <p>Best regards, Alexandr Prikhno Export Sales Director "United Confectioners Ltd."</p>

Being explicit in expressing intentions and requirements. Like other stereotypes of communicative behavior, the explicitness of Russian partners in virtual business communication is also under the influence of standardization, accuracy, clarity, conciseness of business letters in Russian. This feature of Russian business correspondence could be realized through the use of fixed patterns of sentence to avoid ambiguousness in business documentation. For examples:

– ***Due to the fact that client Amisu plans to work on a letter of credit, we need to go through a non-standard checking (В виду того, что клиент Amisu планирует работать на условиях аккредитива, то нам необходимо пройти нестандартную проверку).***

– ***To continue the Skype conference, I am sending a table for filling out, which is necessary for checking the bank for the possibility to obtain a letter of credit (В продолжении скайп конференции, высылаю таблицу для заполнения, необходимую для проверки банка на возможность получения аккредитива).***

According to these examples, the explicitness in expressing communicative intentions and requirements of Russian partners could be understood in a positive way that they are frankly and honest in expressing their views as well as ideas without using many mincing words. However, in some cases, for instance, when client's proposal does not meet the seller's expectation, a frank refusal can lead to the failure in building the business relationship. For example: *United Confectionery company doesn't have any reason to offer 20% as regular discount on a product. Why 20%? (У компании Объединенные Кондитеры нет оснований в предоставлении 20% в качестве регулярной скидки на продукцию. Почему 20%?)*.

Such a straightforward answer of a Russian counterpart makes Vietnamese business partners feel embarrassed, because according to Vietnamese culture of communication, it is not kind to straightforwardly refuse someone's offers, especially of clients. Therefore, in case that a refusal is needed, Vietnamese usually choose indirect ways to express it, as it is in Letter 7:

Re: RED APRON & UNICONF

Nguyen Quynh Anh 07.08.2018, 11: 30

Dear Linh,

Thank you for your offer and efforts sending the samples to us. We regretfully have to decline the offer due to the over budget of price.

It has not been successful on this occasion but we look forward to the possibility of trading with you in next year.

Thanks again and regards

Quynh Anh NGUYEN (Ms)

Assistant to the business Manager

Les Celliers d'Asie & Red Apron Fine Wines and Spirits

Address: 18 Yen The St., Ba Dinh Dist., Hanoi, Vietnam

This letter was originally written in English by a Vietnamese partner (RED APRON) to his Russian business counterpart (UNICONF) through a Vietnamese dealer (Linh), in which we can find characteristics of the polite style of business letters in Vietnamese. However, some practical knowledge of Russian stereotypes of communicative behavior in business can help Vietnamese partners perceive the above stated refusal of a Russian partner in another way: the Russian partner would like the Vietnamese to give the reasons why the discount 20% is needed (*Why 20%?*), since his NSCB in virtual business communication is uncompromising (loving arguments).

Conclusion

The business letters under analysis showed that the majority of failures in the process of virtual communication between Russian and Vietnamese business partners are due to differences in their NSCBs, which are formed by the influence of the requirements of business letters in their native language such as standardization, accuracy, clarity, formality, informativeness, conciseness and impersonality. The study demonstrated that in virtual cross-cultural business communication, Russian partners obtain the following national stereotypes of communicative behavior:

- having tendency of dominance in communication with foreign business partners, especially with Vietnamese native speakers;
- being not easy to become compromising in business communication;
- being very adherent to their communicative principles;

– being explicit in expressing intentions and requirements.

Their awareness is required in cross-cultural business activity, as it might help foreign business partners, especially Vietnamese, avoid sad misunderstandings in virtual business communication with Russian partners.

REFERENCES

- Arapova M.A., 2007. *Fenomen ulybki v russkoy, angliyskoy i amerikanskoy kulture: dis. ... kand. filos. nauk* [Phenomenon of Smile in Russian, English and American Culture. Cand. phil. sci. diss.]. Moscow. 195 p.
- Burova I.A., 2010. *Delovaya rech, delovaya perepiska. V 2 ch. Ch. 1* [Business Speech, Business Correspondence. In 2 Parts. Part 1]. Moscow, MIIT Publ. 95 p.
- Camille B., 2018. *What a Russian Smile Means. How Culture and History Make American and Russian Smiles Different*. New York. URL: <http://nautil.us/issue/61/coordinates/what-a-russian-smile-means> (accessed 8 August 2019).
- Cecil B. Hartley., 2010. *The Gentlemens Book of Etiquette and Manual of Politeness*. [S. 1.], Sigaud Press. 334 p.
- Kamalipour Ya.R., Greidina N.L., 2017. *Communicating Through the Universe (Global Communication)*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing. 270 p.
- Kim W., Guan X., Park H.S., 2012. Face and Face-Work: A Comparison of Managing Politeness Norms in the United States and Korea. *International Journal of Communication*, no. 6, pp. 1100-1118. URL: https://www.researchgate.net/publication/274312731_Face_and_Facework_A_Cross-Cultural_Comparison_of_Managing_Politeness_Norms_in_US_and_Korea (accessed 8 August 2019).
- Kiyanova O.N., 2007. *Problemy yazykovoy normy russkikh letopisnykh tekstov kontsa XVI–XVIII vv.: dis. ... d-ra filol. nauk* [Problems of the Language Norm of Russian Annalistic Texts of the Late 16th – 18th Centuries. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 410 p.
- Kostina E.A., Egorychev A.M., Riger A., 2013. Russkie: kharakter, mentalnost, stereotipy povedeniya [Russians: Character, Mentality, Behaviour Stereotypes]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], no. 6 (16), pp. 116-128.
- Le Thi Phuong Linh, 2020. Osobennosti biznes-korrespondentsii v russkom i vo vyetnamskom yazykakh [Characteristics of Business Correspondence in Russian and Vietnamese]. *Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik. Russkiy yazyk za rubezhom* [International Post-Graduate Student Bulletin. Russian Language Abroad], no. 1, pp. 59-63.
- Lewis R.D., 2001. *Delovye kultury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoveniya k vzaimoponimaniyu* [Business Culture in International Business. From Collision to Mutual Understanding]. Moscow, Delo Publ. 448 p.
- Lewis R.D., 2006. *When Cultures Collide: Leading Across Cultures*. Boston, London, Nicholas Brealey International. 625 p.
- Nguyen Tkhi Bik Lan, 2006. *Lingvostilicheskie osobennosti russkoy kommercheskoy korrespondentsii: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and Stylistic Features of Russian Commercial Correspondence. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 245 p.
- Nguyen Vu Khyong Ti, 2010. Obrashcheniya-vokativy rodstva v russkom i vyetnamskom obshchenii [Addresses-Vocatives of Kinship in Russian and Vietnamese Communication]. *Aktualnye problemy russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya: traditsii i innovatsii* [Actual Problems of the Russian Language and Its Teaching Methods: Traditions and Innovations]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 216-220.
- Oetzel J., Ting-Toomey S., Masumoto T., Yokochi Yu., Pan X., Takai J., Wilcox R., 2001. Face and Facework in Conflict: A Comparison of China, Germany, Japan, and the United States. *Communication Monographs*, vol. 68, iss. 3, pp. 235-258. URL: https://www.researchgate.net/publication/248925162_Face_and_facework_in_conflict_A_cross-cultural_comparison_of_China_Germany_Japan_and_the_United_States (accessed 8 August 2019).
- Prokhorov Yu.E., 1996. *Natsionalnye sotsiokulturnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [National Socio-Cultural Stereotypes of Verbal Communication and Their Role in Teaching Russian to Foreigners]. Moscow, Pedagogika-press Publ. 224 p.
- Prokhorov Yu.E., Sternin I.A., 2006. *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: Communicative Behavior]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 238 p.
- Sternin I.A., 2000a. Ponyatie kommunikativnogo povedeniya i problemy ego issledovaniya [The Concept of Communicative Behavior and the Problems of Its Research]. *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie. Vyp. 1: sb. st.* [Russian and Finnish Communicative Behavior.

- Iss. 1. Collection of Articles]. Voronezh, VGTU, pp. 4-20. URL: <http://commbehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2000/Sternin1.htm> (accessed 9 August 2019).
- Sternin I.A., 2000b. Ulybka v russkom kommunikativnom povedenii [Smile in Russian Communicative Behavior]. *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie. Вып. 1: sb. st.* [Russian and Finnish Communicative Behavior. Iss. 1. Collection of Articles]. Voronezh, VGTU, pp. 53-61. URL: <http://commbehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2000/Sternin4.htm> (accessed 9 August 2019).
- Trofimova O.V., Kupchik E.V., 2010. *Osnovy delovogo pisma* [Fundamentals of Business Writing]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 304 p.
- Uskova O.A., 2006. *Metazyk biznesa v yazykovom prostranstve: monografiya* [Meta-Language of Business in the Language Space. Monograph]. Moscow, MOC MG. 218 p.
- Uskova O.A., Trushina L.B., 2002. *Elitnyy personal i K^o: russkiy yazyk delovogo obshcheniya (prodvinutyi sertifikatsonnyy uroven)* [Elite Staff and C: The Russian Language of Business Communication (Advanced Certification Level)]. Moscow, Russkiy yazyk. Kursy Publ. 288 p.
- Vasilyeva T.V., Uskova O.A., 2016. Osobennosti virtualnogo professionalnogo obshcheniya: stilevoe prostranstvo professionalnykh sotsiolektov [The Peculiarities of Virtual Professional Communication: The Stylistic Domain of Professional Sociolects]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 5, pp. 13-21.
- Veselov P.V., 1990. *Sovremennoe delovoe pismo v promyshlennosti* [Modern Business Writing in Industry]. Moscow, Izd-vo standartov. 160 p.
- Vương Thị Kim Thanh, 2009. Phân tích diễn ngôn thư tính thương mại tiếng Việt [Analyse the discourse of business correspondence in the Vietnamese]. *Tạp chí Khoa học Xã hội Vùng Nam Bộ*, số 3 (127), tr. 50-55.
- Walsh Sh.L., Gregory E., Lake Y., Gunawardena Ch.N., 2003. Self-Construal, Face-Work, and Conflict Styles Among Cultures in Online Learning Environments. *ETR&D*, vol. 51, no. 4, pp. 113-121. URL: http://www.columbia.edu/~lsb31/conflict_styles_among_cultures.pdf (accessed 8 August 2019).
- Zaretsky E.V., 2008. *Bezlichnye konstruksii v russkom yazyke: kulturologicheskie i tipologicheskie aspekty (v sravnenii s angliyskim i drugimi indoevropayskimi yazykami): monografiya* [Impersonal Constructions in Russian: Cultural and Typological Aspects (In Comparison with English and Other Indo-European Languages). Monograph]. Astrakhan, Astrakhanskiy universitet. 564 p.

Information About the Authors

Olga A. Uskova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Head of the Testing Center for Foreign Citizens, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russia, olgauskova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9132-9949>

Le Thi Phuong Linh, Lecturer, Department of Russian Language, Hochiminh City University of Education, 280 An Duong Vuong, District 5, Hochiminh City, Vietnam, nevalyashka_vn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7110-7129>

Информация об авторах

Ольга Александровна Ускова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, директор Центра тестирования иностранных граждан, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия, olgauskova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9132-9949>

Ле Тхи Фьонг Линь, преподаватель кафедры русского языка, Педагогический университет г. Хошимина, 280 Ан Зьонг Вьонг, район 5, г. Хошимин, Вьетнам, nevalyashka_vn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7110-7129>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.13>

UDC 81'42:82-1
LBC 81.055.1

Submitted: 30.08.2019
Accepted: 28.04.2020

NONDEFINITIVITY OF POETIC TEXT UNITS IN VIEW OF INTERTEXTUALITY THEORY

Ilya V. Sergodeev

Snezhinsk Physics and Technology Institute
(branch of the National Research Nuclear University "MEPhI"), Snezhinsk, Russia

Abstract. The article considers the problem of finding unmarked intertextual units in fiction. The typology of intertextual relations is represented. These relations are divided into autotextuality, paratextuality, intertextuality and archtextuality. Intertextual units are viewed as marked and unmarked ones. The phenomenon of intertextual crosslinking and the exchange of contexts between identical address texts units is discussed. The pattern of nondefinitivity is researched. It is divided into three subpatterns: the context type (explicit / implicit), valance, intertextual potential. A textual unit being in the implicit context has several dictionary and non-dictionary meanings at the same time. A textual unit being in the explicit context has only one dictionary meaning. Valance is discussed from the perspective of the textual aspect. The terms of polysemy and multisense are defined and differentiated. Intertextual potential bases on the examples of well-known and unknown texts, which are linked together by intertextual units. On the other hand, intertextual potential bases on the examples of references to a referent with the use of personal pronouns and common nouns, which do not nominate a person or an object. An unmarked unit of intertextuality has the following features: the implicit type of context, polysemy, intertextual potential equals to 1. The works of R. Frost, R. Lowell, L. Hughes, W. Blake, E. E. Cummings provide practical material, which illustrates the pattern of nondefinitivity.

Key words: intertextuality, intertextual relations, type of intertextual relations, valance, implicit context, intertextual potential, nondefinitivity, poetic text.

Citation. Sergodeev I.V. Nondefinitivity of Poetic Text Units in View of Intertextuality Theory. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 145-156. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.13>

УДК 81'42:82-1
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 30.08.2019
Дата принятия статьи: 28.04.2020

НЕДЕФИНИТИВНОСТЬ ЕДИНИЦ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Илья Витальевич Сергодеев

Снежинский физико-технический институт
(филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»), г. Снежинск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы вычленения немаркированных единиц интертекстуальности в художественном произведении. Предложена типология интертекстуальных отношений: автотекстуальность, паратекстуальность, интекстуальность, архитекстуальность. Единицы интертекстуальности

ти разделены на маркированные и не маркированные. Рассматривается феномен интертекстуальной пересечаемости и обмена контекстов между идентичными единицами адресных текстов. Обсуждается признак недефинитивности текстовых единиц, который обусловлен типом контекста, значностью, интертекстуальным потенциалом. Текстовая единица, пребывающая в имплицитном контексте, определяется сразу несколькими словарными и/или несловарными значениями, а единица, пребывающая в эксплицитном контексте, определяется строго одним словарным значением. Значность описывается с позиций текстологии: выделяются и разграничиваются понятия многозначности и многосмысленности. Интертекстуальный потенциал представлен упоминанием общеизвестных / неизвестных текстов через единицы интертекстуальности, отсылками к референту посредством личных местоимений, общеупотребительными существительными без указания имени человека или названия объекта. Установлено, что не маркированной единице интертекстуальности свойственны имплицитный контекст, многозначность, интертекстуальный потенциал, равный 1. Реализация признака недефинитивности показана на примере поэтических текстов Р. Фроста, Р. Лоуэлла, Л. Хьюза, У. Блейка, И.И. Каммингса.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстуальные отношения, тип интертекстуальных отношений, значность, имплицитный контекст, интертекстуальный потенциал, недефинитивность, поэтический текст.

Цитирование. Сергодеев И. В. Недефинитивность единиц поэтического текста в свете теории интертекстуальности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 145–156. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.13>

Введение

В языкознании существует весьма ограниченное количество подходов к решению проблемы вычленения интертекстуального (далее – ИТ) включения из общего объема рассматриваемого произведения. По мнению И.В. Арнольд, отсутствие способа вычленения ИТ включения обусловлено высокой сложностью и модальностью имплицитных функций (оценочных, характерологических, композиционных, идейных) [Арнольд, 1999]. В.Е. Чернявская пишет о коммуникативно-прагматической и психологической открытости текста адресату (предполагающей наличие интертекстуальной компетенции у читателя) [Чернявская, 2004]. С позиций когнитивного подхода ИТ включения делятся на маркированные и не маркированные [Тимофеева, 2007]. Маркированные ИТ включения выделяются авторами произведений кавычками, прописными буквами, шрифтами и пр., не маркированные – не выделяются. При всей разработанности данного подхода способ выделения не маркированных реминисценций не предлагается.

Несмотря на высокую степень проработанности теории интертекстуальности в целом, проблема вычленения не маркированных ИТ единиц все еще остается актуальной, поскольку их узнаваемость в основном зависит от фоновых знаний адресата.

Материал и методы исследования

Объектом исследования избраны не маркированные ИТ единицы. Цель статьи заключается в выявлении признаков не маркированной ИТ единицы, с тем чтобы упростить задачу выделения этой единицы из анализируемого произведения.

Методология работы строится на посвященных теории интертекстуальности трудах отечественных и зарубежных филологов (см., например: [Арнольд, 1999; Жетт, 1998; Кристева, 2004; Кузьмина, 1999; Олизько, 2009; Смирнов, 1995; Фатеева, 2000]. Основываясь на результатах исследований указанных ученых, предлагаем типологию ИТ отношений: синтагматические типы отношений авто-, паратекстуальности; парадигматические типы ин-, архитектстуальности. К автотекстуальным единицам относятся самоцитация и самоаллюзия. Паратекстуальные единицы представлены заглавием, эпиграфом, авторским комментарием, редакторской аннотацией и прочими дополнительными справочными материалами, относящимися к рассматриваемому произведению. Интекстуальная единица определяется как аллюзия, цитация, аллюзивный сюжет, аллюзивные антропонимы. Архитекстуальность понимается как жанровое подражание и как отсылка к общеизвестным художественным образам или феноменам культуры.

Для упрощения выделения немаркированных ИТ включений из произведения, рассмотрим феномен недефинитивности текстовых единиц. Недефинитивность текстовых единиц актуализируется в случае, если реципиент работает с семантически «нелинейными» лексемами, контекстные значения которых затруднительно определить в силу их полиинтерпретативности. Недефинитивность делится на три более узких признака, выраженных в типе контекста (имплицитный vs эксплицитный контекст), значности анализируемой единицы (однозначность vs *n*-значность) и ИТ потенциале (0 vs 1).

Немаркированному ИТ включению свойственен имплицитный контекст, *n*-значность, ИТ потенциал, равный 1.

Материалом исследования послужили поэтические тексты – ритмически организованная, обычно рифмованная речь, имеющая соответствующее стихам графическое выражение. В статье анализируются произведения Р. Фроста, Р. Лоуэлла, Л. Хьюза, У. Блейка, И.И. Камминга.

Результаты и обсуждение

Феномен имплицитного контекста

Охарактеризуем эксплицитный и имплицитный типы контекста. Эксплицитный контекст – законченный отрывок письменной или устной речи (текста), пребывая в котором текстовая единица определяется строго одним словарным значением. Имплицитный контекст – законченный отрывок письменной или устной речи (текста), пребывая в котором текстовая единица не может быть определена однозначно; она полиинтерпретативна, определяется в том числе несловарными значениями.

Имплицитный контекст обусловлен пересечением кода (текстовой единицы) индивидуально-авторской картины мира с идентичными элементами адресных текстов. Текстовая единица, изначально определяемая словарным значением в заданном контексте, приобретает статус полиинтерпретативной единицы, поскольку ее смысловой комплекс актуализирует авторское, несловарное, свойственное философской системе отдельного поэта значение. Таким образом, реципиент сталки-

вается с имплицитным контекстом, когда имеет дело с единицами анализа, являющимися авторскими кодами, смысл которых выходит за пределы их словарных значений. Интерпретация текстовой единицы, пребывающей в имплицитном контексте, строится на ИТ типах межтекстовых взаимодействий.

Рассмотрим имплицитный контекст на примере отрывка стихотворения Р. Фроста «Stopping by Woods» («Остановка в лесу»):

(1) Whose **woods** these are I think I know.

His house is in the village though;

He will not see me stopping here

To watch **his woods** fill up with snow.

<...>

The **woods** are lovely, dark and deep,

But I have promises to keep,

And miles to go before I sleep,

And miles to go before I sleep (Frost, p. 275).

Чей это лес – я думаю, что знаю.

Его дом находится в деревне;

Он не увидит, как я останавливаюсь здесь,

Чтобы посмотреть,

как его лес наполняется снегом.

<...>

Лес прекрасный, темный и глубокий,

Но я должен сдерживать обещания,

И пройти дальний путь, перед тем как уснуть,

И пройти дальний путь, перед тем как уснуть

(здесь и далее перевод с английского наш. –И. С.).

В первой строфе представленного отрывка текстовая единица *woods* (лес) пребывает в эксплицитном контексте, поскольку определяется словарным значением – “an area of trees, smaller than a forest” (OLD). Однако в последней строфе произведения Р. Фрост предлагает читателю самостоятельно решить, как интерпретировать текстовую единицу *woods*. Автор использует стилистическую фигуру антитезы *but I have promises to keep* (но я должен сдерживать обещания), которая приводит смысловой комплекс текстовой единицы *woods* в динамическое состояние, в результате чего актуализируется полиинтерпретативность этой единицы: лирический герой не хочет оставаться в лесу, так как у него есть обязательства и

он должен пройти путь, перед тем как уснуть. В этой же строфе существительное *woods* сочетается с контрастирующими по смыслу эпитетами *lovely* (красивый), *dark* (темный) и *deep* (глубокий), что подчеркивает неоднозначность образа: с одной стороны, лес красивый и завораживающий, с другой – пугающе темный и глубокий. Семантика текстовой единицы *woods* обусловлена имплицитным контекстом, в котором данная единица определяется несловарными значениями. Предложим один из вариантов: лес символизирует смерть, к приходу которой лирический герой хочет подготовиться, сдержать данное им обещание, пройти жизненный путь и т. д. Таким образом, текстовая единица *woods* является полиинтерпретативной единицей, поскольку аспекты ее смыслового комплекса выходят за пределы словарных значений. В имплицитном контексте пребывает также личное местоимение *he* (он), *his* (его). Он, то есть хозяин леса из первой строфы, семантически преобразуется в некое сверхъестественное существо, управляющее лесом (смертью) из последней строфы. Другими словами, вариант интерпретации *he* напрямую зависит от контекстного значения *woods*.

Рассмотрим текстовую единицу *woods* с позиций ИТ отношений с тем, чтобы уточнить варианты ее контекстных значений. Идентичная единица *wood(s)* встречается 121 раз в текстовом корпусе поэта, представленном в книге «Complete Poems of Robert Frost» (1964).

Автотекстуальные связи идентичных единиц *woods* формируют общий интерконтекст, в рамках которого эти единицы обмениваются своими контекстными значениями, что приводит к динамике смыслового комплекса каждой из них. Рассмотрим несколько примеров.

В стихотворении «The Demiurge’s Laugh» («Смех демиурга») встречаем поэтический образ *wood*, идентичный описанному выше:

(2) It was far in the sameness of **the wood**;

I was running with joy on the Demon’s trail,
Though I knew what I hunted was no true god
(Frost, p. 35).

Это было далеко в единообразии леса;
Я радостно бежал по следу Демона,
Хотя я знал, что искомое мною
не было истинным Богом.

С одной стороны, *wood* может обозначать обыкновенный лес – место действия стихотворения. С другой стороны, в связке с существительным *sameness* (единообразие) текстовая единица *wood* представляется метафорическим лесом заблуждений, то есть множественностью одинаково неверных суждений. К выбору такого варианта контекстного значения подталкивает также строка *I knew what I hunted was no true god* (я знал, что охотился не на истинного Бога), которую можно перефразировать так: я никогда не искал правды; то, что я искал, не было правдой. Странствие по «лесу заблуждений» является аллюзивным сюжетом, отсылающим к «Божественной комедии» Д. Алигьери: *Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу* (Данте, с. 18). По мнению М.Л. Лозинского, переводчика и исследователя творчества Д. Алигьери, строку *Я очутился в сумрачном лесу* следует понимать так: очутился «в темных дебрях грехов и заблуждений». Комментатор также приводит в пример параллельное место из трактата Д. Алигьери «Пир», в котором встречается фраза *порочный лес этой жизни* [Лозинский, 2017, с. 307].

Другим произведением Р. Фроста, в котором находим идентичный образ, эксплицируемый существительным *wood*, пребывающим в имплицитном контексте, является стихотворение «The Road Not Taken» («Непройденная дорога»):

(3) Two roads diverged in a yellow **wood**,
And sorry I could not travel both... (Frost, p. 131).

Две тропы разошлись в желтом лесу,
Увы, я не могу пройти обе...

Р. Фрост посвятил это стихотворение своему англо-уэльскому другу – поэту Э. Томасу. Он хотел с иронией описать постоянные сомнения Э. Томаса в правильности выбора жизненного пути и, как следствие, переживания из-за упущенных возможностей. Автор иронично комментировал эту ситуацию так: «No matter which road you take, you’ll always sigh and wish you’d taken another» (Frost) – «Неважно, какую дорогу ты выберешь. В любом случае ты будешь жалеть, что не избрал другую».

тексте, она определяется строго одним из своих словарных значений.

Значность единиц поэтического текста

Значность текстовых единиц можно выразить через дизъюнкцию «однозначность vs *n*-значность». Под однозначными текстовыми единицами понимаются единицы, которые определяются строго одним словарным значением в заданном эксплицитном контексте, *n*-значные единицы пребывают в имплицитном контексте и определяются сразу несколькими словарными и/или несловарными значениями. Если текстовая единица *n*-значна, ее следует считать ИТ единицей. Рассмотрим отрывок стихотворения Р. Лоуэлла «For the Union Dead» («Единой смерти»).

(5) **The stone statues of the abstract Union Soldier grow slimmer and younger each year** – wasp-waisted, they doze over muskets and muse through their sideburns.

Shaw's father wanted no monument
except the ditch,
where his son's body was thrown
and lost with his "niggers" (Lowell).

Каменные памятники
абстрактного солдата Союза
становятся стройнее и моложе с каждым годом –
у них осиная талия, они дремлют над мушкетами
и размышляют через свои бакенбарды...

Отец Шоу не хотел памятника –
только канаву,
куда бросили тело его сына
и оставили с его «нигерами».

Выделенная текстовая единица *the abstract Union Soldier* (абстрактный солдат Союза) выражает собирательный образ солдат, погибших во время Гражданской войны в США (1861–1865). Олицетворение *grow slimmer and younger* (становятся стройнее и моложе) пребывает в имплицитном контексте, поскольку неясно, каким образом каменные памятники могут становиться моложе. Следующая строфа начинается текстовой единицей *Shaw* (Шоу) – аллюзивным антропонимом, отсылающим к знаменитому полковнику армии Союза в период Гражданской войны в США

Р.Г. Шоу, который принял командование первым чернокожим полком (54-й Массачусетский) и героически погиб (Fordham Preparatory School). В стихотворении Р. Лоуэлл выражает свое разочарование в войне. По мнению поэта, кровопролитие не способно сделать людей лучше или уравнивать их права:

(6) The ditch is nearer.

There are no statues for the last war here;
on Boylston Street, a commercial photograph
shows Hiroshima boiling

over a Mosler Safe, the "Rock of Ages"
that survived the blast. Space is nearer.
When I crouch to my television set,
the drained faces of Negro school-children
rise like balloons (Lowell).

Канавы ближе.
Здесь нет памятников последней войны;
на Бойлстон-стрит фотограф-коммерсант
показывает, как Хиросима кипит

над Мослер Сейф, «Твердыня Вечная»,
которая пережила взрыв. Космос ближе.
Когда я припадаю к экрану своего телевизора,
истощенные лица негров-школьников
взлетают, словно шарики.

В первой строфе представленного отрывка из «For the Union Dead» автор подчеркивает, что у солдат «последней войны» (имеются в виду бомбардировки Хиросимы) нет и не может быть памятника, поскольку никто не в силах пережить удар ядерного оружия. Сравнение *the drained faces of Negro school-children rise like balloons* (истощенные лица негров-школьников взлетают, словно шарики) показывает, что на момент создания стихотворения права афроамериканцев все еще не были равны правам белых людей. Отметим, что рассматриваемый текст был написан в 1960 г., когда в США остро стоял вопрос расовой дискриминации. В то время наблюдалось массовое общественное движение чернокожих граждан США (Civil Rights Movement).

Возвращаясь к анализируемой текстовой единице *the abstract Union Soldier*, можно сказать, что, с одной стороны, она является аллюзией и отсылает к личности полковника Р.Г. Шоу. Об этом свидетельствует упомяну-

тое выше олицетворение *grow younger* (становятся моложе): полковник Р.Г. Шоу погиб в возрасте двадцати пяти лет. С другой стороны, в рамках стихотворения «For the Union Dead» она может быть интерпретирована как символ войны, страданий и убийств. В одном поэтическом образе наблюдаются сразу несколько различных значений:

1. Неизвестный солдат как собирательный образ всех погибших героев войны.

2. «Абстрактный» солдат как противопоставление реальным героям, имена которых преданы забвению по тем или иным причинам. В данном случае «абстрактный» солдат противопоставляется полковнику Р.Г. Шоу, чей памятник, согласно «For the Union Dead», – канава, куда он был брошен после смерти вместе со своими чернокожими друзьями.

3. Памятник неизвестному солдату как символ убийств и смерти.

Текстовая единица *the abstract Union Soldier* является *n*-значной, а именно – трехзначной. Зависимость значности от контекста – основополагающий фактор интертекстуальности рассматриваемой единицы. Имплицитный контекст обеспечивает семантическую нелинейность текстового фрагмента, которая выражается в ИТ связях исследуемых текстовых единиц с адресными текстами. В результате актуализируется многозначность, а точнее многосмысленность (способность текстовой единицы определиться сразу несколькими, в том числе несловарными, значениями в рамках одного контекста), единицы поэтического текста. Так, *the abstract Union Soldier* в «For the Union Dead» выражает собирательный общекультурный образ и, одновременно с этим, является немаркированной единицей архитектуральности, отсылающей реципиента к исторической личности полковника Р.Г. Шоу и событиям, связанным с его гибелью.

Интертекстуальный потенциал текстовых единиц

ИТ потенциал – один из основных признаков ИТ единицы, который обеспечивает динамику ее смыслового комплекса. Под ИТ потенциалом понимается совокупность всех

возможных ИТ связей между анализируемой единицей базового произведения и идентичными ей единицами адресных текстов. Реципиент способен частично декодировать эти связи. Результат расшифровки ИТ единиц зависит от широты фоновых знаний и развитости компетенций читателя. Любой из предложенных вариантов интерпретации не будет исчерпывающим, поскольку непрерывно создаются новые тексты (а значит, новые ИТ связи).

Представим текстовые единицы дизъюнкцией 0 vs 1, где 0 – отсутствие; 1 – наличие ИТ потенциала. Текстовые единицы, ИТ потенциал которых равен 1, можно разделить на два типа: а) упоминание или цитирование общеизвестных / неизвестных текстов через единицы авто-, пара-, ин-, архитектуральности; б) отсылки к референту через личные местоимения либо общепотребительные существительные без указания имени человека или названия объекта.

Рассмотрим первый тип (упоминание или цитирование общеизвестных / неизвестных текстов) текстовой единицы, обладающей ИТ потенциалом, на примере отрывка из стихотворения американского поэта Л. Хьюза «The Negro Speaks of Rivers» («Черный говорит о реках»).

(7) I've known **rivers**:

I've known **rivers** ancient as the world
and older than the flow of human blood
in human veins.

My soul has grown deep like **the rivers** (Hughes).

Я узнал реки:

Я узнал реки, древние как мир
и старше, чем течение человеческой крови
в человеческих венах.

Моя душа проросла вглубь, как реки.

ИТ потенциал выделенной текстовой единицы равен 1, так как поэтический образ, выраженный существительным *rivers* (реки), является отсылкой к общеизвестному символу «река – реки». В статье «River» в «Peter Greif's SYMBOLARIUM» (Энциклопедия знаков и символов), приводятся следующие толкования обсуждаемого символа: «мировой поток явлений, течение жизни; символ уходящего времени и жизни; река жизни – царство

божества, макрокосм; река смерти – явное существование, мир изменений, микрокосм; устье реки сходно по символике с воротами (дверью); река – проводник в иное царство, в океан единства» (Энциклопедия знаков и символов). В широком смысле понимание рассматриваемого символа *rivers* (реки) сводится к идеям древнегреческого философа Гераклита Эфесского, согласно которым любая река есть символ времени и необратимых процессов: «Все течет, все меняется»; «Все течет, и ничто не остается на месте» (Серов). Текстовая единица *rivers* (реки) обладает мощным ИТ потенциалом, поскольку является ИТ ссылкой сразу к большому количеству адресных текстов. Таким образом, текстовая единица *rivers* (реки) – это реминисценция к культурологическим, философским, мифологическим текстам, а также интекстуальная аллюзия на существующие или вымышленные реки: Нил, Евфрат, Лету, Стикс и т. д.

Представленная текстовая единица *rivers* (реки) выступает широким общеизвестным мифологическим символом, поэтому ее ИТ потенциал равен 1. Рассмотрим малоизвестную, узконаправленную реминисценцию на примере отрывка из «The Mental Traveller» («Странник духа») английского поэта У. Блейка:

(8) I travel thro' a Land of Men
A Land of Men & Women too
 And heard & saw such **dreadful things**
 As **cold Earth wanderers** never knew... (Blake, p. 499).

Я шел через Страну Мужей.
 Страну Мужей и Жен.
 И слышал, и видел такие ужасные вещи,
 Которые никогда не знали странники
 холодной Земли...

Из контекста рассматриваемого отрывка видно, что образ природного мира, представленный единицей *cold Earth wanderers* (странники холодной Земли), не тождественен миру *A Land of Men & Women* (страна Мужей и Жен).

Смысловый комплекс текстовой единицы *dreadful things* (ужасные вещи) раскрывается через проспекцию. В ходе прочтения этого стихотворения возможно сформировать базовое контекстное значение данной единицы анализа:

(9) ...And if the Babe is born a Boy
 He's given to a Woman Old...

<...>

...**She lives upon his shrieks and cries,**
 And she grows young as he grows old... (Blake, p. 500).

...И если рождается мальчик,
 Его отдают Старухе...

<...>

...Она живет его криками и плачем,
 И она молодеет, когда он старится...

Из данного отрывка видно, что «ужасным» У. Блейк называет непонятный и неприемлемый для природного мира закон, который справедлив в стране Мужей и Жен. Этот закон выражен обобщением *dreadful things*, раскрывающимся в образе старухи, которая молодеет за счет того, что старится новорожденный мальчик.

A Land of Men & Women является единственной из выделенных текстовых единиц, смысловой комплекс которой не может быть однозначно интерпретирован. Текстовые единицы *dreadful things* и *cold Earth wanderers*, напротив, определяются однозначными контекстными значениями через описанные выше сравнение и проспекцию.

Для интерпретации смыслового комплекса единицы *A Land of Men & Women* необходимо обратиться к адресным текстам (преимущественно другим произведениям У. Блейка). *A Land of Men & Women* является самоаллюзией на четверичную мифологическую систему поэта, согласно которой Вселенная проходит следующие духовные состояния: Eden (Рай) – единство Творца и его творения; Generation (Порождение) – отделение человека от Бога, человека от других людей; Beulah (Беула) – христианский идеал, восстановление единства человека с Божеством; Ulro (Ульро) – материальный мир, Ад [Зверев, 1982]. Иерархически указанные состояния располагаются следующим образом (от высшего к низшему): Eden – Beulah – Generation – Ulro. Принимая данную систему во внимание, будем понимать под текстовой единицей *cold EARTH wanderers* – «cold

ULRO wanderers», то есть странники материального мира.

В пророческих книгах У. Блейка «Vala, or The Four Zoas» («Вала, или Четыре Зоа») и «Jerusalem» («Иерусалим») описывается духовное состояние, обозначенное как *Generation*. Некоторые из примеров:

(10) ...**The Generation** of Decay & Death & his Regeneration by the Resurrection from the dead... (Blake, p. 274).

...Порождение Разложения и Смерти и его Регенерации через Воскрешение из мертвых...

(11) ...**Generating Love**: a pretence of love to destroy love... (Blake, p. 667).

...Любовь Порождения: предлог любви уничтожить любовь...

Основной отличительной чертой духовного состояния *Generation* является бинарность – вечное возрождение одного начала посредством уничтожения другого и наоборот. *A Land of Men & Women* – самоаллюзия на образ мира, пребывающего в состоянии *Generation*. В произведении «The Mental Traveller» наблюдается противопоставление мужского и женского начал – бинарная основа *Generation*. В рамках анализируемого поэтического текста мужское начало возрождается посредством женского, и наоборот, то есть *A Land of Men & Women* выступает частным случаем *Generation*.

Обратимся к вариантам интерпретации единицы *A Land of Men & Women*, предложенным другими исследователями. У.М. Росетти истолковывает рассматриваемую единицу как противостояние старого и нового – взаимоотношение идей в контексте постоянно меняющихся культурологических и социологических реалий (комментарий У.М. Росетти приводится по: [Hirsch, 1964]). У.Б. Йейтс считает, что идеология и философия *A Land of Men & Women* навеяна идеями теософа Э. Сведенборга (1688–1772) и представляет собой принцип отделения каждого от своей противоположности, разделения и самопоглощения [Yeats, 2008]. По мнению К. Рейн, прообразом *A Land of Men & Women* является притча Платона из диалога «Политик» (в Зо-

лотом Веке мужчины росли от старости к младенчеству, так же как и Младенец У. Блейка) [Raine, 1985]. Е.В. Витковский считает, что текстовая единица *A Land of Men & Women* «вскрывает извращенность отношений в современном Блейку обществе» [Витковский, 1975, с. 607]. А.М. Зверев видит в *A Land of Men & Women* «аллегорическую, изображающую тернистый и причудливый путь Свободы через века истории» [Зверев, 1982]. А.В. Глебовская сравнивает *A Land of Men & Women* с обобщением духовного опыта автора и всего человечества [Глебовская, 2006].

Таким образом, вариативность контекстных значений, а также нелинейные ИТ связи между базовой единицей анализа и идентичными ей единицами адресных текстов свидетельствуют о том, что ее ИТ потенциал равен 1.

Проиллюстрируем второй тип (отсылки к референту через личные местоимения или общеупотребительные существительные) текстовых единиц, обладающих ИТ потенциалом, отрывком из стихотворения «You shall above all things be glad and young» («Прежде всего радуйся и будь молодым») американского поэта И.И. Каммингса.

(12) you shall above all things be glad and young
For if **you**'re young, whatever life you wear

it will become **you**; and if **you** are glad
whatever's living will **yourself** become (Cumplings).

Прежде всего радуйся и будь молодым,
Поскольку, если ты молод,
какую бы жизнь ты не носил,

она станет тобой; и если ты радуешься,
любая жизнь станет как ты.

Выделенная текстовая единица, представленная личным местоимением *you* (ты), относится к ИТ единицам, связи между которыми априори множественны и нелинейны, так как референт ни обозначен антропонимом или существительным, ни дополнен эпитетом или другими средствами выражения. Количество контекстных значений единицы *you* (ты) начинается с двух: *you* (ты) – тот, кто читает данное произведение; *you* (ты) – конкретный человек, к которому обращается И.И. Кам-

мингс, но не называет его. Интерпретируя общепотребительные ИТ единицы, реципиент встраивается в творческий процесс мыслительной деятельности автора, в ходе которого называются очевидные для автора, но неявные для читателя объекты. Перед реципиентом открывается семиотическое поле нелинейно связанных между собой идентичных текстовых единиц, чей ИТ потенциал стремится к бесконечности.

Значность ИТ единицы обнаруживается при помещении ее в имплицитный контекст, позволяющий говорить о неустойчивости смыслового комплекса этой единицы. Другими словами, любая ИТ единица, встречающаяся в имплицитном контексте, по своей природе *n*-значна, так как ее смысловой комплекс включает совокупность базового контекстного значения и контекстных значений идентичных ИТ единиц, содержащихся в адресных текстах. ИТ потенциал выражает вариативность контекстных значений идентичных ИТ единиц, которые гипотетически могут быть декодированы реципиентом.

Выводы

Недефинитивность является базовым признаком немаркированной ИТ единицы, который актуализируется благодаря полиинтерпретативности этой единицы. Невозможность или неспособность реципиента вычленять немаркированные единицы из текста приводит к смысловой размытости, непониманию сути произведения. Однако это «непонимание» может служить инструментом выделения немаркированных ИТ единиц. В этом случае процесс интерпретации идет не от читателя к тексту, а от текста к читателю. Реципиент рассматривает совокупность параметров смысловой неопределенности текстовой единицы, которая выражена в признаке недефинитивности. К этим параметрам относятся: тип контекста, значность и ИТ потенциал. Если рассматриваемая текстовая единица пребывает в имплицитном контексте, многозначна и обладает ИТ потенциалом, равным 1, то ее можно считать ИТ единицей.

Текстовая единица произведения, отвечающая предложенным параметрам, вступает в ИТ отношения с идентичной ей единицей

адресных текстов, в результате чего реализуется обмен контекстами между этими единицами. Именно этот обмен делает базовую текстовую единицу недефинитивной, то есть способной определяться сразу несколькими, в том числе несловарными, значениями в рамках одного заданного контекста. Так, рассмотренная выше единица *woods* в «Stopping by Woods» Р. Фроста вступает в автотекстуальную связь с идентичными единицами *woods* других произведений поэта, в связи с чем ее смысловой комплекс расширяется до семантического ряда, представленного несловарными значениями: «лес – смерть – заблуждения – жизненный путь – одиночество». Единица *the abstract Union Soldier* из «For the Union Dead» Р. Лоуэлла в силу ее архитектонической природы интерпретируется как собирательный образ героя войны, жертв войны и историческая личность – полковник Р. Г. Шоу. Номинация *the Land of Men & Women* в «The Mental Traveller» У. Блейка эксплицирует в его мифологии сложный поэтический образ, являющийся самоаллюзией на бинарный образ, обозначенный как *Generation*, аллюзией на труды Э. Сведенборга и притчу из диалога «Политик» Платона.

Опора на признак недефинитивности единиц поэтического текста способна облегчить процесс интерпретации ИТ включений в общем текстовом объеме рассматриваемого произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В., 1999. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. 448 с.
- Витковский Е., 1975. Примечания // Поэзия английского романтизма XIX века. М. : Худож. лит. С. 599–656.
- Глебовская А. В., 2006. Предварение. Комментарии // Блейк У. Песни Невинности и Опыта. СПб. : Азбука-классика. С. 5–21, 223–259.
- Женетт Ж., 1998. Фигуры : в 2 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых. Т. 1. 470 с. ; Т. 2. 469 с.
- Зверев А. М., 1982. Комментарии // Блейк У. Стихи : сборник : на англ. и рус. яз. / сост. А. М. Зверев. М. : Прогресс. С. 499–555. URL: https://imwerden.de/pdf/blake_selected_verse_stikhi_1982_text.pdf.
- Кристева Ю., 2004. Избранные труды: разрушение поэтики. М. : РОССПЭН. 656 с.

- Кузьмина Н. А., 1999. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Омск : Омск. гос. ун-т. 268 с.
- Лозинский М. Л., 2017. Комментарий // Алигьере Д. Божественная комедия : С иллюстрациями Гюстава Доре / пер. с итал. М. Л. Лозинского. М. : Времена : АСТ. С. 305–428.
- Олизько Н. С., 2009. Интердискурсивность постмодернистского письма (на материале творчества Дж. Барта). Челябинск : Фотохудожник. 162 с.
- Смирнов И. П., 1995. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака. СПб. : СПбГУ. 189 с.
- Тимофеева Т. Н., 2007. Специфика прецедентных феноменов в англоязычных научных текстах экономической тематики // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2 (11). С. 69–73.
- Фатеева Н. А., 2000. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М. : Агар. 280 с.
- Чернявская В. Е., 2004. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (001). С. 106–111.
- Hirsch E. D., 1964. Innocence and Experience: Introduction to Blake. New Heaven : Yale University Press. 350 p.
- Raine K., 1985. Defending Ancient Springs: Essays. Great Barrington : Lindisfarne Press. 198 p.
- Yeats W. B., 2008. The Collected Works of W.B. Yeats. Vol. XIII. A Vision. The Original 1925 Version. Charleston : BiblioLife. 340 p.
- ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ**
- Данте* – Алигьере Д. Божественная комедия : С иллюстрациями Гюстава Доре / пер. с итал. М. Л. Лозинского. М. : Времена : АСТ. 432 с.
- Серов* – Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. 2019. URL: https://royallib.com/read/serov_vadim/entsiklopedicheskiy_slovar_krilatih_slov_i_virageniy.html (дата обращения: 29.08.2019).
- Энциклопедия знаков и символов* – Река // Энциклопедия знаков и символов. 2019. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Река> (дата обращения: 29.08.2019).
- Blake* – Blake W. The Complete Poems. L. : Penguin Group, 2004. 1071 p.
- Cummings* – Cummings E. E. The Gladdest Thing. 2019. URL: <https://gladdestthing.com/poems/you-shall-above-all-things-be-glad-and-young> (date of access: 29.08.2019).
- Fordham Preparatory School* – Col. Robert Gould Shaw, ex-1854 // Fordham Preparatory School. 2019. URL: <https://www.fordhamprep.org/page.cfm?p=4856> (date of access: 29.08.2019).
- Frost* – Frost R. Complete Poems of Robert Frost. N.Y. : Holt, Rinehart & Winston, 1964. 666 p.
- Hughes* – Hughes L. The Negro Speaks of Rivers. 1994. URL: <https://poets.org/poem/negro-speaks-rivers> (date of access: 29.08.2019).
- Lowell* – Lowell R. For the Union Dead. 2003. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/57035/for-the-union-dead> (date of access: 29.08.2019).
- OLD* – Wood // Oxford Learners Dictionaries. 2019. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/wood?q=woods> (date of access: 29.08.2019).
- REFERENCES**
- Arnold I.V., 1999. *Semantika. Stilistika. Intertekstualnost* [Semantics. Stylistics, Intertextuality]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 448 p.
- Vitkovskiy E., 1975. Primechaniya [Notes]. *Poeziya angliyskogo Romantizma XIX veka* [Poetry of English Romanticism of the 19th c.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 599-656.
- Glebovskaya A.V., 2006. Predvarenie. Kommentarii [Prediction. Comments]. Blake W. *Pesni Nevinnostii Opyta* [Songs of Innocence and of Experience]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., pp. 5-21, 223-259.
- Zhenett Zh., 1998. *Figury: v 2 t.* [Figures. In 2 Vols.]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovoykh, vol. 1. 470 p., vol. 2. 469 p.
- Zverev A.M., 1982. Kommentarii [Comments]. *Stikhi: sbornik: na angl. i rus. yaz.* [Poems. Collection. In English and Russian]. Moscow, Progress Publ., pp. 499-555. URL: https://imwerden.de/pdf/blake_selected_verse_stikhi_1982_text.pdf.
- Kristeva Yu., 2004. *Izbrannye trudy: razrushenie poetiki* [Chosen Works. Destruction of Poetics]. Moscow, ROSSPEN Publ. 656 p.
- Kuzmina N.A., 1999. *Intertekst i ego rol v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and Its Role in Poetic Languages Evolution Processes]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo universiteta; Omsk, Omskiy gosudarstvennyy universitet. 268 p.
- Lozinskiy M.L., 2017. Kommentariy [Note]. Alighieri D. *Bozhestvennaya komediya: S illyustratsiyami Gyustava Dore* [The Divine Comedy. With Illustrations by Gustave Dore]. Moscow, Vremena Publ., AST Publ., pp. 305-428.

- Olizko N.S., 2009. *Interdiskursivnost postmodernistskogo pisma (na material tvorchestva Dzh. Barta)* [Interdiscursivity of Postmodern Letter (Exemplified By J. Barths Works)]. Chelyabinsk, Fotokhudozhnik Publ. 162 p.
- Smirnov I.P., 1995. *Porozhdenie interteksta. Elementy intertekstualnogo analiza s primerami iz tvorchestva B. Pasternaka* [Generation of Intertext. Elements of Intertextual Analysis with Examples from B. Pasternak's Works]. Saint Petersburg, SPBGU. 189 p.
- Timofeeva T.N., 2007. Spetsifika pretsedentnykh fenomenov v angloyazychnykh nauchnykh tekstakh ekonomicheskoy tematiki [Specificity of Precedent Phenomena in English Scientific Texts on Economy]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 2 (11), pp. 69-73.
- Fateeva N.A., 2000. *Kontrapunkt intertekstualnosti, ili Intertekst v mire tekstov* [Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts]. Moscow, Agar Publ. 280 p.
- Chernyavskaya V.E., 2004. Intertekst i interdiskurs kak realizatsiya tekstovoy otkrytosti [Intertext and Interdiscourse as a Realization of Text Semantic Openness]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 1, pp. 106-111.
- Hirsch E.D., 1964. *Innocence and Experience: Introduction to Blake*. New Heaven, Yale University Press. 350 p.
- Raine K., 1985. *Defending Ancient Springs: Essays*. Great Barrington, Lindisfarne Press. 198 p.
- Yeats W.B., 2008. *The Collected Works of W.B. Yeats. Vol. XIII: A Vision: The Original 1925 Version*. Charleston, BiblioLife. 340 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Alighieri D. *Bozhestvennaya komediya: S illyustratsiyami Gyustava Dore* [The Divine Comedy. With Illustrations by Gustave Dore]. Moscow, Vremena Publ., AST Publ. 432 p.
- Serov V. *Entsiklopedicheskiy slovar krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic Dictionary of Proverbial Expressions]. 2019. URL: https://royallib.com/read/serov_vadim/entsiklopedicheskiy_slovar_krilatih_slov_i_virageniy.html (accessed 29 August 2019).
- Entsiklopediya znakov i simvolov* [Encyclopedia of Signs and Symbols]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Reka> (accessed 29 August 2019).
- Blake W. *The Complete Poems*. London, Penguin Group, 2004. 1071 p.
- Cummings E.E. *The Gladdest Thing*. 2019. URL: <https://gladdestthing.com/poems/you-shall-above-all-things-be-glad-and-young> (accessed 29 August 2019).
- Col. Robert Gould Shaw, ex-1854. *Fordham Preparatory School*. 2019. URL: <https://www.fordhamprep.org/page.cfm?p=4856> (accessed 29 August 2019).
- Frost R. *Complete Poems of Robert Frost*. New York, Holt, Rinehart & Winston, 1964. 666 p.
- Hughes L. *The Negro Speaks of Rivers*. 1994. URL: <https://poets.org/poem/negro-speaks-rivers> (accessed 29 August 2019).
- Lowell R. *For the Union Dead*. 2003. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/57035/for-the-union-dead> (accessed 29 August 2019).
- Wood. *Oxford Learners Dictionaries*. 2019. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/wood?q=woods> (accessed 29 August 2019).

Information About the Author

Ilya V. Sergodeev, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philosophy and Linguistics, Snezhinsk Physics and Technology Institute (branch of the National Research Nuclear University "MEPhI"), Komsomolskaya St, 8, 456776 Snezhinsk, Russia, info@mephi.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1550-4001>

Информация об авторе

Илья Витальевич Сергодеев, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и лингвистики, Снежинский физико-технический институт (филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»), ул. Комсомольская, 8, 456776 г. Снежинск, Россия, info@mephi.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1550-4001>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.14>

UDC 81'42:347.781.55
LBC 81.055.51.3

Submitted: 12.08.2019
Accepted: 28.04.2020

INFORMATION DOCUMENTS OF EXECUTIVES: PROBLEMS OF IDENTIFICATION AND DESCRIPTION¹

Mariya A. Shirinkina

Perm State National Research University, Perm, Russia

Abstract. The article considers the system of information documents of the executives. It is shown that genre forms used in public administration for the purpose of informing are numerous. Many of these forms lack clear genre nominations, which explains the fact that researchers substitute genre nominations by names of the issues in which the informative documents are published. The author characterizes the information genres, which are in major demand with state administration: public report, press release and briefing materials. The article reveals that public report reflects information about the officials' actions or about the actual state of affairs with the relevant government agency; by its structure, it is a standardized text with language units typical of business communication. Press release is a short message about productive work of the authorities, aimed at shaping their positive image; its distinguishing feature is the use of emotionally and expressively colored lexical units and stylistic expressive means. The genre of briefing materials, along with the key objective – to inform, employs an additional setting for popularization of legal information, and hence a wide range of visual tools (tables, charts, flowcharts, fonts, colours, etc.). The author assumes that the contents and the instructive appeal of certain fragments of information genres make them close to the enacting documents genres, although their means of expressing style features are different.

Key words: discourse, written discourse of executive authorities, document, informative documents, genre, public report, press release, briefing materials.

Citation. Shirinkina M.A. Information Documents of Executives: Problems of Identification and Description. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 157-169. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.14>

УДК 81'42:347.781.55
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 12.08.2019
Дата принятия статьи: 28.04.2020

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТИП ДОКУМЕНТОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОПИСАНИЯ¹

Мария Андреевна Ширинкина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

Аннотация. В статье обсуждается состав информационных документов исполнительной власти. Показано, что жанровые формы, применяемые в деловой сфере с целью информирования, разнообразны. Установлено, что отсутствие у многих из них четких жанровых наименований приводит исследователей к подмене жанровых номинаций номинациями типов изданий, в которых информационные тексты публикуются. Охарактеризованы три жанра – публичный отчет, пресс-релиз и информационные материалы. Публичный отчет отражает информацию о действиях должностных лиц или реальном состоянии дел в органах власти; по структуре это стандартизированный текст, наполненный типичными для делового общения языковыми единицами. Пресс-релиз является небольшим сообщением о продуктивной работе представителей власти, ориентированным на создание их позитивного имиджа; отличается использованием лексических единиц с эмоционально-экспрессивной окраской и средств словесной образности. Жанр информационных материалов реализует, кроме установки на информирование, дополнительную целеустановку на популяризацию

правовой информации, что обуславливает широкое употребление визуальных средств – таблиц, диаграмм, рисунков, блок-схем, шрифта, цвета и др. Определено, что содержание и инструктивная направленность отдельных фрагментов информационных жанров сближают их с жанрами предписательных документов, однако средства выражения стилевой специфики в тех и других различаются.

Ключевые слова: дискурс, письменный дискурс исполнительной власти, документ, информационные документы, жанр, публичный отчет, пресс-релиз, информационные материалы.

Цитирование. Ширинкина М. А. Информационный тип документов исполнительной власти: проблемы выделения и описания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 157–169. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.14>

Введение

Традиционно при классификации документных текстов большинство специалистов указывает среди гражданско-правовых, организационно-правовых, распорядительных, финансовых, учетных, документов по личному составу и личных класс информационно-справочных документов. Однако вопрос его жанрового наполнения решается исследователями по-разному. Например, Н.Н. Кушнаренок называет информационно-справочными документами доклады, отчеты, докладные и пояснительные записки, справки, сводки, обзоры, некоторые виды служебных писем [Кушнаренок, 2006, с. 345]; С.П. Кушнерук – протоколы, акты, сводки, справки, заключения [Кушнерук, 2008, с. 57]; Н.Н. Куняев – протоколы, акты, справки, служебные письма (см.: [Куняев, Уралов, Фабричных, 2012, с. 128]).

Выполняя в государстве функцию управления, органы исполнительной власти готовят разные информационные документы (отчеты, объявления, извещения, пресс-релизы) и тексты информационной направленности (листовки, брошюры, бюллетени, буклеты). Специалисты по политологии и теории PR отмечают, что разнообразие форм информационной работы и каналов распространения сообщений направлено на удовлетворение информационных потребностей различных целевых групп, что в свою очередь влияет на результативность информационной политики органа власти, а следовательно, определяет эффективность государственного управления [Илатовская, 2007, с. 16–17; Мозолин, 2012, с. 11].

При этом информационные речевые произведения, в широком смысле ориентированные на информирование, в действительности выполняют массу специальных функций (например, просвещения, разъяснения, создания

позитивного имиджа власти) и имеют формально-содержательные отличия. Разные документоведческие подходы к типологии деловых бумаг, а также широкий ассортимент информационно-справочных и PR-текстов и их многофункциональность, с одной стороны, затрудняют создание конечного списка текстов этого типа – жанров, но, с другой стороны, определяют существование весьма интересного объекта для исследования. Неслучайно в последнее время появляются работы, посвященные информационным жанрам делового общения [Белоконева, 2012; Быстрова, 2017; Киреева, 2015] и текстам PR-коммуникации [Анисимова, 2015; Буслаева, 2015].

В фокусе внимания в исследовании находятся жанры письменного дискурса исполнительной власти, который мы определяем как особую разновидность использования языка в когнитивно-коммуникативной деятельности должностных лиц органов исполнительной власти при осуществлении ее функций (государственного управления, правотворчества, правоприменения, контроля и надзора и др.), детерминируемую условиями общения исполнительной власти с различными субъектами и выражаемую в целостной системе жанров (обоснование понятия см. в: [Ширинкина, 2017]). В соответствии с ведущей авторской интенцией в составе указанного дискурса можно выделить три группы жанров: предписательные, эпистолярные и информационные (к числу которых мы относим и тексты сферы PR). Цель данной статьи – определить примерный состав письменных информационных документов, созданных органами исполнительной власти, и охарактеризовать наиболее востребованные из них.

При обращении к массиву информационных документов исследователь сталкивается с проблемами их жанровой верифика-

ции. У многих из этих текстов отсутствует жанровое обозначение, в связи с чем возможна подмена понятия «жанр» понятием «носитель информации». Аналогичные проблемы возникают в сфере рекламы и PR (см. об этом, например: [Анисимова, 2018; Богоявленский, 2004; Имшинецкая, 2002]). По справедливому замечанию И.А. Имшинецкой, «жанр и рекламоноситель соотносятся как форма и содержание – форму рекламоносителя можно наполнить разными жанрами» [Имшинецкая, 2002, с. 8]. Развивая рассуждения И.А. Имшинецкой, Т.В. Анисимова пишет: «Каждый рекламоноситель задает использование своей системы жанровых форм, характерных для размещаемых там текстов» [Анисимова, 2018, с. 161].

Учитывая тот факт, что многие из текстов относятся к сфере PR, логичным представляется изучение работ в данной области. Так, один из основателей петербургской школы PR А.Д. Кривоносов, принимая во внимание своеобразие продуктов PR-коммуникации, предлагает разграничивать жанровую типологию речевых произведений этой сферы и их классификацию по разным признакам, в том числе по критерию «сложность текста», на основании которого выделяет простые и комбинированные PR-тексты. Простой PR-текст, по словам исследователя, – «это конкретный текст как определенная, отграниченная от других текстов данность, существующая в пространстве PR-коммуникаций как самостоятельная и самодостаточная» [Кривоносов, 2002, с. 78]. К простым текстам PR-коммуникации автор относит следующие жанровые разновидности: пресс-релиз, приглашение, биографию, заявление для СМИ и т. д. Комбинированный PR-текст – «это макротекст, представляющий “набор” первичных простых текстов, объединенных общей тематикой (новостным поводом)», «механическая или полиграфическая комбинация простых PR-текстов» [Кривоносов, 2002, с. 78]. В класс комбинированных PR-текстов ученый включает пресс-кит, проспект, брошюру, буклет, ньюс-леттер и листовку.

Иными словами, понятие жанра, традиционно определяемое в жанроведении как относительно устойчивый тематический, ком-

позиционный и стилистический тип высказываний [Бахтин, 1986, с. 254–255], можно использовать и по отношению к речевым продуктам, предназначенным для связей с общественностью. При этом брошюры, листовки, буклеты, по нашему мнению, целесообразно считать полиграфическими формами, или, в терминологии процитированных выше авторов, «носителями информации». Одни из них, например брошюры и буклеты, содержат целостный текст, которому, как правило, сложно присвоить какое-то жанровое название. Составители называют эти тексты информационными материалами, методическими рекомендациями, официальной информацией и т. д. Как указано в одном из таких изданий, в них приводятся «адаптированные нормативные материалы», «методические материалы» (Управление..., с. 2), поясняющие законодательно закрепленные процедуры выполнения тех или иных правовых действий. Бюллетени, в отличие от брошюр и буклетов, являются сборниками из нескольких текстов. Бюллетени бывают официальными, содержащими нормативные акты органов исполнительной власти, не относящиеся к разряду информационно-справочных документов, и информационными, включающими анонсы, пресс-релизы и тексты отчетных речей должностных лиц. Назначение и целевую аудиторию издательской продукции подобного рода эксплицирует характерная надпись: *Использование материалов «Информационного бюллетеня» приветствуется. Ссылка на «Информационный бюллетень» – не обязательна (Информационный бюллетень...)*. Очевидно, что надпись строится на основе стандартных для такого случая фраз: *Копирование, распространение, перепечатка материала без письменного разрешения автора не допускается. При использовании материала ссылка на источник обязательна*, выражает противоположное им значение и указывает на то, что издание предназначено для широкого распространения информации через СМИ и общественные организации. Такие бюллетени могут быть напечатаны или размещены в электронной форме на официальном сайте, благодаря чему круг их адресатов максимально расширится.

Кроме проблемы разграничения жанра и носителя информации, перед исследователем стоит еще одна проблема – невозможность составления исчерпывающего перечня жанровых разновидностей документов информационного типа. При обращении к конкретным текстам оказывается, что информационный текстотип документов исполнительной власти представлен богатой жанровой палитрой, в которой можно выделить, например, отчеты должностных лиц о работе подразделений властных органов, объявления, заключения, извещения, пресс-релизы, памятки и др. На практике можно заметить, что схожие по теме, композиции и стилистическим чертам типы текстов обозначаются составителями с помощью разных (как правило, синонимичных) жанровых наименований, например: *сообщение / информация / официальная информация / извещение*. Эти тексты размещаются в электронном формате в справочных правовых системах типа «Консультант-Плюс» (<http://www.consultant.ru/>) или «Государственной системе правовой информации» (<http://pravo.gov.ru/>), на официальных сайтах органов исполнительной власти и в печатном виде на информационных стендах в помещениях органов власти, а также в составе официальных бюллетеней, издаваемых органами исполнительной власти разного уровня. Таким образом, возникает необходимость унификации жанровых наименований информационных текстов, что, по нашему мнению, значительно облегчит поиск документов определенного жанра в указанных информационно-коммуникационных источниках.

Материал и методы исследования

Жанр понимается нами, вслед за М.М. Бахтиным, как относительно устойчивый тип высказывания, отличающийся тематическими, композиционными и стилистическими особенностями [Бахтин, 1986, с. 254–255]. По отношению к говорящему / пишущему жанр – это модель речевого поведения в типичных коммуникативных ситуациях разных сфер духовной деятельности человека. Результативно жанр является моделью построения целого текста, а также типом текста с характерными для него языковыми средствами. При этом

жанровый текстотип тесно связан с жизненной ситуацией – экстралингвистическим контекстом. Таким образом, полный анализ жанра как типа текстов можно получить лишь учитывая, наряду с его языковыми особенностями, ту жизненную ситуацию, в которой этот текст образуется и функционирует.

Исходя из этого, анализ жанровых текстотипов информационных документов исполнительной власти производится по следующему алгоритму: 1) с опорой на коммуникативную ситуацию определяются автор и адресат текста, а также коммуникативная интенция говорящего; 2) с использованием словарных дефиниций из терминологических словарей по документоведению устанавливается жанр анализируемого текста; 3) с учетом положений функциональной стилистики описываются стилиевые черты каждого жанра и характерные для него вербальные и невербальные средства выражения этих стилиевых черт.

В статье представлены тексты трех социально значимых жанров сферы государственного управления – публичного отчета, пресс-релиза и информационных материалов. В качестве источников использованы печатные брошюры информационно-справочной и методической направленности, а также электронные документы, размещенные на официальных сайтах органов исполнительной власти и местного самоуправления, в частности администраций города Архангельска, Волгограда, Перми и Санкт-Петербурга, в период с 2009 по 2019 год.

Результаты и обсуждение

Учитывая, с одной стороны, жанровое разнообразие информационных документов исполнительной власти, с другой – ограниченность объема статьи, представим характеристику трех востребованных жанров указанной направленности – публичного отчета, пресс-релиза и так называемых информационных материалов.

Публичный отчет

Традиционно в делопроизводстве отчет определяется как «документ, содержащий сведения об итогах выполнения планов, заданий, командировок и других мероприятий,

представляемый вышестоящей организации (органу власти) или вышестоящему должностному лицу» (Словарь видов..., с. 52). В современной деловой коммуникации получил широкое распространение жанр публичного отчета, который размещается на официальном сайте организации, является «инструментом в сфере связей с общественностью, предназначенным прежде всего для внешней аудитории (партнеров, клиентов, органов власти и т. д.), реализует требование информационной открытости и осуществляет презентацию организации, информируя о разных направлениях ее деятельности и роли в социуме» [Буслаева, 2015, с. 12]. Составителем отчета выступает конкретное должностное лицо. Адресатом становятся все посетители сайта, в том числе и журналисты, которые на основе этих данных могут написать новостные тексты для СМИ. Наряду с информирующей, любой отчет выполняет имиджеформирующую и контролирующие функции, поскольку позволяет вышестоящим должностным лицам и общественности проконтролировать деятельность отчитывающегося лица или органа власти. Содержанием рассматриваемого делового жанра оказывается информация о реальном состоянии дел, проблемах и достижениях, действиях и мероприятиях, проведенных должностным лицом или подразделением органа власти. По структуре публичный отчет – это стандартизированный текст, часто оформленный в таблице.

Приведем фрагмент отчета комитета по образованию города Архангельска:

За 2017–2018 учебный год увеличилось количество объединений военно-патриотического направления: 45 объединений функционирует на базе ОО и 31 объединение – в УДО, в них заняты 3702 учащихся. Также активно развивается техническое творчество: 54 объединения созданы на базе ОО, 36 – на базе УДО, из них 7 объединений робототехники. Техническим творчеством занимаются 3033 учащихся. Популярным остается и туристско-краеведческое направление: в 66 объединениях, созданных на базе ОО и в УДО, занимаются 1602 учащихся, которые активно путешествуют по Архангельской области и занимаются изучением родного края (Состояние и результативность..., с. 10).

Как видим, в отчете доминирует тональность констатации, создаваемая на грамма-

тическом уровне глаголами и причастиями настоящего и прошедшего времени в значении констатации, многочисленными цифровыми показателями, отражающими фактологически точные данные.

Информация в жанре отчета передается официальным тоном, при этом можно заметить весьма частое употребление в отчетах средств выражения оценки (*активно, популярный, эффективный, комфортные условия, наиболее привлекательный* и пр.) и лексем с семантикой интенсивности (*увеличиваться / увеличение, расширяться / расширение, повышаться / повышение* и т. п.). Эти языковые единицы формируют аналитическую направленность текста, поскольку данные в нем представляются, как правило, в сравнительном аспекте по отношению к предыдущему отчетному периоду и, кроме того, отражают тенденции развития органа власти и соответствующего региона, воспроизводят прогнозы и перспективы изменений и нововведений. При этом подавляющее большинство языковых единиц имеет общее значение продуктивности, результативности.

В жанровом отношении отчет сближается с обзором, который понимается как «документ, составленный в целях информирования подведомственных и иных организаций о результатах работы в той или иной области или о деятельности той или иной группы организаций за определенный период» (Словарь видов..., с. 48). Предполагается, что в отчете должна быть отражена именно деятельность отчетного лица или органа, а в обзоре – представлен сравнительный анализ, прослежена динамика развития объекта (региона или страны в целом), которая стала возможна благодаря действиям властных структур. Подчеркнем, что на сайтах органов исполнительной власти можно найти документы то с одним, то с другим жанровым наименованием. Как правило, эти документы совмещают в себе черты отчета и обзора.

Пресс-релиз

Следующий жанр, посредством которого органы исполнительной власти информируют общественность, – пресс-релиз. В теории PR пресс-релиз определяют как «основной

жанр PR-текста, содержащий актуальную для прессы оперативную информацию о событии, связанном с базисным субъектом PR» [Кривоносов, 2002, с. 131], в нашем случае – о деятельности органов исполнительной власти или отдельных должностных лиц.

Автором пресс-релиза выступает специалист по связям с общественностью конкретного органа исполнительной власти. Исследователи разграничивают пресс-релизы по признаку адресата, выделяя профильные (ориентированные на профессиональную аудиторию) и общие (ориентированные на широкие группы целевых аудиторий) [Тихомирова, 2008, с. 63]. К последним относятся тексты, размещенные на официальных сайтах органов исполнительной власти, хотя, безусловно, в зависимости от темы каждый из них преимущественно привлекает внимание определенной целевой группы.

Основной функцией этой жанровой формы является оперативная передача информации о положительных событиях в деятельности должностных лиц и органов исполнительной власти, направленная на формирование их позитивного имиджа.

По признаку оперативности информирования пресс-релизы подразделяют на релиз-анонсы и ньюс-релизы, первые сообщают о будущем событии, вторые появляются после освещаемого события и информируют об итогах состоявшегося события [Кривоносов, 2002, с. 133]. Ньюс-релизы, размещаемые на официальных сайтах компаний, учреждений и органов власти, Т.В. Анисимова предлагает называть интернет-релизами [Анисимова, 2015].

В качестве примера интернет-релиза приведем следующую публикацию.

В ПЕРМИ НАЧАЛИ ВЫСАЖИВАТЬ ЦВЕТЫ К ДНЮ ГОРОДА

Стартовала активная стадия посадки однолетних цветочных культур. Пермь должна заиграть яркими красками к 12 июня.

Площадь цветников в городе составляет более 34 тысяч кв. метров, из них под однолетними цветочными культурами – более 26 тысяч кв. метров. На этой площади будет высажено порядка 820 тысяч однолетних растений.

Площадь под многолетними цветами в этом году будет расширена. Новые цветники появятся в связи с капитальным ремонтом набережной и реконструкцией эспланады. На этих объектах высадят

около 12 тысяч многолетних цветочных культур, более 600 кв. метров – хосты, лилейники, астильбы, вероникаструм, а также пользующиеся сейчас популярностью у ландшафтных дизайнеров злаковые культуры.

Планируется высадить 20 разных видов однолетних цветочных культур. Треть цветников займут разные виды и сорта петуний. Также будут высажены любимые пермяками бархатцы, сальвии, цинерарии и другие. Для украшения города используются культуры, которые хорошо себя чувствуют в городской среде и имеют достаточно долгий период цветения, они будут радовать жителей города вплоть до заморозков.

Высадка цветов идет на Комсомольской площади, в Театральном саду, на эспланаде, на площади Гайдара, в сквере им. Мичурина и т. д. Первым с посадками в этом году закончил Индустриальный район.

Самый большой цветник на Средней дамбе будет посвящен Году культуры. Его оформят в виде арфы. Сегодня подрядная организация готовит разбивку этого цветника.

Самыми протяженными станут цветники в Кировском районе по улице Маршала Рыбалко. Там появится около 1 тысячи кв. метров однолетних.

– В этом году у нас все цветники будут более яркими – в красных, желтых, голубых, ярко-розовых тонах. В Год культуры хочется создать больше красоты и пышности, – отмечает главный садовник Перми Илюса Збруева.

Дополнительная информация для СМИ:
Екатерина Гаспер –
212-62-90 (В Перми начали высаживать...).

С одной стороны, текст интернет-релиза содержит много цифровой информации, что характерно для жанра публичного отчета, с другой – в нем употребляются метафоры и другие средства словесной образности разной степени выразительности (*стартовала активная стадия, заиграть яркими красками*), а также лексика с эмоционально-экспрессивной окраской и семантикой интенсивности (*новые, популярностью, любимые, радовать, самый большой, более яркими*). За счет этих средств формируется положительная тональность текста. Официальный характер информации в пресс-релизе поддерживается завершающим текст указанием фамилии и имени, а также номера телефона специалиста PR-службы, к которому представители СМИ могут обратиться за

дополнительной информацией. При этом текст пресс-релиза, как правило, сопровождается на сайте фото-, аудио-, видеоматериалами и гиперссылками. Таким образом, можно сказать, что пресс-релиз близок жанру отчета, однако при этом имеет черты публицистичности и рекламности, сочетая новостные фрагменты (сообщения о происходящих событиях) и анонсирующие (превентивные сообщения о том, что еще планируется сделать администрацией для озеленения города).

Информационные материалы

Документы этого жанра информационной направленности могут исходить от органа исполнительной власти. Составители условно называют эти тексты информационными или методическими материалами, акцентируя тем самым внимание на их неправовом характере. По-видимому, в сфере права жанровая принадлежность текста особенно значима в том случае, если он имеет юридическую силу, юридический статус, то есть является документом в узком понимании этого термина. Все, что находится за пределами нормативной коммуникации, не требует жесткой жанровой отнесенности.

Предлагаем в качестве рабочего следующее определение этого текстотипа: информационные материалы – информационно-справочный жанр письменного делового общения, имеющий целью адаптацию нормативно-правовой информации, ее популяризацию, а также – дополнительно – инструктирование адресата о том, как совершить установленные законом действия и процедуры и достичь определенного результата. Информационные материалы оформляются обычно в виде красочной брошюры – объемного (по ГОСТ – до 48 страниц, фактически – и больше) издания в мягкой обложке (ГОСТ 7.60-2003).

Тексты описываемого жанра составляются непосредственно специалистами органов исполнительной власти или – по заказу – экспертами некоммерческих организаций. Строгой адресации текст, как правило, не имеет: информационные материалы адресованы активным гражданам и инициативным группам граждан, что, в частности, отраже-

но в названии одной из таких брошюр: *Для активных жителей. Опыт и рекомендации* (Шомина).

Следует особо отметить, что информационные материалы направлены на повышение уровня правовой грамотности граждан, то есть с помощью этих изданий органы исполнительной власти осуществляют свою первичную функцию – исполнение законов и реализацию государственной политики. Иными словами, основными коммуникативными интенциями составителя текста являются популяризация, объяснение положений законодательства, закрепляющих правила поведения людей и порядок выполнения юридически значимых действий. Думается, можно провести аналогию информационных материалов с научно-популярными текстами, в которых реализуется такая дополнительная задача коммуникации, как «“перевод” специальной научной информации на язык неспециального знания... для широкой аудитории» [Кириченко, 2003, с. 236].

Этот информационный продукт составляется таким языком, который понятен людям, не участвующим в сфере государственного управления. Тексты информационных материалов имеют нестандартную, нетипичную для деловых бумаг форму; в них используются разнообразные вербальные и визуальные средства выражения содержания: нумерованные или маркированные списки, вопросно-ответные комплексы, таблицы, диаграммы, блок-схемы, инфографика, шрифт, цвет, макетирование и др. В качестве примера рассмотрим фрагмент из брошюры «Азбука для потребителей услуг ЖКХ», размещенной на официальном сайте администрации города Волгограда (см. рис. 1).

Как видим, после заголовка-вопроса в первом абзаце констатируется статус общего собрания собственников жилья; отдельной рубрикой **ВАЖНО ЗНАТЬ!** в рамке оформлена значимая информация; специальной цветной выноской сделана ссылка на нормативный документ – Жилищный кодекс РФ; рубрицированным списком представлены полномочия общего собрания собственников жилья.

Мы разделяем мнение Н.Ф. Пономарева о том, что в жанре информационных материалов более других проявляется «под-

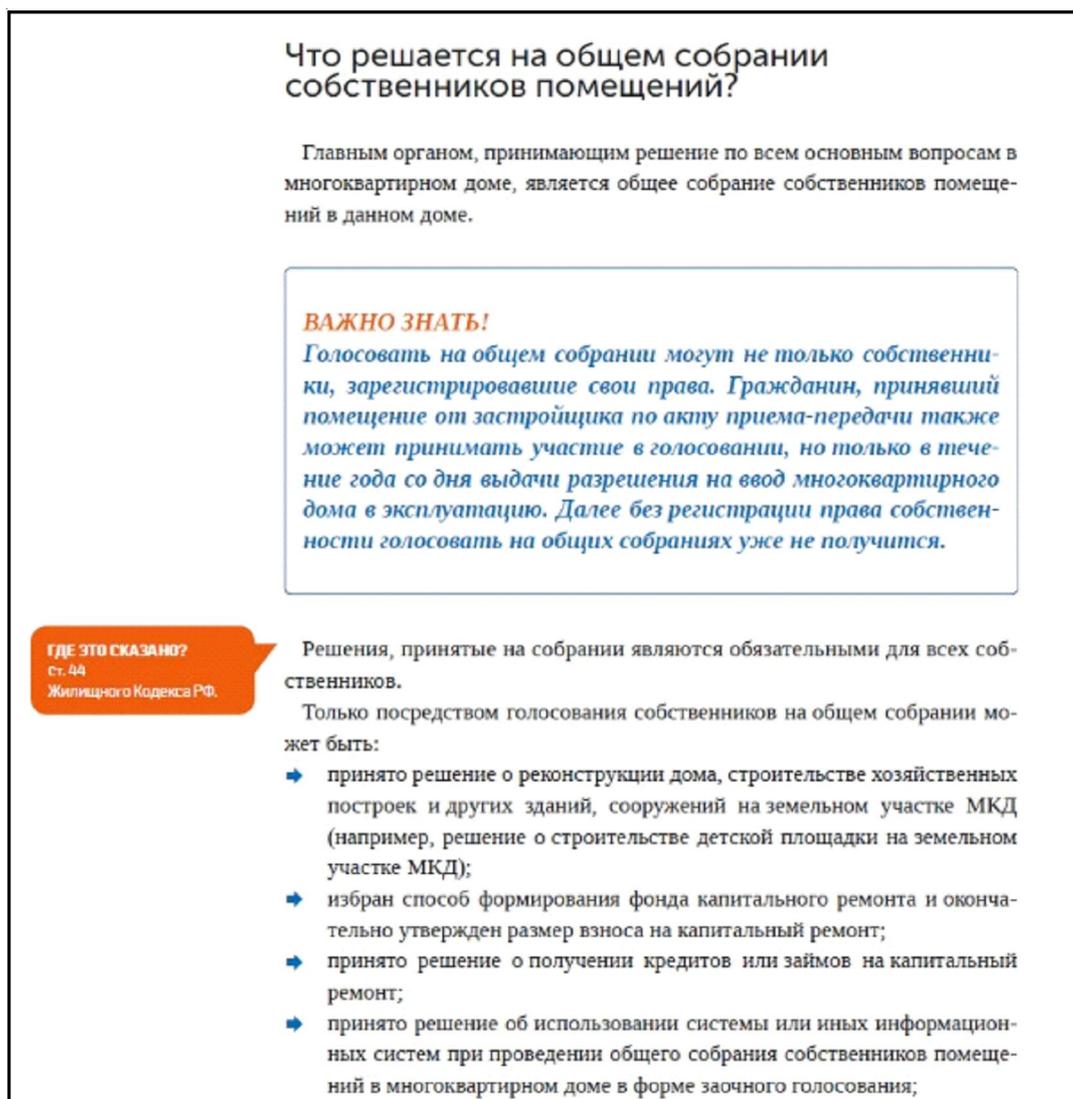

Рис. 1. «Азбука для потребителей услуг ЖКХ». Фрагмент брошюры
Fig. 1. "ABC Guide for Getting Public Utilities Services". Fragment of a brochure

стройка под мировоззрение и коммуникативные навыки целевой группы» [Пономарев, 2007, с. 89]. На наш взгляд, это сближает информационные материалы с научно-популярными и рекламными текстами. Как и в рекламной сфере, составители стараются сделать содержание информационных материалов и доступным, и привлекательным для адресата. Приведем примеры графических элементов, особенно ярко иллюстрирующих такую специальную подстройку под потребителя (см. рис. 2, 3).

Примеры показывают, что графические материалы, ориентированные на особые целевые группы (например, детей, их родителей и т. д.), могут сопровождаться элементами со-

циальной рекламы: *Следите за исправностью приборов!*

В использовании визуальных элементов в информационных материалах и жанре публичного отчета обнаружены отличия: в отчете, имеющем выраженный аналитический характер, цифровая информация и графические компоненты, как правило, отражают тенденции развития социальных явлений, закономерные изменения показателей по определенным параметрам; в информационных материалах, имеющих целью разъяснить правовую информацию, изложить ее доступным языком, графика служит упрощению восприятия данных, их адаптации для широкой аудитории.

Рис. 2. «ЖКХ для детей» (с. 9)
Fig. 2. “Public Utilities Service for Children” (p. 9)

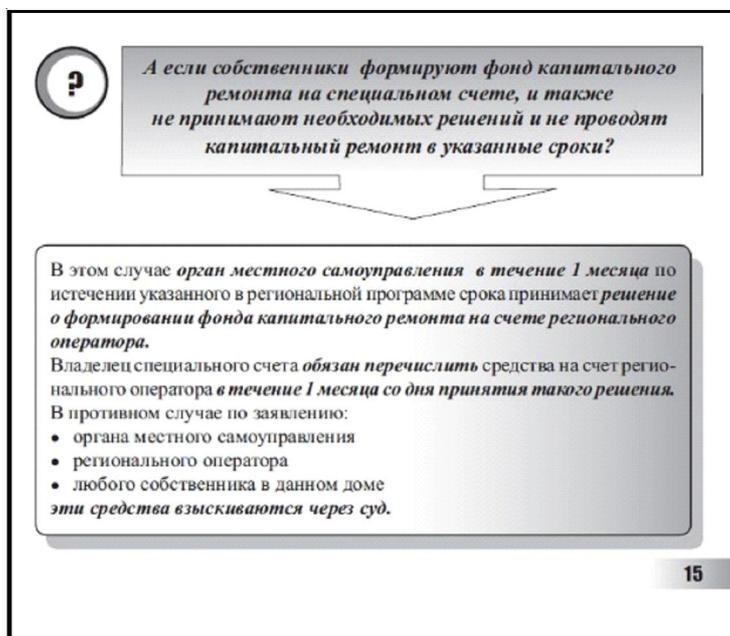

Рис. 3. «Вопросы организации капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах» (с. 15)
Fig. 3. “Issues of Overhaul Repairs of Common Property Multi-Storey Blocks” (p. 15)

Отдельные фрагменты этих информационных текстов имеют инструктивную направленность: в них указываются алгоритмы выполнения правовых действий и используются глаголы в форме повелительного наклонения, что нехарактерно даже для жанров, формирующих ядро документов императивного типа, – указа, распоряжения, приказа.

Выводы

Информационный тип текстов исполнительной власти отличается жанровым многообразием. Это детерминируется прежде всего разнообразием частных коммуникативных интенций их составителей: в них проявляются собственно информирование, сообщение, анализ и обобщение, просвещение, популяризация, создание позитивного имиджа власти и т. д.

Все эти тексты имеют официальный характер, то есть исходят от уполномоченных органов исполнительной власти, реализуя тем самым ее основную функцию – исполнение законов.

Содержание информационного типа документов исполнительной власти практически совпадает с содержанием директивных и регламентирующих жанровых разновидностей: в них сообщается о правилах поведения в определенной правовой ситуации, последовательности выполнения юридически значимых действий, событиях в сфере государственной власти и управления, деятельности должностных лиц.

Жанры публичного отчета, пресс-релиза и информационных материалов имеют сходства и отличия. Отчету присуща явная аналитическая направленность, информация, представленная в нем, оказывается вторичной, составленной на основе аналитико-синтетических механизмов переработки исходных сведений; основная цель составителя отчета – сообщить о действиях, которые должностное лицо или орган власти уполномочен совершать в соответствии с законодательством. При этом текст характеризуется высокой степенью официальности и стандартизованности.

Пресс-релиз при доминировании информативной функции в качестве сопутствующей выполняет и функцию воздействия – формирует общественное мнение о представителях власти. Посредством положительно окрашен-

ной лексики в нем оперативно сообщается о позитивных аспектах деятельности властных структур. Композиция пресс-релиза относительно устойчива, но допускает творческое наполнение каждой части.

Информационные материалы призваны реализовать функцию просвещения – популярно представить правовую информацию, адаптировать ее для широкого адресата. Доступность, понятность изложения достигаются за счет использования различных форм наглядности и схематизации материала. Имея дополнительную инструктивную направленность, тексты информационных материалов отличаются нетипичными для деловой сферы общения вербальными и невербальными средствами.

Перспективным представляется детальное изучение перечисленных выше жанровых разновидностей информационного типа письменного дискурса исполнительной власти в категориально-текстовом аспекте, что, по нашему мнению, позволит наиболее рельефно выделить индивидуальные особенности репрезентации основных текстовых категорий (тональности, авторизации, адресации, темы и композиции) в каждом конкретном жанре.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект 17-29-09158 офи_m «Создание корпуса официально-деловых текстов русского языка (ОДКРЯ)».

The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, project number 17-29-09158 ofi_m “Creating the Russian official-legislative texts corpus”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова Т. В., 2015. Специфика PR-жанров в Интернете // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 4 (28). С. 129–137. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.16>.
- Анисимова Т. В., 2018. Жанры социальной рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 1. С. 160–171. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.17>.
- Бахтин М. М., 1986. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. С. 250–296.

- Белоконева К. А., 2012. Стратификация документов сферы государственного управления образованием : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 22 с.
- Богоявленский А. Е., 2004. Типы текстов публичных рилейшнз и носители PR-сообщений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 1. С. 150–157.
- Буслаева Е. С., 2015. Документные средства сферы связей с общественностью: типология, свойства, стилевая организация : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 25 с.
- Быстрова А. С., 2017. Жанровые параметры стратегии как документа долгосрочного планирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 199–206. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.20>.
- Илатовская Э. А., 2007. Информационная политика органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации: формирование и проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб. 22 с.
- Имшинецкая И. А., 2002. Жанры печатной рекламы, или Сундук с идеями копирайтера. М. : РИП-холдинг. 130 с.
- Киреева Е. З., 2015. Эпистемическая модальность в информационных документах (на материале регионального законодательства) // Юрислингвистика. № 4 (15). С. 16–19.
- Кириченко Н. В., 2003. Научно-популярный подстиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука. С. 236–242.
- Кривоносов А. Д., 2002. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб. : Петербург. востоковедение. 288 с.
- Куняев Н. Н., Уралов Д. Н., Фабричнов А. Г., 2012. Документоведение. М. : Логос. 352 с.
- Кушнаренко Н. Н., 2006. Документоведение. Киев : Знання. 459 с.
- Кушнерук С. П., 2008. Документная лингвистика. М. : Флинта : Наука. 256 с.
- Мозолин А. В., 2012. Информационная политика органов власти // Российская школа связей с общественностью. Вып. 4. С. 4–62.
- Пономарев Н. Ф., 2007. Информационная политика органа власти: пропаганда, антипропаганда, контрпропаганда. Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та. 183 с.
- Тихомирова А. В., 2008. Коммуникативная специфика пресс-релиза как разновидности PR-текстов (на материале испанского языка) // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». № 2. С. 61–67.
- Ширинкина М. А., 2017. Документы исполнительной власти в функционально-стилистической системе русского языка // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. Т. 19. № 2 (163). С. 134–146. DOI: [10.15826/izv2.2017.19.2.030](https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.2.030).

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- В Перми начали высаживать...* – В Перми начали высаживать цветы к Дню города. URL: <http://www.gorodperm.ru/news/2596-rubric/2019/05/30/50127-id> (дата обращения: 25.06.2019).
- ГОСТ 7.60-2003 – ГОСТ 7.60-2003. Издания. Основные виды. Термины и определения. Введ. 2004-07-01. М. : Изд-во стандартов, 2004. 36 с.
- Информационный бюллетень...* – Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга № 18 (1117) от 20.05.2019. URL: <https://www.gov.spb.ru/static/writable/mediact/bulletin/2019/05/17/%D0%98%D0%91-0520.pdf> (дата обращения: 25.06.2019).
- Словарь видов...* – Словарь видов и разновидностей современной управленческой документации / Ф. В. Янковая [и др.]. М. : ВНИИДАД, 2014. 81 с.
- Состояние и результативность...* – Состояние и результативность системы образования города Архангельска в 2017–2018 учебном году : информ.-аналит. сб. Архангельск : [б. и.], 2018. 115 с. URL: <http://www.arhcity.ru/data/1067/ES17-18.pdf> (дата обращения: 25.06.2019).
- Управление...* – Управление многоквартирными домами. В помощь собственнику. Пермь : [б. и.], 2013. 60 с.
- Шомина* – Шомина Е.С. Для активных жителей. Опыт и рекомендации. Пермь : ОТ и ДО, 2009. 32 с.
- Азбука для потребителей услуг ЖКХ. Выпуск 2.0. URL: <http://www.volgadmin.ru/d/branches/gkh/azbuka> (дата обращения: 25.06.2019).
- Вопросы организации капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах. Пермь : [б. и.], 2013. 60 с.
- Государственная система правовой информации : офиц. интернет-портал правовой информ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2019).
- ЖКХ для детей. Пермь : [б. и.], 2016. 16 с.
- Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.06.2019).

REFERENCES

- Anisimova T.V., 2015. Spetsifika PR-zhanrov v internete [On Specificity of PR-Genres in the Internet].

- Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 4 (28), pp. 129-137. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.16>.
- Anisimova T.V., 2018. Zhanry sotsialnoy reklamy [Genres of Social Advertising]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 1, pp. 160-171. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.17>.
- Bakhtin M.M., 1986. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 250-296.
- Belokoneva K.A., 2012. *Stratifikatsiya dokumentov sfery gosudarstvennogo upravleniya obrazovaniem: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Stratification of Documents in the Sphere of State Government Education. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 22 p.
- Bogoyavlenskiy A.E., 2004. Tipy tekstov pablik rileyshnz i nositeli PR-soobshcheniy [PR-Texts Types and PR-Messages Exponents]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], no. 1, pp. 150-157.
- Buslaeva E.S., 2015. *Dokumentnye sredstva sfery svyazey s obshchestvennostyu: tipologiya, svoystva, stilevaya organizatsiya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Documentary Means of Public Relations: Typology, Properties, Style Organization. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 25 p.
- Bystrova A.S., 2017. Zhanrovye parametry strategii kak dokumenta dolgosrochnogo planirovaniya [Genre Parameters of Strategy as a Document of Long-Term Planning]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 199-206. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.20>.
- Ilatovskaya E.A., 2007. *Informatsionnaya politika organov ispolnitelnoy vlasti subyektov Rossiyskoy Federatsii: formirovanie i problemy realizatsii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Information Policy of the Executive Branch of the Russian Federation: The Formation and Implementation Problems. Cand. polit. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 22 p.
- Imshinetskaya I.A., 2002. *Zhanry pechatnoy reklamy ili sunduk s ideyami kopiraytera* [Genres of Print Advertising, or the Chest with the Ideas of the Copywriter]. Moscow, RIP-kholding Publ. 130 p.
- Kireeva E.Z., 2015. Epistemicheskaya modalnost v informatsionnykh dokumentakh (na material regionalnogo zakonodatelstva) [Epistemic Modality in Documents Information (Based on the Regional Legislation)]. *Yurilingvistika* [Legal Linguistics], no. 4 (15), pp. 16-19.
- Kirichenko N.V., 2003. Nauchno-populyarnyy podstil [Popular Science Sub-Style]. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [The Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 236-242.
- Krivososov A.D., 2002. *PR-tekst v sisteme publichnykh kommunikatsiy* [PR Text in the System of Public Communication]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ. 288 p.
- Kunyaev N.N., Uralov D.N., Fabrichnov A.G., 2012. *Dokumentovedenie* [Document Science]. Moscow, Logos Publ. 352 p.
- Kushnarenko N.N., 2006. *Dokumentovedenie* [Document Science]. Kiev, Znaniya Publ. 459 p.
- Kushneruk S.P., 2008. *Dokumentnaya lingvistika* [Document Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 256 p.
- Mozolin A.V., 2012. Informatsionnaya politika organov vlasti [Information Politics of the Authorities]. *Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennostyu* [Russian School of Public Relations], iss. 4, pp. 4-62.
- Ponomarev N.F., 2007. *Informatsionnaya politika organa vlasti: propaganda, antipropaganda, kontrpropaganda* [Information Politics of the Authorities: Propaganda, Anti-Propaganda, Counter-Propaganda]. Perm, Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 183 p.
- Tikhomirova A.V., 2008. Kommunikativnaya spetsifika press-reliza kak raznovidnosti PR-tekstov (na materiale ispanskogo yazyka) [Communicative Characteristics of Press-Release as Variety of Public Relations Discourse]. *Vestnik RUDN. Seriya «Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost»*, no. 2, pp. 61-67.
- Shirinkina M.A., 2017. Dokumenty ispolnitelnoy vlasti v funktsionalno-stilisticheskoy sisteme russkogo yazyka [Executive Documents in the Functional Styles System of the Russian Language]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], vol. 19, no. 2 (163), pp. 134-146. DOI: [10.15826/izv2.2017.19.2.030](https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.2.030).

SOURCES AND DICTIONARIES

- V Permi nachali vysazhivat tsvety k Dnyu goroda* [In Perm, They Began to Plant Flowers for the City Day]. URL: <http://www.gorodperm.ru/news/2596-rubric/2019/05/30/50127-id> (accessed 25 June 2019).
- GOST 7.60-2003. Izdaniya. Osnovnye vidy. Terminy i opredeleniya. Vved. 2004–07–01* [GOST 7.60-2003. Editions. Basic Type. Terms and Definitions. Introduced July 1, 2004]. Moscow, Izd-vo standartov, 2004. 36 p.
- Informatsionnyy byulleten Administratsii Sankt-Peterburga № 18 (1117) ot 20.05.2019* [Newsletter of the Administration of Saint Petersburg no. 18 (1117), of May 20, 2019]. URL: <https://www.gov.spb.ru/static/writable/mediact/bulletin/2019/05/17/%D0%98%D0%91-0520.pdf> (accessed 25 June 2019).
- Yankovaya F.V. et al., eds. *Slovar vidov i raznovidnostey sovremennoy upravlencheskoy dokumentatsii* [Dictionary of Types and Varieties of Modern Management Documentation]. Moscow, VNIIDAD, 2014. 81 p.
- Sostoyanie i rezultativnost sistemy obrazovaniya goroda Arkhangel'ska v 2017–2018 uchebnom godu: inform.-analit. sb.* [The State and Performance of the Education System of the City of Arkhangel'sk in the 2017–2018 Academic Year. Information and Analytical Collection]. Arkhangel'sk, [s. n.], 2018. 115 p. URL: <http://www.arhcity.ru/data/1067/ES17-18.pdf> (accessed 25 June 2019).
- Upravlenie mnogokvartirnymi domami. V pomoshch sobstvenniku* [Management of Apartment Buildings. To Help the Owner]. Perm, [s. n.], 2013. 60 p.
- Shomina E.S. *Dlya aktivnykh zhiteley: Opyt i rekomendatsii* [For Active Residents: Experience and Recommendations]. Perm, OT i DO Publ., 2009. 32 p.
- Azbuka dlya potrebiteley uslug ZhKKh. Vypusk 2.0.* [ABC Guide for Getting Public Utilities Services. Release 2.0]. URL: <http://www.volgadmin.ru/d/branches/gkh/azbuka> (accessed 25 June 2019).
- Voprosy organizatsii kapitalnogo remonta obshchego imushchestva v mnogokvartirnykh domakh* [Issues of Overhaul Repairs of Common Property Multi-Storey Blocks]. Perm, [s. n.], 2013. 60 p.
- Gosudarstvennaya sistema pravovoy informatsii: ofits. internet-portal pravovoy inform.* [State System of Legal Information. Official Online Portal of Legal Information]. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 25 June 2019).
- ZhKKh dlya detey* [Public Utilities Service for Children]. Perm, [s. n.], 2016. 16 p.
- Spravochno-pravovaya sistema «KonsultantPlyus»* [Reference Legal System “KonsultantPlyus”]. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 25 June 2019).

Information About the Author

Mariya A. Shirinkina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and Stylistics, Perm State National Research University, Bukireva St, 15, 614990 Perm, Russia, m555a@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6951-0653>

Информация об авторе

Мария Андреевна Ширинкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, 15, 614990 г. Пермь, Россия, m555a@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6951-0653>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2021 года 1920 руб. 60 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2021 is 1920.60 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

